

С -ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ
РУССКОГО СЕВЕРА

Составитель и автор комментариев
О. А. Черепанова

vk.com/ethnograph

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1996

ББК 82.3Р-6

М68

Редактор Л.А.Карпова

Рецензенты: канд. филол. наук Т.Г. Иванова (Институт русской литературы (Пушкинский дом)),
канд. филол. наук С.Б. Адоньева (С.-Петербург. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского университета*

М68 Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / (Сост. и автор
комментариев О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та,
1996.— 212 с.
ISBN 5-288-01444-2

В книге впервые публикуется более четырехсот мифологических рассказов, записанных на Русском Севере во время экспедиций. В книге дан обширный комментарий, список малоупотребляемых слов и в Приложении – древнерусские тексты, имеющие фольклорно-мифологические параллели. Устанавливается типологическая связь с современными свидетельствами о паранормальных явлениях.
Для фольклористов, лингвистов, этнографов, а также широкого круга читателей.

М $\frac{4604000000 - 006}{076(02) - 96}$ 101 – 95

ББК 82.3Р-6

ISBN 5-288-01444-2

© Издательство С.-Петербургского университета, 1996
© О.А. Черепанова, составитель и автор комментариев, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое издание содержит публикации мифологических рассказов и легенд — устных народных повествований о фантастических событиях. Произведения этого фольклорного жанра, часто называемые быличками, бывальщинами, побывальщинами, мало известны широкой читательской публике, так как в течение длительного периода они собирались и записывались специалистами-фольклористами очень несистематично. В настоящее время имеется лишь несколько изданий материалов такого рода.¹ Вместе с тем научная и социальная значимость жанра очень велика. Мифологические рассказы и легенды отражают народный, даже национальный, взгляд на такие значимые для общества понятия, как жизнь и смерть, прошлое и будущее, реальное и ирреальное; в них находит выражение логика рационального и иррационального. В этом смысле можно сказать, что произведения этого жанра отражают определенные стороны национальной души, и в том числе ее мистико-иррациональные свойства. В то же время они наполнены очень разнообразным и конкретным житейским содержанием, живописуют быт, повседневную жизнь человека, крестьянской семьи. В основе повествования, как правило, лежат образы и сюжеты, связанные с языческими представлениями, древние славянские мифы. Мифологические сюжеты переплетены с христианскими представлениями; то, о чем повествуется, обычно воспринимается рассказчиком как имевшее место в действительности. Все это придает мифологическим рассказам своеобразный и неповторимый колорит.

В настоящее время складывается особый взгляд на народные фантастические рассказы, так как в их содержании много такого, что в той или иной форме перекликается с современными повествованиями и публикациями об экстрасенсорных, паранормальных, трансдептных явлениях.

В древней славяно-русской церковной и светской письменности также представлены многообразные рассказы о сверхъестественном, прежде всего в виде чудес и явлений святых, чудес от икон, описаний бесов и их козней, причем многие повествования обнаруживают параллели с современными материалами даже в деталях. Если учесть все это и собрать воедино, то откроется широкая панорама народного взгляда начудесное в различные эпохи, на разных этапах социального, религиозного и научного развития общества.

При большом разнообразии конкретного бытового содержания мифологические рассказы обычно состоят из традиционных устойчивых блоков образов и мотивов, которые часто имеют аксиоматический характер и в тексте повествования не раскрываются и не комментируются. Кроме того, многие тексты в изложении рассказчиков нашего времени уже не имеют первоначальной целостности. В результате многое в этих текстах может оказаться неясным, некоторые детали предстают как немотивированные. Поэтому публикуемые тексты сопровождаются комментариями, часто весьма подробными. Без этих комментариев они едва ли могут восприняты во всей их глубине, специфичности и красоте.

Публикуемые легенды записаны в 1970—1990 гг. студентами Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета и некоторых других вузов Севера во время диалектологических, этнолингвистических и фольклорных экспедиций на территории Русского Севера. Значительное число публикуемых материалов почерпнуто из личного архива автора-составителя.

Под Русским Севером понимается территория от Урала до Прибалтики, севернее Волги. Это Новгородская, Псковская, Ленинградская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Ярославская, Костромская, Вятская (Кировская), Пермская области, Карелия, Коми республика, районы русского заселения Эстонии, некоторые районы Тверской обл.

¹Прозаические жанры русского фольклора / Сост. В. Н. Морохин. М., 1977; Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев Новосибирск, 1987; Легенды, предания, бывальщины / Сост. Н.А. Криничная. М., 1989; Былички и бывальщины / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991; Народная проза / Сост. С.Н. Азбелев. М., 1992; Криничная Н. А. Лесные наваждения. Мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине» леса. Петрозаводск, 1993. и некоторые другие. В большей части указанных изданий повествования на мифологическую тематику занимают второстепенное место среди других прозаических жанров.

Природная и социально-историческая обособленность края способствовала сохранению этнографической и культурной архаики на его территории. Основная масса материала собрана на северо-западе указанного региона. В небольшом объеме использованы материалы архивов Российского Географического общества и Государственного Музея этнографии.

Тематическая группировка публикуемых мифологических рассказов подсказана самим материалом. Она не противоречит существующим классификациям сказочной прозы. Тексты объединены по характеру основного мотива в повествовании, в результате чего сформировались тематические разделы: Культ предков и представления о потустороннем мире; Проклятые и обмененные; Народная демонология; Магия: колдовство и гадания. Ряд повествований представляет собой народные легенды христианского содержания, объединенные в разделе «Народные сюжеты христианства». В Приложении приведены выдержки из древнерусских и древнеславянских церковно-канонических и апокрифических текстов, имеющих сюжетные аналогии с публикуемыми народно-мифологическими рассказами.

Все тексты публикуются впервые (кроме древних).

Диалектные языковые особенности в публикации сохраняются не в полном объеме. Упрощение коснулось прежде всего фонетической стороны текстов, хотя приближены к литературной норме и некоторые грамматические формы и конструкции. Вместе с тем, для того чтобы не был потерян колорит народной речи, сохранены некоторые фонетические черты, такие, как цоканье (замена ч на ц: черный, цего и т. д.), наличие j перед начальным е в местоимениях (его, етот), не соответствующий литературной норме переход е в 'о (ё): крёст, сёстра и под.; гласный и на месте старого ъ: на мисте (вместо на месте ← на мѣ стѣ), в лисе (вместо в лесе←в лѣсѣ), вси, на двори и т. д.; в некоторых текстах отражено ярко выраженное аканье. Сохранено специфическое для диалектов и просторечия произношение некоторых слов; например, бурдовая вместо бордовая, ковда вместо когда, сѣдни (сегодня), опеть (опять), иде (где), денюжка (денежка) и т. д. Там, где это имелось в записях, отражены стяжение гласных в личных формах глаголов, прилагательных, местоимений (знат ← знает, кака-то ← какая-то, тяжела←тяжелая и под.); глагольные формы 3-го л. ед. и мн. числа без конечного т: (он) плаче, може (они) говоря; некоторые незакономерные для литературного языка падежные формы: на камню, у чертях, по реки и др.; особенности в спряжении глаголов (ходят, выняла, ревью, лягешь и др.), в управлении: рядом нас (рядом с нами); употребление местоимения кого вместо что в вин. падеже; диалектные формы личного местоимения ж. р. вин. падежа: ея, ею, ю вместо ее и т.д.

В народных повествованиях на мифологические темы нередко наблюдается свободный переход от косвенной речи к прямой, широко представлена несобственно-прямая речь. Помимо того такая особенность вообще свойственна разговорной речи, в мифологических текстах она встречается особенно часто потому что рассказчик имеет прагматическую задачу сделать свой рассказ правдоподобным, заставить слушателя поверить в реальность событий, о которых повествуется. Непосредственные слова героя события всегда звучат убедительнее, чем пересказ чужих слов, поэтому рассказчик часто и переходит от косвенной речи к прямой. Указанная особенность создает затруднения при расстановке знаков препинания: кавычки ставятся в тех случаях когда речь реально может быть оценена как прямая.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР РУССКОГО СЕВЕРЯНИНА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

На крутых поворотах пути горизонт расширяется, и взгляду открывается и то, что осталось позади, и то, куда ведет дорога. Также и на поворотах истории появляются желание и возможность заглянуть в собственное прошлое, познав его, оценить настоящее и разумно строить будущее. Обостряется национальное чувство, возникает потребность постичь специфику национального менталитета, устройство и особенности национальной души, которые многое определяют в жизни отдельного человека и нации в целом. Возвращение в круг нашего научного и нравственного познания русской философской мысли заострило наше внимание на таких понятиях, как «русская идея», «русская душа». Едва ли можно сказать, что мы познали свою национальную душу но мы увидели бесконечное множество ее составляющих, среди которых и трезвый рационализм современного человека, и христианская кротость и долготерпение, и удаль и жестокость средневековых ушкуйников, и языческая тяга к природным первоисточникам бытия. «В типе русского человека,— пишет Н. Бердяев,— всегда сталкиваются два элемента — первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный аскетизм, устремленность к потустороннему Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души».¹

Истоки и основы русской идеи, национального склада характера следует искать прежде всего в духовном наследии, накопленном народом в течение столетий в различных формах искусства, в письменности и литературе, в устном народном творчестве. В этом смысле для палеонтологии русской души огромный интерес представляет тот фантастический мир, который существует в обобщенном сознании русского северянина и который можно реконструировать по различным источникам и прежде всего на основе народных рассказов, легенд, мифов.

Народный фантастический мир является базисом, предшественником русского мистицизма, который в России конца XIX в. поднялся из сферы народных представлений на уровень философского осмысления, нашедшего отражение в учениях и трудах русских мистиков конца XIX — начала XX в.: Е. П. Блаватской, П. Д. Успенского, Г. И. Гюрджиева. В мистицизме русской души можно видеть один из главных источников, питающих гений таких писателей, как Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. Белый, Ф. Сологуб.

Фантастический мир северянина многокомпонентен и сложен по структуре. Он включает представления о загробном мире, о контактах с ним, об участии умерших в жизни ныне живущих. Еще одна составляющая фантастического мира — представления о трансцендентных существах — духах, хозяевах различных сфер и областей. Их присутствие в доме, на дворе, в лесу, поле, воде аксиоматично для многих жителей Севера и в настоящее время. Наконец, очень важной составляющей традиционного народного сознания являются представления о магии и колдовстве, уходящие в глубины первозданного бытия и сохраняющиеся исключительно устойчиво.

Переплетение образов и мотивов традиционной народной мифологии породило в коллективном народном сознании представление об ирреальном мире, как бы параллельном обыденному, реальному миру. За невидимой гранью существует иной мир, имеющий своих обитателей, представляющий собой своего рода зеркальное отражение реального мира, «Зазеркалье», «антимир», повторяющий реальный мир и противоположный ему в ряде существенных в народном миропонимании, строго регламентированных традицией моментов.

Фантастический мир имеет определенную логику построения: есть логика точного знания, но есть своеобразная логика и у заблуждения, во всем, что не является наукой, — мифах, снах и т. д. «Отсутствие действующей каузальности не исключает особого логического обоснования сверхъестественных явлений. Логика сверхъестественного существует, но какая?»². Истоки и особенности логики сверхъестественного следует искать в

¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 8.

² Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 26.

некоторых онтологических свойствах мышления, в совмещении различных логических структур, в том числе таких, которых основаны на отличном от современного понимании причинно-следственных отношений. Вместе с тем построение мифологического мира человека антропоцентрично и моделируется на базе комплекса жизненных представлений как прямое, видоизмененное или обратное отражение реального мира.

Иллюстрацией этому может служить любой уровень мифологических представлений, например хтонический или демонологический. Персонажи демонологии обнаруживают сходные с человеком черты в своем облике, поведении, отношениях, но всегда с какими-то ограничениями, отклонениями от норм реальности или вовсе с «обратным знаком». «Зеркальность» антимира имеет множество понятийных и образных воплощений; одно из наиболее ярких проявлений ее — идея «левого». Исключительно существенными оказываются оппозиции «свой — чужой», «правый — левый», «прямой — кривой» и некоторые другие.

В фантастическом мире есть и свои особые категории — категория мира вне времени (но с временной последовательностью событий), вне пространства (но в пространстве), вне естественной причинности (среди цепи причинно-обусловленных событий). Время и пространство могут быть дискретны, т. е. могут существовать лишь как момент и пространство совершения какого-либо конкретного действия или события.

Даже по цветовой гамме антимир соотносится с реальным миром как цветное изображение с черно-белым, ибо преобладающими цветами «антимира» являются антонимичные черный и белый, хотя значимым цветом может выступить и красный.

Факторы, способствующие устойчивому сохранению мифологических представлений в народном сознании, весьма многообразны. В известной мере к ним может быть отнесен недостаточно высокий уровень культуры и образованности. Стихия язычества на Севере подпитывается и малыми народами, с которыми русское население постоянно контактирует в течение столетий и у которых моленные рощи, «прокудливые», т. е. чудесные, священные, деревья, капища у источников имелись даже в XX в. Влияние оказывала и достаточно дикая и суровая природа края, тесное слияние человека с природой. Е. В. Аничков считал, что время от времени «душа требует катарсиса „страшным“, когда она голодна, внутренним потрясением или особенно запугана страхом жизни»,³ и в этом ему виделась одна из причин сохранности рассказов из области фантастики и суеверий и их популярности.

Самым же важным, перманентным и глубинным фактором стабилизирующим фантастический мир в уме и сердце человека, является осознание того, что в нашем мире присутствует нечто Всегда-Неизвестное. Как бы ни расширялась область познанного, известного, всегда остается Тайна. И сколько бы ни шел человек по пути прогресса, ее разгадка всегда впереди. Для постижения этой Тайны человечество мобилизует не только свой ум, но и интуицию, воображение, фантазию, порождая и сохраняя мифологию, которая также есть форма познания мира и самого человека в этом мире.

В настоящее время у нас в стране, да и во всем мире, говорят о некотором возрождении мировосприятия, в чем-то близкого языческому. Например, в Москве зарегистрирована языческая община, а языческое движение существует уже довольно давно — и не в одной лишь России, но и в Армении, в Литве.⁴ По мнению приверженцев «языческой идеи», интерес к язычеству — это естественное следствие процессов национального пробуждения, так как язычество в отличие от наднационального христианства уходит своими корнями в глубинную духовную культуру народности, народа, нации. Древние языческие верования, долгие века будучи придавлены мощным пластом христианства, не исчезли, но стали эзотерической системой, дающей возможность понять «подтекст», идею явления. В языческих представлениях апологеты язычества видят гармонию естества и считают, что в них интегрированы жизнь тела, психическая жизнь, мироощущение, жизненная сила, энергия народа. Христианство продемонстрировало

³ История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова. М., 1908. Т. 1: Народная словесность. С.56.

⁴ Белов А. Мне открылась языческая идея — гармония естества // Наука и религия. 1991. № 2. С. 27.

некоторую дискредитацию человеческого тела, именно в нем оформилась идея «греховности плоти». Сейчас человек, загнанный в угол экологическими катаклизмами, результатами собственной деятельности, оказавшийся, перед опасностью физического самоуничтожения, чувствует необходимость борьбы за сохранение и развитие не только духа, но и плоти, что рождает культ здоровья, культ тела, свойственный язычеству, например в его классическом, античном, варианте

Как это ни парадоксально, но начало космической эры также усилило языческое мироощущение у человека. В лоне язычества человек был слит с космосом, он был как бы частичка космоса, подражание ему, он был крупницей мироздания, его жизнь была неотделима от жизни солнца и луны, туч, лесов и вод. Выход человека за пределы Земли в новой форме возродил эти ощущения. «Становись и занимай свое место в природе.» - этот тезис из популярного ныне учения П. К. Иванцова находит живой отклик у многих.⁵

Вся эта гамма мыслей и ощущений породила в наше время своего рода апологию язычества; «Язычество по своей сути широко, глубинно и великодушно. Никакие политические движения не должны иметь отношения к его реконструкции»⁶

В этом важный момент языческого эзотеризма. Он связан с вечными законами природы, а они — вне современных распрей. Но языческая идея пробуждает в глубинах человеческого естества и не лучшие его свойства. Язычество — воплощение авторитарного сознания. Поэтому неоднократно в европейской культуре, и особенно в российском сознании, вплоть до наших дней, возрождается обостренная тяга к языческому культу рода, деспотической опеке, потребность в сильной власти, вожде.⁷ Как язычники мы творим себе кумиры, идеологические и политические, забыв христианскую заповедь «не сотвори себе кумира». Ослабление воздействия христианства образовало в коллективном сознании вакуум, для заполнения которого из глубины веков стали подниматься представления, хранимые лишь генетической памятью. Идеология рода, клана, объединенного определенной идеей, была поднята на щит как главная ценность, и это устранило веру в жизнь за гранью смерти. Осознав утопичность коммунистического рая, мы тем самым демифологизировали наше будущее и естественно обратились к своему прошлому, прошлому разной степени глубины, включая и очень отдаленное.

В течение многих веков язычество испытывало мощное давление христианства и отступало перед его гуманистической силой. Но влияние было взаимным, в результате чего в традиционном сознании возникало сложное переплетение христианских и языческих мотивов и образов, называемое в специальной литературе христианско-языческим синкретизмом. Нашло это отражение и в публикуемых материалах.

Сейчас нас все более интересует изоморфизм уровней культуры, переводимость языков культуры — отражение философии в архитектуре, живописи в музыке и, наоборот, фольклора в классической литературе и т. п. В ходе этих изысканий все больше обнаруживается наличие мифологической подосновы многих произведений искусства, присутствие мифологических компонентов сознания у многих, если не у большинства, великих художников.

Произведение архитектуры может оцениваться как мифологическая проекция заговора,⁸ подоснову некоторых произведений О. Э. Мандельштама видят в древних языческих заклинаниях,⁹ у С. Есенина в религиозной символике видится поэтический образ, напоенный прозрением наших языческих мистерий.

Мифологическая подоснова может быть обнаружена как в общем сюжетном, образном, композиционном строении произведения, так и в его деталях. Для иллюстрации этого интересны изыскания О. А. Терновской, которая рассматривает своеобразное

⁵ «Становись и занимай свое место в природе»: Интервью с П. К. Ивановым//Наука и религия. 1991. № 2. С. 50.

⁶ Белов А. Мне открылась языческая идея — гармония естества С. 27.

⁷ Гуревич П. С. Святыня или призрак//Наука и религия. 1991. № 3. С. 11.

⁸ Бернштейн Д. К. Произведения архитектуры как мифологическая проекция заговора // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. Вып. 2. С. 54.

⁹ Шиндин С. Г. О содержательной близости некоторых архаичных представлений и индивидуального поэтического мира//Там же. С. 26—27.

вхождение народных мифологических мотивов, связанных с насекомыми, прежде всего мухой и пауком, в художественную ткань ряда произведений русской классической литературы XIX в., таких, как «Мертвые души» Н. В. Гоголя и «Бесы» Ф. М. Достоевского.¹⁰ Как известно, муха в народной культуре выступает как своеобразный монадообразный элемент, поведением которого обуславливается изменение форм существования человека (чередование сна и бодрствования, жизни и смерти) и природы (чередование времен года, погоды и непогоды). Например, наступление зимы манифестируется выражением «белые мухи полетели»; при переходе от летнего к зимнему природному циклу совершался обряд «похорон мух», муха способна вызвать безумие (ср. «какая муха его укусила»), истерическую болезнь — икоту (см. тексты №362—365). На понятийном мифологическом уровне муха метафоризирует изменение состояния, на языковом — своевольную, безумную мысль и слова, на литературном — новый поворот в событиях, судьбе героя. У Гоголя в «Мертвых душах» мухи настойчиво присутствуют при пробуждении Чичикова в доме Коробочки, когда так отчетливо сформировались планы героя. Свидригайлов в «Преступлении и наказании» Достоевского перед самоубийством машинально начинает ловить одну из мух, которые «лепились на нетронутую порцию телятины».¹¹

В мировой традиции муха как существо, паразитирующее на мертвечине и зарождающееся в ней, имеет древнюю понятийную и символическую связь с потусторонним миром и царством дьявола. Имя носителя мирового зла Вельзевул этимологизируется на основе древнееврейского как «повелитель мух». И, очевидно, есть глубинные мифологические основания появления мухи в сюжетно значимом моменте романа «Бесы» в главе «У Тихона»¹² или в стихотворении Н. Клюева: И «в нигде» зазвенит Китоврас, | Как муха за зимней рамой.¹³

Паук в народной мифологической традиции связывается с идеей очищения от грехов («если кто паука убьет, сто грехов ему простится») или, наоборот, с увеличением их бремени («паука нельзя убивать — грех») (в этом случае мы имеем дело с явлением мифологической антонимии). В «Бесах» красный паучок на листке герани является Ставрогину как знак, греха, преступления, как напоминание о случившемся.¹⁴ Паутина как символ народной модели мира и паук как символ вечности проступают в сознании Свидригайлова в «Преступлении и наказании»: «Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, этак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится».¹⁵ Космогоническая семантика паука и паутины обнаруживается и в философско-символических стихах Зинаиды Гиппиус: «Я в тесной келье — этом мире, | И келья тесная низка. | А в четырех углах четыре | Неутомимых паука. | Они ловки, жирны и грязны, | И все плетут, плетут, плетут... | И страшен их однообразный | Непрерывающийся труд».¹⁶ Подобные реминисценции возникают у автора и воспринимаются читателем, очевидно, на подсознательном уровне. Знание же конкретной мифологической семантики образов, мотивов, коллизий позволит расширить и углубить восприятие мифологического подтекста произведений различных уровней культуры.

В последние десятилетия по страницам газет и журналов пронесся настоящий тайфун публикаций о различных непознанных явлениях. В современном обществе и именно в той его части, которую можно назвать вполне цивилизованной, образованной, даже в научных и околонаучных кругах, в настоящее время бытует множество рассказов о паранормальных явлениях, событиях, существах, не укладывающихся в рамки привычной, обыденной

¹⁰Терновская О. А. Об одном мифологическом мотиве в русской литературе // Вторичные моделирующие системы / Отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1979. С. 73—79.

¹¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 5. С. 534.

¹² Достоевский Ф. М. Полн. собр.; соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 11. С. 19.

¹³ Клюев Н. Русь-Китеж // Песнослов. Пг., 1919. Кн. 2. С. 215.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 19, 22.

¹⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 221

¹⁶ Цит. по: Терновская О. А. Об одном мифологическом мотиве...С. 77.

действительности, противоречащих тем устоявшимся практическим взглядам на жизнь, которые устанавливались в течение тысячелетий. В 80—90-е годы XX в. получают широкое развитие — даже в России — оккультные науки, парапсихология, астрология, открываются школы колдунов и знахарей, волнующе таинственной остается тематика НЛО и контактов с обитателями космоса.

Программисты, работающие на ЭВМ, полушутя, полусерьезно говорят о духе ЭВМ, мифической Фене, персонифицирующей тот «вирус», который дестабилизирует работу ЭВМ. Пятимиллионный Ленинград — Петербург слушает и обсуждает рассказы о Барабашке — духе, с которым якобы можно общаться перестукиванием. Из разных мест страны идут рассказы о полтергейстах, выходят газеты «Северный мистик» и «Аномалия», содержащие материалы «о потустороннем, мистическом, сверхъестественном и необъяснимом» — о переправе за пределы жизни, о ведьмах, лунном старике, привидениях и т. п. (см., например, «Северный мистик». 1991. № 2). По радио, телевидению и в газетах идут сообщения о явлении материализации из ничего неких существ, обычно понимаемых как инопланетяне, об исцелении людей, получаемом от них, или, наоборот, о похищении ими людей.

Те, кто признают существование этих паранормальных явлений, пытаются: их объяснить. Таких попыток предпринимается множество, и характер объяснений обусловлен философскими научными позициями авторов. Паранормальные явления пытаются объяснить, исходя из положений современной физики. Предполагается наличие у материи свойства менять свою плотность, достигая таких малых ее величин, что предмет становится невидимым (и этим объясняется явление, привидений, духов). На основе экспериментов в области энерго-информационного обмена предполагают, что свойства экстрасенсов схожи с взаимодействием квантово-коррелированных систем, образующих особое информационное ψ -поле. При этом исходят из того, что квантовая механика допускает существование единой волновой функции в мире. С этой точки зрения все квантовые объекты квантово коррелированы между собой.¹⁷

Ряд современных исследований аномальных явлений примыкает к сегодняшним научным изысканиям в попытке сформулировать «единую теорию поля», которая охватила, бы и физические, и психические феномены.¹⁸ Существуют попытки прямых естественнонаучных объяснений явлений, которые традиционно относят к области мифологии. Например, К. Банзе в 1990 г. опубликовал в международном журнале «Лимнология и океанография», издаваемом Американским обществом лимнологии, статью «Основы биологии русалок», реферат которой опубликовал журнал «Наука и жизнь» (1991. № 4; С 136—137). В статье высказано мнение что существовали «морские люди» — приматы моря, человекоподобные существа, у которых задняя часть туловища не имела конечностей и представляла собой что-то вроде хвостовых лопастей китообразных. Автор считает, что именно эти существа имеются в виду в многочисленных рассказах о русалках, и выделяет три вида русалок - русалку обыкновенную, русалку индийскую и русалку эритрейскую. Они населяли прибрежные воды теплых морей, имели свою культуру, хотя и довольно примитивную. К. Банзе полагает, что последние представители этого вида вымерли к середине XIX в. из-за усиления рыболовства в прибрежных водах и загрязнения морей.

Возможны агностические взгляды на аномальные и непознанные явления, прежде всего на проблему НЛО и проявления внеземной цивилизации. Еще в 1975 г. Ж. Балле в книге «Паспорт в Магонию» пришел к выводу, что ни ударная программа, на которую будет брошено 20 лауреатов Нобелевской Премии, ни корреляция на ЭВМ наблюдаемых параметров, ни «телепатическая связь с высшими существами из космоса», ни организация

¹⁷ Болдырева Л., Сотина Н. 1) И все-таки наука//Наука и религия 1991 № 6 С. 7; 2) Магия и квантовая механика//Там же. 1990. № 5 С. 18—20; № 7. С. 10—11.

¹⁸ Роуз С. Знаки явления бесов//Наука и религия. 1991. № 2. С. 7.

¹⁹ Бондаренко П. НЛО: комментарий к неизвестному// Наука и религия. 1991. № 2. С. 5.

сотен людей в наблюдательные команды, следящие за небом каждую ночь в бинокли, не дадут решения проблемы. Единственное, к чему удастся прийти в результате всех этих усилий, — это признание наличия в нашем мире некоего феномена Всегда-Неизвестного, особой области, чья сущность нам никогда не будет известна, т. е. области трансцендентного.¹⁹

Теологический взгляд на свидетельство паранормальных явлений в наши дни видит в них прежде всего новое нашествие бесов. Согласно христианским апокалиптическим взглядам, сила, до сих пор удерживающая последнее и ужасное проявление демонических действий на землю, «уже взята из среды» (2 Фессал. 2; 7), христианское мировоззрение больше не существует как единое целое, благодать церкви Христовой больше не удерживает темные силы, и «сатана освобожден из темницы своей», чтобы «обольщать народы» (Откр. 20; 7—8) И готовить их к поклонению антихристу в конце времен.²⁰ Паранормальные явления — лишь новейший из медиумических приемов, при помощи которых дьявол вербует сторонников своего оккультного мира.

Но существуют и другие возможности трансцендентных явлений и связей, которые открываются в подвиге святости, когда подвижник силою любви и покаяния, с помощью божественной благодати как бы разрывает узы плоти, все земные и космические притяжения и соблазны и весь устремляется к нетварному, божественному бытию.²¹

ЗаклЮчить же краткий обзор того бума трансцендентности, который сейчас переживает человечество, можно словами философа А. Ф. Лосева: «Для нас, представителей новоевропейской культуры, имеющей материалистическое задание, конечно, не по пути с античной или средневековой мифологией. Но зато у нас есть своя мифология, и мы ее любим, лелеем, мы за нее проливаем и будем проливать нашу живую и теплую кровь».²² Мифология «есть наука о бытии, рассмотренном с точки зрения проявления в нем всех, какие только возможны, интеллигентно-смысловых (и образных. — О. Ч.) данностей, которые насыщают и наполняют его фактическую структуру»²³ Весьма примечательным фактом, на который обязательно следует обратить внимание и который имеет непосредственное отношение к публикуемым материалам, является совпадение многих образов и мотивов в народных мифологических рассказах и в современных свидетельствах о паранормальных явлениях. Суммируем некоторые факты, чтобы подтвердить этот тезис.

В современных свидетельствах фигурирует мотив наведения порчи, столь распространенный в народных легендах. Например, предполагается, что причиной появления полтергейста в одной из квартир является «наводка» со стороны женщины, с которой у хозяев квартиры в свое время была тяжба²⁴ (ср. мифологические рассказы в разделе «Магия и колдовство»). Средства борьбы с полтергейстом оказываются теми же, что и средства от порчи в народных материалах — наговоренная вода, соль, сметание и сжигание мусора, чтение специальных молитв-заговоров.²⁵ Проявления полтергейста сходны с шалостями домового: летят кастрюли, утюги, вещи оказываются не на своих местах, передвигается мебель. Общим является мотив нарушения запрета и возмездия за это или предупреждения о возможном возмездии. Идея рока, невозможности бороться с будущим, которое видит провидица, присутствует как в народных рассказах, так и в повествованиях о современных ясновидящих. В современных рассказах о фантастическом фигурируют ведьмы, которые могут давить, душить человека так же, как домовый, — гнетке, который наваливается на спящего человека (см. заметку «Ведьма» в газете «Северный мистик». 1991. № 2). В этой же газете говорится о «лунном старике» — полупрозрачном,²⁰

Роуз С. Знаки явления бесов. С. 8.

²¹ Салтыков А., священник. И свет во тьме светит // Наука и религия. 1991. №2. С. 64.

²² Лосев А. Ф. Философия имени. Л., 1990. С. 196.

²³ Там же. С. 197.

²⁴ Карташкин А. Репортаж о призраках, или Полтергейст в российской глубинке//Наука и религия. 1991. № 6. С. 42.

²⁵ Там же. С. 43.

²⁶ Техника — молодежи. 1991. № 1-2. С. 11.

будто сотканном из лунного света привидении, о явлении смерти в виде призрака белой женщины без: лица, что аналогично образу смерти не только в славянской мифологической традиции, но и в мифологиях многих народов. Колдунья Иванка из повествования А. Руденко «Моя жена — колдунья»²⁶ с распущенными волосами (что в народной традиций является признаком нечистой силы) на восходе солнца на балконе разгоняет облака, воздев к небу руки, уподобляясь древним «облакогонителям». В моменты аффекта у нее фосфоресцируют руки, и это заставляет вспомнить о пермских лесных девках с зеленоватыми светящимися телами.

В журнале «Новый мир» (1990. № 8. С. 7—8) Л. Петрушевская под названием «Песни восточных славян» опубликовала в жанре городского фольклора «московские случаи», где речь идет о контактах с загробным миром. Мотив этот — самый популярный в традиционных мифологических рассказах на Севере, варьируются лишь детали сюжета и бытовые реалии.

В современных описаниях обитателей летающих тарелок появляются существа, похожие на манекены, марширующие с вытянутыми по швам руками, полулюди-полуроботы; безголовые существа; воинственные волосатые карлики; трехметровые шестирукие монстры с горящими глазами, без ушей и носов; амебообразные существа, похожие на гроздь бананов; у неземных существ могут быть кошачьи глаза, глаза без зрачков, они могут быть одноглазыми, не иметь глаз вообще. Все это очень напоминает описания фантастических людей-песьеголовцев, одноглазых великанов-«монокулусов», волосатых человекоподобных существ, которыми полны средневековые Космографии и которые имеются во всех мифологиях. Фантастические существа фигурируют и в Библии, особенно в Ветхом Завете. Это, например, конеобразная саранча, предводительствуемая князем тьмы Аввадоном.

Взгляд на приведенные и им подобные аналогии в современных повествованиях об аномальных явлениях и в народной мифологической прозе зависит от философской и концептуально-идеологической позиции автора. Эти аналогии могут быть оценены как конституирующие черты жанра фантастических повествований на разных этапах развития человеческого сознания; могут рассматриваться как единая цепь проявлений сюрреальных явлений. Несомненно одно — повествования о сюрреальных, паранормальных явлениях из разряда фольклорного жанра или бульварных сенсаций переходят в сферу нравственно-философских исканий. И в этом еще одна причина того, что публикуемый материал может представлять интерес для самых широких и различных читательских кругов.

ТЕКСТЫ

КУЛЬТ ПРЕДКОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ

№ 1. После покойника пол моют только в одну сторону, ко дверям. Приговаривали: «Нету хозяйки, нету хозяйки». Чтоб не пришла. К ноци уж топор и ножик можно класть под подушку, к порогу ли. Покойнику под правую подмышку хлеб да соль: «Пей да ешь, нас не пугай». Сын-то вот умер, я бутылку водки поставила на кладбище, думаю, на обратном пути возьму. Иду назад, уж темно. Он сидит в черном халате: «Так цего ж ты бутылку не взяла?» (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 2. Одна старушка зашла на кладбище и села на чужую могилку. К ней подошел молодой человек и говорит: «Пересядь». Только пересела, подошли три женщины с плачем. К этому парню шли. Откуда вышел, куда зашел — никто не знат (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 3. Знакомый, парторг, рассказывал: Я болел. Лежу в комнате, слышу в соседней комнате родственники говорят: скоро умрет. Пошел на, кладбище к матери на могилу и просил (что просил, не знаю), и выздоровел, женился потом (Волог., Белоз., Лойда, 1988).

№ 4. В папины сорочины легли мы спать. Слышу — снег хрустит и шаги как бы на двор. Там сбруя висела, на дворе — так загремела, будто ее кто-то кидает. Некому, кроме папы, быть. Ему не понравилось, что самогонку стали варить и пить до сорочин.*¹ И так вот брякало, на стороне кидало. А потом как по сковороде шарит руками на кухне. Потом тоже брякать стало.

В сорочины поминать мы стали, а я забыла батьке водку налить. Потом налила, поставила на стол. А тут сын входит, говорит: «Что это у вас водка течет?» Подняли стопку, а у нее дна отвалилось, все и вытекло (Волог., Белоз., Олькино, 1988).

№ 5. С девушкой одной пошли жать. В Интоморе еще. Рано утром. Идет мужчина какой-то по канаве, без шапки. Идет навстречу, а навстречу не попал. А потом сказали нам: сорочины были сегодня, он и шел туда. Его как раз той дорогой везли (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 6. Муж у меня фураж возил, ночевал в одной деревне. Вот приехал он в эту деревню, а в доме, где ночевал, давно уж он не был. Постучал. Женщина открыла, постелила постель. Старуха и дед спят. Стала ребенка кормить. Он думал, его сноха.

Утром проснулись, дед и старуха спрашивают: «Кто тебе открыл дверь?» — «Сноха». — «Она умерла!» — отвечают. — «Она мне это сделала», постель то есть. Испугались, что задушит ребенка, еще сорок дней не было, вот и приходила. «Надо что-то делать», — забегали старшие. Так было (Арх., Карг., Хотеново, Мальшинская, 1989).

№ 7. Сплю я, железо под столом. Луна в окно. Заходит [сын, который не так давно умер], во всем военном. Говорит: «Здравствуй, мама». А подойти не может. И вошел оттуда, где все заперто. Я его перекрестила, так он стал маленьким, ниже табуретки, упал и пропал (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 8. Опились два старика, два Ивана, один председатель, другой бригадир. Опились и замерзли. Такие озорные были, пока жили. Поехали с мельницы в Степаниху с мешками. Пока ехали-то, один другого и вытолкнул, а вслед и мешки. Сам-то сел в сани и спать стал. Лошадь-то к стогу подвезла и стала. Так он и спал, пока не замерз. Иду я на ферму, гляжу, идет сивая лошадь по деревне и в санях лежит кто-то. «Паня, Паня, погляди-ко, Ванька-то замерз». Одного-то Ваньку привезли, а другого-то и нету. Поехали другого искать. Да около мешков он и спит, замерз. Их вместе и похоронили. Так пока они не похоронены были, так озоровали. Пойдешь к дому, а они за тобой.

¹ Знаком * отмечены слова, которые внесены в «Указатель диалектных и малоупотребительных слов и выражений».

Один раз настрашилась. Пришла домой и легла на печку. Снится, что кувыркат меня с печкой вместе. Так хорошо, сын разбудил: «Мама, мама, упадешь!» Так и проснулась.

Один Иван с одной женщиной ходил, а она к евоной родственницы ходила. Она посидит и идет домой. Чувствует, он за ней идет, бежит аж. Токо она вбежала в избу, закрыла дверь, он как закричит: «Иришка!» Она его и матить.*

Так он и ходил, до сорока дней ходил. И жинке дома покоя не было. Среди детей забиралась спать. Говорит, как открою глаза, и он стоит. Она стала и дверь зааминивать,* и он все равно ходил (Новг., Пест., Малышево, 1986).д

№ 9. Покойники могут являться. Одни как следует, другие как кошка покажутся. Как будешь жалеть, плакать, то покажутся. Их мают: «Не ходи ко мне, чего ты ходишь!» Если женка или matka все жалеют, то они ходют. Женщина плачет о муже, он и явится. Тут к одной, к Настасье, ходил. Ездил вместе с ней за дровами. Нарубит, на сани складет, привезет и во дворе все сделает. Свёкор подслушал: «Ты с кем разговариваешь?» — «То Федор пришел». Всякое подкладывали, чтобы не ходил, а он каждый день показывался. Остатный раз пришел, крест с нее рвал. Если бы не свёкор, задавил бы. Ходил до сорочки.* Они хотят ведь с собой увести, им ведь жалко, что остались, тоже ведь хочется.

Бросали дверестяной * камень, тот, который кидать в печи. Возьмешь камень, да как фурыкнешь. Это тоже, чтоб не ходили (Новг., Пест., Пестово, 1986).

№ 10. У нас-от брат был, старше меня. А ране теплили * риги, хлеб сушили. Тяте не захотелось ночью ити, он и говорит: «Егорушка, сходи в овин, положи дров». А овин был за деревней. А в деревне была только помершая старуха. Брат пошел в ригу, в яму накласть дров. Ом влез, а бабка померлая сидит у печки в голубом платье. Это ее мертвая одежда, ее в ней хоронили. Сидит там, где камнем проложены стены. Брат потом говорил: «Я так и умлел! Не знаю, как и выскочил». Выскочил, домой прибежал, дома говорит: «Боле не пойду туда ночью». Тогда тятя сам пошел, с парнишками, побоялся один.

Потом этого брата зарезали. А мама все по нем ревела. Раз утром мама говорит: «Садитесь завтракать, а я пойду теленка поить». Мы только сели за стол, глядим, мама бежит с ревом домой. Тятенька выскочил: «Что такое?» А она и говорит: «Пойдем, там Егорушка стоит, у песту, во хлеве, в бурдовой фланелевой толстовке, в хлеве у яслей». Прибежали, а его-то и нету. А мама и жалеет: «Дура-то я! Мне бы подойти, погладить, поговорить». А старухи ей говорят: «Ты бы не его погладила, а ясли». Он днем показавши, утром (Новг., Пест., Охона, 1986).

№ 11. На беседы * девчата собирались. Свезем по возу дров, по мере сил картошки. Однажды у меня беседа далеко была. Иду, а тут была старушка померши, а я не знала. Я иду, впереди дорога от ейного дома. Смотрю, она так и несется. А потом говорят, она вечером померла. И в тот же вечер мой брат, иду, мол говорит, тебя нет, иду и думаю, как плохо итти. Смотрю — лошадь вороная, сидит в тулупе мужчина: «Садись, довезу». Я говорю: «Что ты, господи, привязался». Его и следа нет

А почему покойники ходют? — А зависть кака-то у них (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 12. В шести неделях, как мужа схоронила, я болела, лежала, мне горазд плохо было, а баба у меня сидела. И вдруг птичечка прилетела в дом, села мне у изголовья, похлопала крылышками и улетела. Я спрашиваю бабу, что это было, а она меня перекрестила, говорит, крести глаза-то, крести (Новг., Старорус., Святогорша, 1990).

№ 13. Сестра моя умерла, два дня до сорокового дня оставалось. Иду я часов десять домой, а у нас большой тополь "растет, гляжу, а она на том тополе, как была одета, когда хоронили, волосы распущены, руки расставлены, и летела. На сороковой день покойники должны прилететь, вот она и летела (Новг., Старорус., Святогорша, 1990).

№ 14. У меня племянника убило, так видела привидение. Выборы были в воскресенье, все ушли. Я пироги выняла, убрала, мне так и плохо стало. Я легла поперек кровати, уснула. Мне и привиделось. Говорит: «Я иду в гости, а самовар не стоит». Я самовар поставила, побежала во двор. Гляжу: белка идет, глазки чернички. Остановилась.

Она на меня глядит, а я на нее. Я говорю: «Васечка, иди». Она к Филимоновой избе, я во след. Домой вернулась, ревлю: «Пойдемте все на улицу, Васенька пришел». Пошли батька с маткой, искали в капуста, не нашли. Белки так в деревню не ходят днем, это Васечка был (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 15. Ванина матка заметку сделала, когда умерла. После ее похорон мы косили. Я косовище сломала и говорю: «Ваня, я иду домой». Пришла, легла на печку. Слышу, будто кто-то ходит по избе. Потом ребята пришли, входят и говорят: «Чего ты закрылася?» А я и не закрывалась. И еще. У меня мелка подушка посреди кровати поставлена, покрывалом покрыта. Смотрю, а она у самой кромки лежит, и покрывало сверху. Ежели бы свалилась, то покрывало б под ней лежало. Я и говорю: «Ваня, гляди, опять заметка» (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 16. У нас камень был большой, и в том камню как следоцки настопаны. Как дождь, мы туда бегали. У каждой своя луночка была, следоцки такие, мылись. Одна девочка, у ей мама умерла, ейна следка была, из ейной, из маминой, и мылась. Мы так и плескались, а уже приговоров-то не было (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 17. Мне было всего шестнадцать, семнадцатый годок. У нас было 6 детей. Я пошла спать на чердак. Высока лестница была. И вижу, мальчик идет, весь закрытый простыней. Только лицо одно его было. И бах на меня, и лихо * понесло. Это суженый мой был. Надо было спросить, зачем пришел. А отец потом говорил, это суженый твой был. А через три дня он и помер [суженый], оттого и закрыт был (Арх., Велег., 1982).

№ 18. Чудес тут было много. Раменье, тут мой дед жил. Был тут Ильюха, который утонул под Петушком. Там омут глубокий. Ильюха приходил к нам. Дед как-то осенью шел по берегу, темно было. Иду и думаю: «Ильюха тут-то утонул». Смотрю, лежит человек, Ильюха привиделся. Перекрестился, хватъ руками — куча мха, а в это время кто-то бултыхнулся по реки. Утром, думаю, какой там мох на глине, пошел, нет ничего (Новг., Любыт., Луново, 1986).

№ 19. Вот жил в одной деревне мужик, ну, звали его Юрок. 'Вот умер он, а жил он на мельнице. Вот умер он, а мужики как-то шли мимо, выпивши, ну, и стали они, мол, подшучивать, выходи, мол, Юрок, поговорим. А он возьми да и выйди. Они ажы протрезвели. Ну, он говорит им, мол, давайте выпьем. Ну, выпили, и он и говорит им, ну, пойдемте, я вас провожу. Ну, вышли они, он вел их и вдруг говорит, ну, полезайте на полати. Они залезли и заснули, проснулись утром, а спали они на двух камнях, посреди реки (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 20. Еще было. Она плакала по ем. Он встретился ей, говорит: «Вот я тута. Я к тебе приду», — говорит. Вот ночью подошел он к окну, молоток просит. Взяла ему молоток подала. Там в сарае он стучал, стучал, а я, говорит, сошла, как соха брошена, так и лежит. Потом стал в избу ходить. Она говорит: «Филипп, погляди Васю», — а Вася в зыбке лежал. К ребенку-то не подошел. Другой раз пришел, сказал: «У тебя овцы кашляют, приходи сегодня на Чошанский омут, там колочок* растет, дашь им». А была приехавши евоная сестра из Ленинграда. Она говорит: «Ты што, дура, с ума сошла. Разве ж, это он ходит?»

Какой-то раз сено убирали на сарае. Сена-то много распушоно. Она говорит: «Был бы Филипп». Тут он и оказался. Зовет: «Полезай на стог». Она полезла, ударилась об матицу,* сказала: «Господи!» — так никакого Филиппа. Потом заметили, что пойдет в лес с веревкой. Брось, говорят, разве он к тебе ходит — нечистый дух (Новг., Пест., Охона, 1986).

№ 21. К одной женщине ходил муж. У ей двое детей было. И приходит старичок ночевать. Она говорит: «Дедушко, помоги». Он и говорит: «Будет вечер, покрой чистой салфеткой стол, положи хлеб, икону поставь, соль, мальчика и девочку одень в чистое». Она так и сделала. Вот она слышит: загремело, зашумело, дверь открывается, муж говорит: «Где это видано, где это слыхано, чтоб брат на сестре женился?» А старичок отвечает: «Где это видано, где это слыхано, чтобы мертвый ходил?» Тот и крикнет: «А, догадался!» — и ушел. Старичок говорил: последняя ночь, а то задушил бы (Новг., Пест., Охона, 1986).

№ 22. У моей тетушки сына убили на войне. Она по нем все и скучала. И стало ей казаться, что он к ней приходит. Придет и скажет: «Пойдем, я тебе дрова рубить помогу». Они и идут к поленнице рубить. Она с ним разговаривает, а никто его и не видит.

А напротив сын ее с семьей жил. Они и заметили, что она все время с кем-то разговаривает. И сходили к какому-то колдуну. Он-то что-то и сделал, чтоб ей не казалось. Так в этот день сын в дом и не пришел, а она сама к поленнице вышла: «Чего ты ко мне не зашел-то?» А он ее как треснул по голове и сказал только: «Опоздал я немного». Она аж упала. Лежу, говорит, и вижу: бык от меня пошел и хвост задрал. Какой уж тут сын ходил — тут нечистая сила ходила (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 23. У одной женщины умер муж. Он к ней ходил. Она его блинами кормила. Она печет блины до полуночи. Печет, печет, а блины все исчезают. А молодуха уронила ножик, специально. Стала поднимать и видит ноги мохнатые. Она говорит: «Господи, помилуй!». Он и исчез. А потом голос его слышит: «Догадалась», мол, а так была бы она задущена (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 24. К вдовам муж покойный ходит, но это же не покойный, а в его образе кто-то приходит, чтоб увести с собой, может, или просто соблазнить женщину.

К им, говорят, что ночью змей ходит, летучий, конечно. Он прилетит, а она его ждет, думает, что это муж померший, а это черт, конечно. Он, кто еще может так ходить, да еще и ночью. А она долго не знала. Потом один явился прямо перед ей. Сели за стол, как всегда. А стал вставать, глядит, а у его хвост видать. Она упала в омморок сразу, потом стала в церкву ходить, помогло (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 25. Когда я служил в армии и был на посту ночью, а потом должна была моя смена с пяти, я пошел на пост, а он был около кладбища. Хожу я себе около склада, к осени дело было, темная ночь была, и вдруг слышу, баба на кладбище плачет. Думаю, что такое, видно, меня отвлекает кто-то. Я даже автомат снял. А баба-то плачет, и ошарашно,* ночь. Я позвал начальника смены, а она так и стонет там. Я пост сдал и пошел туда. А она там сунувши на могилу и стонет. «Он, — говорит, — седни ко мне не пришел, я и плачу, вот я сама и пришла к нему. Он как мой мужик, — говорит, — только когда выходит из-за стола, топает, как конь, ноги, как копыта». Так вот и не надо переживать, надо творить молитву и не думать. Человеку мертвому не прийти, это только черт, он людей соблазняет, принимает облик человека. Это видение, это грех, надо молитву творить, никто не придет. Ложись благословясь, и он никогда не придет, никакой шишок,* а лягешь набалмаш,* глаза не перекрестишь, лягешь, как свинья, и вот придут шишки всякие (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 26. Мужа убило, я по нем плакала. Он как будто приходил ко мне. Дворовой аль кто. Говорят, где не на месте лягишь, он и дровни перевернет. На конюшне он коням косы заплетет, если любит, если нет — под ясли затолкнет (Новг., Старорус, Чижово, 1990).

№ 27. Пришла гадалка переночевать, на две ночи. У Марии у Аксютовой в избе остановилась. Мы уж упросили ее, узнай нам про скотину, да про мужа мне — на войне был. Говорили ночью в хлеве с хозяином. С мамой ходили. А она [гадалка] вызывает. Хриплый старик, меж хлевами, не казался, голос только. А гадалка и плюет: «Дальше слюны не ступит». И хлеб кидает — подарки. «Я пришла, подарки принесла» — в каждый угол по куску. А руки завязали ей, вот так, за спиной: «Как мне воли нет, так и ему». Говорит: «Ну, теперь спрашивай». Скотину кормить было нечем. Я: «Как скотину докормить?» — «Докормишь, скотину я люблю» — по два раза повторил каждое слово. «Доцка счастливая будет». — А потом говорит: «Шабаш». Все правда. У каждого целовека есть свой хозяин. А про мужа сказал, цто жив. Я потом всегда его о цем-нибудь просила (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 28. Корова у меня была, заболела, и я загадывалась, говорила: «Хозяйнушко-батюшко, хозяйнушка-матушка, скажите мне, поправится ли, нет ли корова?» И я дою, и показалось голова така с бородой и говорит: «Отошло». И поправилась корова-то. Голова-то, как у свёкра. И я преже загадывала об муже, у него шизофрения была 23 года. Опеть эта

голова, рот-то большой. И так: «ау, ау, ау». Он [муж] три года с половиной бегал. Потом уж не бегал, сидел. А то по семь раз ко мне на день прибежал, больной ведь (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 29. А вот Галка-то наша, вот сыно-от у нее болел, так говорит, мужик к ей пришел, высокий такой, с бородой черной, все сына просил, так не отдала она его (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 30. Говорили, что вот родился у женщины сын и было ему три месяца. Вот ночью уже, она спит, и вдруг кто-то в окно ей: тук-тук. Ну, она встала, открыла окошко и вдруг видит, что женщина така в белом платье и платке и просит, дай мне, мол, водицы. Ну, дала она ей напиток, ну и говорит ей покойница-то: «Отдай мне твое сына». А эта-то, мать-то, говорит: «Нет, не отдам». Ну, покойница-то ей и скажи, что через восемнадцать лет он сам к нам придет. И точно, вот ему восемнадцать лет исполнилось, ну, он и умер (Новг., Старорус., Виджа, 1990).

№ 31. Вот по Белозерскому тракту в Череповец первый только перелесок проедете, так тут была раньше сторожка. Жили муж с женой, девочка.

Пришел старичок, посидел да говорит: «Девочка-то у вас хорошая, но она, — говорит, — семи годов в колодце потонет», — и сказал, в каком месяцу и какого числа.

Ей семь годов исполнилось, а уже родители ждуг этот день. А колодец вот у окна был.

Грит, заколотили колодец. А она гуляет. Сами сидим у стола, смотрим в окно. Она все гуляет. Подошла к колодцу, крышку подергала — край приколочен, другой — приколочен - легла на крышку и тут померла (Волог., Белоз., Лаврове, 1988).

№ 32. Мама рассказывала: пришел как-то в дом дедушка. «У вас, — говорит, — в деревне роженицы-то есть?» А раньше рожали в байне, в байне живет, пока не поправится. «Так сходи, снеси что-нибудь». Раньше все носить что-нибудь должны были. «Да ведь нет ничего». — «А ты посмотри. Не бойся, я здесь посижу, ничего у тебя не возьму. Сходи в амбар, попаши * в сусеках». Пошла, наскребла ведро муки, напекла оладушков. «Иди, сходи в байну, ничего не бойся, я здесь посижу». Пошла. Заходит в одну байну. Видит, роженица лежит, ребенок в корыте в воде. В другой байне на ребенке веревка лежит, в третьей — ребенок лежит на пистолете. Зашла еще в одну байну, там просто настоящий ребенок. Пришла домой. «Ну как, видела? Не испугалась?» — «Видела, ты говорил не бояться, так и не боялась». — «Вот это каждому своя смерть на роду. Тот, что настоящий, тот своей смертью умрет. Тот, что в корыте — от воды, утонет, другой удавится, а третьего убьет што». Вот это банный и был (Волог., Белоз., Пятницы, 1988).

№ 33. У них мужик повесился. Ну, дом его перед речкой стоял, а жил этот мужик один. А он повесился, никто-никто не знал почему. Вот другой мужик-то раз с работы возвращался, проходит мимо дома, ну, того, где мужик повесился. Пошел по мосту, вдруг слышит, за ним кто-то идет. Он обернулся, а этот мужик, что повесился; ну мужик побежал, тот за ним. Бежали, бежали, вдруг устал мужик, не может. Ну встал он, повернулся лицом к покойнику-то, упал на колени и стал креститься да молиться: с нами крестная сила. Ну покойник-то усмехнулся и говорит ему: «Давно бы так» — и исчез (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 34. Вот если младенец родился, его не успели крестить и он умер, он будет у Бога, но в темном месте, свету не будет видеть. Их отпевают, но мать должна за его молиться и может вымолить ему свет. Только мать, больше никто.

Раньше было два кладбища; на одном людей хоронили, на другом скот. И вот тех людей, которые удавились, утопились, их на том же кладбище, где скот. Их нельзя даже поминать.

Осина — чертово дерево, на ней сам черт был задавивши, потому в могилу самоубийцы этому кол осинового и забивают, говорят, «черту в горло», и он перестает людей мучить. Таких людей нельзя в чужую могилу класть, плохо будет тем покойникам. Нельзя его жалеть (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 35. Угол все у меня трещал, а в новом доме; я узнала, один задавивши был. Лягу спать ночью, и даже сапогами пойдет. Вот ложусь спать, до двенадцати часов ничего, а с двенадцати— бьет, колотит. (Новг., Пестово, 1986).

№36. Катина гора есть, там девушка задавивши, все казалось, все чудилось там. Мы ехали в Сандово, переехали ручей — огонь горит, пажога [костер]. Горит и горит, мы ездили с козой. Кумушка и говорит: «Там, наверно, цыганы». Как подыматься стали в гору Катину — потерялись. Проехали, мы их больше не слышали и не видали.

Еще рассказывали — было: там коло елки во всех девчонок головешками кидались. Девчонки не благословясь выйдут, вот и головешками кидались.

Однажды поехали мужчины, один отстал. Потом догнал нас без памяти. Там, говорит, сидят двое у огня. Я крикнул, они пропали.

Пошла в Шобаны за дровами, мимо Катиной горки идти надо. Из тропки выхожу, дядька идет в шинели. У нас такого нет. Не пойду, думаю, туда, пойду домой (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 37. Один муж пил у одной бабы, страшно пил, и просил у ее деньги, а она не дала. «Схожу, — говорит, в магазин, куплю что-нибудь». А он спит. Накупила она, идет обратно, километр осталось, и попадают ей мужики на лошади, два большущие. «Посмотри, — говорят, — у лошади зубы в роте». Открыла лошадь-то пасть, а там мужик стоит. Он задавился, они на мужике едут. Она в обморок упала, а пришла домой, муж-то в удавке, задавился. Это дьявола ехали на нем. Ведь как целовек утопитя, задавится, дьявола на нем едут. Угробится сам целовек, "дьяволам попадет, больше никому (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 38. Вот в кузнице ковал кузнец, и как-то вечером он запоздал. И приезжает к нему человек подковать лошадь. Он приготовил все: «Давай, — говорит, — сюда коней». Тот привел, а ноги-то у коней человечьи. Это, видно, черт и приехал на утопленниках. Кузнец и прибежал домой без языка. Вот все говорят, что черт на утопленниках катается. Утонут да удавятся— самое плохое дело, на них черти воду возят (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 39. Жила я в Пинеге. Была я девушкой, в школе учительницей работала. А жить было негде. Нашла я старушку, она меня пустила. Сказала: «Помогать будешь — проживем». Так и жили, ни вместе, ни отдельно. Половина дома моя. В начале декабря, 3 или 5, Екатерина, сестра, к ней приехала. Вечером надо было мне идти в свой дом, к урокам готовиться, а лампа одна, у старушки осталась, ведь сестра приехала. И легла я спать. Дверь закрыла на крючок. И вроде я еще не уснула. Вдруг слышу: двери открылись, закрылись, по газетам кто-то идет, а газеты были на пол постланы. Подходит кто-то к столу и нацинает вот так ступать. Никого не видно. Я вот так руки за голову положила. Звуки носовые появились: «У-У». И ко мне, к лицу самому подошло. Обратно, обратно. Прыг мне на ноги. И сразу такую тяжесть на ногах. Катится, катится, под мышки. Думаю, сейчас спрошу, к худу или к добру? А он: | «Хутто, хутто!» — «Неужели к худу?» — Ясно: «К хутту». Я вскоцила, дверь толкнула, а дверь-то на крючке. Забежала, к старушкам: «Бабушка, там пришел кто-то, а дверь была на крючке». — «Бог с тобой, полезай на печь». А потом говорит: «В этом годе цего-нибудь будет». И в сентябре умер дедушка у нас. Он уж плохой был. Бабушка пришла ноцевать ко мне. Он к дверям моим пришел, говорит голосом таким: «Умираю». Мы побежали скорей, а он и не вставал, лежит уж помер. Какая-то сила есть. Вот как навалится тяжело, давит что-то. Бабушка говорит: «Он к тебе зашел с плацем». Спрашиваю: «А поцему именно мне?» — «Ему выгодно, видно, было в этот момент прийти сказать» (Арх., Карг., Кононове, 1989).

№ 40. Когда мы сгорели, мне приснились отец, мать и тетка. Они все давно уж померши были. Они пришли в черном во всем и легли на пол и зовут меня к ним лечь. А я говорю: «Да нет, я лягу здесь, с Сережей». Они три раза меня звали, а я не иду к ним. Сон-то этот и сбывся. Все сгорело, а остались только я с Сережей. А если би я пошла к ним, так и я сгорела б (Новг., Любыт., Плоское, 1986).

№ 41. Бывало, приходят; как покойника увезут и говорят: «Ух-нету! Ух-нету! Был и нету!» Это, чтобы покойника не бояться.

Вот у меня сестра умерши, о сорока двух годах. У ей шестеро осталось. Девушка одна из них, ходила, наверно, в пятый класс. Ковда они играли, там, около лужи, она и склонилась: «Ой, мамка там! Мамка идет!» А потом она скорчилась и потерялась* (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 42. "Я вам расскажу, когда мой дед помирал, вот как он перед смертью. Ходит все время и сидит, глядит в угол. Глядит, глядит, говорит: «Матка, погляди-ка ты». Я говорю: «Кого-то ты в угол-то все глядишь, уставивши». А он говорит: «Погляди-ка ты, какие цветы-то красивые, от, — говорит, — и гляжу на них, на эти цветы». А я ужо и побоялась его гневить, говорю: «Да и правда, какой красивый букет, ну, красо-тища!» — и сама-то туда гляжу. Глядела, глядела, потом он и говорит: «Погляди-ка ты, говорит, на лозину* (перед домом за дорогой росла), как это занесло их, говорит, и на конях, привязывают прямо на лозинах, погляди-ко, как выделяются мужики-та». А мне тут-то смешно стало: «Да иде ж ты видишь, дед?» — «Да вот, — говорит, — вси соскочили, вси побежали на могилки». * Я уж тут его стала бояться, дед уже мертвецов видит. Потом раз прихожу я: «Куда карты-то дела?» Я говорю: «Какие карты-то?» — «Да вот сейчас наши мужики приходили». — «Какие наши?» — «Которые наши все деревенские». Я говорю: «А хто особенно?» «Да вот которые умерши». Он мне всех и пересчитал. Говорит: «Пришли, зовут меня». Я говорю: «А куда ж они тебя зовут?» — «А на лесозаготовки». Я говорю: «А что ты им сказал?» «А я, — говорит, — сказал, что я готов на лесозаготовки». — «А они тебе что?» — «Оны, — говорит, — мне сказали, что приказу нет, придет приказ, мы за тобой придем». И четверг и пятницу мне все так говорил. И от за ним пришли. Пришли это за ним в два часа ночи. Он начал справляться. На ногах справляется. Побежал на веранду, приносит оттули пинжачок летний, еще один принес, положил на подушку. Потом мне говорит: «Положи мне карты на скамейку». Положила. «Дай мне закурить». Я закурить дала, а ведь не курил. «Ну заложил мне ноги на кровать», что у него ноги как бревна были. И говорит: «Ну вот и все, — сделал крестики вот так на руках, — за мной пришли. Вот там все, я собрал, справил на лесозаготовки». А я-то говорю: «Дед, да никак ты меня оставляешь?» Уж он: «Алля, алля» — доволен, доволен. Слезы покатались, покатались, все — умер. Ведь собрал все, сложил, даже духи положил, одеколон под подушку. А я говорю: «Дай-ка, а то выльешь». Я спиртом все его натирала (Новг., Пест., Рукаты, 1990).

№ 43. Один умер. За бабкой пришел, за женой за своей. «У нас нету сторожа, пойдем со мной». Она говорит: «Какой я сторож, у меня и руки худые, и ноги худые». — «Ничто, в дверях посидишь, покараулишь». Они на работу-то ходят, так в квартиру двери сторожить. — «А белье-то, што, е у вас, што вы носите, в чем на работу ходите?» А он говорит: «У нас свое все еще хорошее. В чем положенный». Жена евонная через неделю и померла. Она больная лежала (Новг., Батецк., Черная, 1988).

№ 44. Вижу сон, иду вдоль берега в дом. На высокую лестницу карабкаюсь, карабкаюсь. Открываю дверь, а там она, Лиза, умерши, стоит. Говорит: «И ты пришла! Пойдем со мной». Идем. Так дорога, и так дорога. Идут все закрывши, много их, они наказанные проходят. И все бугорки, бугорки. «Это не горки, — она говорит, — это могилки». Мне такой же дадут балахон покрыться. Буду муки отбивать. Цело стадо, человек, може, пятнадцать, черным покрыто, с полосам каким-то (Новг., Батецк., Черная, 1988).

№ 45. Вот было, что снится женщине сон, что приходит к ней мальчик, маленький такой, говорит ей: «Вот умер я столько-то лет», ну, скоко, не помню я, и трясет денюжкой и говорит ей, мол, мать похоронила его, только денюжку дала, а поминки-то не справила, а он кушать хочет. Ну, женщина потом и спроси его: «А где твоя мать живет?» Ну, он ей сказал, ну, она пошла и мать нашла, ей сказала, ну, мать заплакала, запричитала и справила поминки. И не являлся ей больше (Новг., Старорус., Зиджа, 1990).

№ 46. Умерла вот в Старой Руссе девочка. Этой девочке было девять лет. А они девочку-то нарядили, платье цветное, туфельки-то ей хорошенькие надели, во все нарядили. И вдруг приснилася, матери приснился сон, и говорит, это: «Матушка, сходи ты, на той (у меня ажио дрожь) ... на той улицы девочка, и пришли ты по ей [с ней] и мне тапки, тапочки мне пришли, никто тут не ходит в туфлях, все в тапках. И вот ты низачем одела мне цветное платье. Вот все ходят в белых платьицах-та, а ты мне цветное одела». Вот мать-то, как она рассказала, мать-то пошла, тапки купила, как во сне-то приснилось. Пошла в тот дом, где она сказала — а ведь не знала эту улицу—и приходит в этот дом, говорит: «Сюда я попала, аль не сюда?» Бабка старая ее встречает, говорит: «Да сюда, сюда, родная моя». И лежит там тоже девочка померши, а етой двенадцать лет, и в гробу. Бабка матери той говорит: «Положите». Рассказывает: приснился мне сон, и дочка говорит ко-мне, сходи на такой-то улице, и дом сказала. От, мол, пришли вот по той [с той] девочки, и имя назвала девочки, точно такое имя. Положила мать в гроб тапочки, и снится перестала (Новг., Старорус, Рукаты, 1990).

№ 47. Несколько лет назад была авария, автобус с моста свалился, и погибло много людей. Среди погибших была девушка, молодая и красивая. Вот прошло время, и мать ее видит сон. Дочь говорит ей: «Купи мне новое красивое платье, я выхожу замуж». Но мать платье не купила. Снова ей сон снится, дочь говорит: «Ну почему же ты не купила платье, я же сказала, что замуж выхожу». Опять мать не купила. Третий раз ей дочь во сне говорит: «Мама, я прошу ведь тебя, купи мне новое платье, я выхожу замуж». Тут уж мать пошла и купила платье, а что с ним делать, не знает. Снова дочь во сне видит, и та ей говорит: «Вот ты не знаешь, что с платьем делать. Поди вместе с соседкой, одна только не ходи, на шоссе, — и место назвала, куда пойти надо. — Стой там и жди. Пройдет первая машина, ты ничего не делай, пройдет вторая, тоже ничего не делай, а пойдет третья, ты кинь в нее платье». Вот пошла мать с соседкой, стоят на том месте. Проходит первая машина, они ждут, проходит вторая машина, они ждут. А гут идет третий грузовик. Мать и бросила в кузов платье. Шофер видел, что ему в кузов что-то кинули, остановил машину и говорит: «Зачем же вы мне что-то кинули, вы ведь не знаете, что я везу. А везу я парня молодого, в Афганистане убили». Вот так (Новг., Пест., 1980-е годы).

№ 48. Рассказывали еще, что вот парень с девушкой гуляли. Забирают его в армию, а она обещалась ему писать, и говорит: «Я тебя на вокзал приду встречать в белом платье». Ну вот год проходит, писем нет от девушки. Приходит парень, а она его на вокзале встречает в белом платье. Ну и дружки его тут, ну пошли в ресторан, ну взял он ей красного вина, а ребятам водки. Тосты-то стали говорить, а она и пролей себе на платье, сделалось три красных пятна, на белом-то платье. Ну она, мол, говорит: «Пойду да замою». Ну, вышла она, а ее ждут, а ее все нет. Ну, они к матери, а мать им говорит, чт? вы мне, мол, мозги вставляете, она год ужо как померла. Ну настояли они, свидетелей-то много, что она жива, так открыли гроб-то, а она и правда, лежит, а на платье три пятна, трехдневной давности. Вот что мне рассказывали (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

ПРОКЛЯТЫЕ И ОБМЕНЕННЫЕ **(о людях, побывавших в ирреальном мире)**

№ 49. Случай был. Прокляла мать, выругала дочку по-всякому, да и в поход* послала: «Понеси тебя леший». Ну и все, пропала девушка. Год ходила девка, а потом пришла. Хрест врос в долонь,* на шее был, она держалась на него, потому и жива осталась. А им, окаянным-то, не положено хрест вырезать-от (Арх., Мез., Кижма, 1986).

№ 50. Крёстна крестницу обругат, та и пропадет. «Опять, крёстна, доставай», — говорят. Пропавших детей стерегут. Их, говорят, стерегут такой же народ, как мы, только, говорят, он проклёнутый. Корову стерегут, кормят, ее доят, если уйдет в лес. У нас у самих была корова потерявши. Приходим, за лесом стоит. Смотрим, и титьки слабенские, доили,

значит, те, проклёнутые. Они неизвестно где живут, в лесу, наверно (Новг., Пест., Никулкино, 1986).

№ 51. Говорили, парнишка однажды гейнул,* и шишки его подхватили. Его и по елкам водили, и везде. И на елках кладут спать, и яблоками кормят. И парнишки не увидишь. А потом поставили кресты * и его увидели. Шишки и отпустили его.

Шишки, говорят, как люди. В шляпах все, ходят в джинсах. Это, значит, такие люди есть, а мы и не знаем (Новг., Любыт., Ковриг, 1986).

№ 52. Девушку нашел тихвинский мужик, у леса. Год бродила. На ней уж платье лопалось. В сельсовет привел, спрашивают там: «Чем питалась?» Говорит: «Хлеб неблагословенный ела, в любой избе». Хлебушко закрывать надо на ночь: «Господи благослови». Надо скатёрко постлать. Видно, уж от матери проклёнутая. Год целый ходила, в лисе-то (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 53. Потерялись три девочки — семи, семи и девяти лет. Пошли искать. Нет и нет. На тринадцатый день нашли. Нам, говорят, дяденька приносил кушать. А спать ложиться — лодойдет к ели. Внизу все мхом, а сверху как одеяло. А заморозки до —12. Летние платица, в сандаликах. Он, говорят, каждый вечер за нами ухаживал, и хлеб приносил, и суп мы кушали. Он нас угощал все время (Волог., Белоз., Пятница, 1988).

№ 54. В деревне мать прокляла дочку: «Леший тя унеси». И дочка ушла и ушла. И жила с вольним.* Она много годов жила. Каждый год рожала чертей. Говорит, рожу, сразу и убе гут. Везде он ее водил, где только ни водил. Сама рассказывала.

Стала мать ходить к колдунам. Наколдовали. Так он ее пнул, и она сколько катилась от него катком. Выкатилась в поле. Домой пришла. Но скоро померла (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 55. Зеленцовы жили, Сергей проклёнутый у них был. Полосы у нас рядом были. Он парень еще молодой был, годов пятнадцать. И вот косят, а он пошел на залогу* кислинку* есть. Нужно ведь было косить, а он ушел. Вот matka его и попугала, всяко его обозвала: «Побрали б тебя черти». Так и послала его ко всем чертям. Стали уходить, да было-то вечером. Он-то вперед ушел. Шел, шел домой, а как до колодца дошел, так и пропал. Пришли домой, а его и нету. Вечером стали искать и не нашли. Мать, она и забегала по деревне, а надо, чтоб ходил искать крестный. Дожили до утра, собрались и пошли искать. Видели его в половенной * яме, токо начнут подходить, а его и нет. И на лошадях догоняли, никак. На другой день увидели соседи. Ходит, говорят, по лугу, зеленая рубаха на нем. Его стали рычать,* а он рванул в лес. Рубаха подымается на нем, как вихрем его унесло в лес. Пошли к бабе Оне, к колдушке. Та, и сказала, чтоб он [крестный] до дому шел, не оборачивался да молчал, а парень сам придет. Пришел он к Зеленцовым домой, сидит, дожидает. Потом он пришел. Приоткрыл щелиночку и молчит. Говорят; «Заходи, Сергей». А он стоит и не говорит. Крестный-то и нацепил крест на него. Он вроде лучше сделался. Прошел и сел. Крестный говорит: «Посиди, Сереженька, отдохни». А он говорит: «А меня дожидают, дедушка и бабушка». Потом сам Сергей рассказывал: «Я как из поля пошел, так туман поднялся, я в нем вместе с дедушкой и бабушкой ходил. Спички и бумагу отобрали». А дедушко-то с бабушкой померли давно. А кто ему привиделся, кто его знат. Как пришел из лесу, так не велено было к нему matke подходить, слово говорить, с месяц. Потом Сергей долго печальный ходил, задумавши (Новг., Пест., Малышево 1986).

№ 56. Девочка ушла на Троицу за березкой. Матери говорила: «Мама, я пойду в лес». А мать не пускала. А потом говорит.: «А, лешак тебя возьми». И она ушла и ушла. Убежала и все. Долго искали. Ходили к колдуну. Колдун сказал отцу: «Обойдите всю паству с иконой 3 раза». И пошел отец, обходил. Такой ветер был, что отец думал, как живым остался. Береза отца как хрястнет, как хрястнет.

Ее отпустило, дедушка не мог ее дольше вести. И вот из этой деревни люди в Череповец поехали. Увидели ее. Она запомнила дедушку, который умер, он ее и водил, кормил ее. С краю-то деревни жила бабушка Степанида. Вот они под амбаром у нее отдохнули и пошли дальше. Лесом ее вел. Есть захочется— сойдут в деревню, он накормит.

Или в магазин зайдет, накормит. Не боялась его — наш дедушко. Вывел ее в Череповец, в няньки нанял. А хозяйка говорит, наняла няньку странную. Ребенок ее боится, и она на ребенка не глядит. Привел ее пастух. Из леса вышла. Пусть, говорит, побудет у тебя в няньках. Лет 10—11 ей было. Евлановой Нюркой звали. Год не было дома. Наказал ей никому не говорить, где была. Она немного сказала, так ее под амбар забило. Она и не стала рассказывать. Она и сейчас живет, на Глеbove (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 57. Мальчик у нас был потерявши. Это правда было. Раньше мальчиков посылали за лошадям. Он поленился, а мать разозлилась, да и сказала ему: «Будь ты проклят!» Мальчик испугался, взял мешком накрылся и убежал. И не найти его нигде, искали всей деревней, служат во всех церквах, а его нет как нет. А дорога через лес у нас шла; как едут на возке, так лес зашумит, приклонится, мальчик выбежит из лесу, мешком накрывши, и попросится на возок, его посадят, а он просит: «Накиньте на меня крестик, плохо мне, меня мучают». А лес зашумит, и все равно черти выхватят. Он было уже мхом оброс и все мешком укрывши. Девять лет ходил.

Раз ребята пошли в лес за гоноболью, видят под кустом мальчик сидит, мохом обросши и мешком укрывши. Мальчик заплакал: «Накиньте на меня крестик!» Один мальчик пожалел его, накинул. А ребята испугались, прибежали домой и все рассказали. Прибегли с деревни люди, мать его, и забрали того мальчика. Принесли домой, отмыли, а пожил он всего денька три, все рассказал, как черти его мучили. Он только уйти хочет, ёны лезут сзади и волокут его к себе. В деревне Чернигово это было. А, может, нельзя было ему рассказывать, оттого и помер, что все рассказал (Новг., Старорус., Святогорша, 1990).

№ 58. Мама говорила. Девка у них в деревне была, проклятая, и как мать проклянет, попадает такой момент, что сбывается, дочь делается как слабая умом, и ее подхватывают шишки, черти, по лесу носят, бегают по лесу днем, шишки ее гоняют, а ночью приводят домой. Матка стала ходить в церкву, бога просить, святых прощения просить. И вдруг одну ночь ее пригоняют домой, дочь-то, а матери подсказали, чтобы в эту ночь она читала молитвы и зааминивала * двери и окны, крестила чтоб двери и окны и говорила: «Аминь». Слышит мать, кто-то топчет. Она стала читать молитву, а дочь на печке сидит. Мать взяла пояс, крест и полезла к ней на печку, а она кусает мать. Та одела ей крестик, поясом обвязала, и она уснула. И все больше не убегала (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 59. Я когда в девках была, слыхала. В Ванюшине было. Ушла девка, Маруськой звали, березки копать. Нет и нету ее. А ее вольный водил. Она на дедушкин * след ступила. Водил за левую руку, так положено. До чего доводил — оборвалась вся.

Она говорит, Машка эта, открывали сундук любой, брали, что нужно, поедят, где хотят, а люди не видят. Соседи говорят: «Ваша Машка скатерку трясла». А родители ее не видели. Три недели эдак шаталась.

А у ее матери завет дан был на Казанскую Божью мать. Так он сколько раз ее топил — никак. Два раза подводил к озеру топить, так зачнет топить — колокола зазвонят, он и бросит. А третий раз — как зазвонили колокола, он ей размахнулся да как кинет — на берегу она оказалась.

Пришла домой. А он ей заказал — ни гу-гу. А еще, говорит, бывало, не могу через перешагнуть, он так держит за руку — ноги ни до чего не достают.

А эта женщина после долго жила. В Ленинграде померла (Волог., Белоз., Акинино, 1988).

№ 60. Нельзя проклинять, особенно когда служба идет в церкви. Одна была дочка проклята. Она была у етых чертях, и много год была тама, ее было не вернуть. И матка долго молилась, просила, а отец торговал дома, у его был магазин. Бедный человек какой-то, ейна судьба, и идет как-то откуда-то и говорит: «Хоть бы мне бес невесту-то дал!» А бес как тут был и говорит ему человеческим голосом, прямо перед ним появился, говорит: «Приходи вечером на гумно, я тебе любую дам». Сказал он это матери, а она говорит: «Иди, но бери вот крест и пояс, и как ее поймашь, одень на яе, и бери ее за руку и иди, не оглядывайся». И говорит: «Нарядных и красивых не бери, это тоже шишки, черти, а сзаду будут рваные,

драные, этих бери». Он и пошел, часов в одиннадцать. Тот [бес] выскакивает. Подошли к воротам, там музыка веселая, идут первые, нарядные. Он ему говорит: «Бери, бери». — «Погоди». А потом эти, загонянные, они измученные. Он эту одну последнюю и схватил, крест надел и пояс. Там все заорало. Потацил домой, к матке притащил. Девчонка очень измученная, худенькая. Матка одела яе, ночевали, объявили о свадьбе, венчаться надо. А девка оказалась того батька, который магазин имел. Пришли в этот магазин, а родителей она помнила. Жених что и то * купил ей, а денег нет. А она все набирает. Она говорит: «Ладно, не твое дело!» А он все это понес, а она говорит отцу: «Я дочь твоя!» Он в обморок упавши, она опять ему доказывает родство свое. Он признал ею. И день сказала, когда мать ее прокляла, все верно ему сказала. И батька им всю свадьбу сделал (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 61 Раньше, молодые мы были, слушали * да кудесили.* Раз говорят, кто из байны камень вынесет на похвас [на спор, чтобы похвастаться удалью]. Один пошел, сунул руку в каменку, а там его схватило. Говорит ему: «Возьми меня за-муж— отпущу, а не возьмешь — спокую не дам». Пришел на другой день в байну, говорит: «Выходи, кто тут есть». А ему: «Сходи к матери, да возьми крест, да пояс, да рубаху при-неси». Он взял, накинул на нее крест, така красавица получи-лась.

Свадьбу сыграли, пошли к ейным родителям. Там мати ка-чает ребенка в зыбке. Она пришла: «Здравствуй, мама». Та го-ворит: «Кака я тебе мама, я двадцать лет качаю». Она родила ее да в байны оставила ребенка, а его обменяли. Девушка го-ворит: «Дай-ка ребеночка». Сама взяла его да колонула об стол, а ето голик * оказался. Таких детей называют «обмене-ны» (Арх., Пин., Кушкопала, 1984).

№ 62. Одна женщина горазд разругалась с мужем. А у ей ребеночек, был. Стопила байну и говорит мужу: «Сатана, при-ди в байну за ребенком», — и ушла мыться. Моется. Приходит он, с виду, как муж, и забрал ребенка. Немного погодя муж приходит в байну за ребенком, спрашивает, вымыла ль, успе-ла? А жена рассердилась и давай кричать: «Ты долго будешь надо мной смеяться? Вымыла ль, успела! Ты ж уже забрал ре-бенка». Пришла домой: «Ты куда ребенка запрятал?» А его сатана унес. Пошли они в церкву, батюшка и говорит: «Ты са-ма ребенка черту в руки отдала. Если решишья в церкви от-стоять ночью в кругу, может, и отдадут тебе дитя твое». Она встала в тую ночь, горазд страшно было, но она с ума не со-шла, вытерпела. Батюшка наутро спросил: «Отдали ль?» — «Нет, даже не показали». Второй раз встала в ночь. Ей его не отдали, но показать — показали. Батюшка и говорит: «Если возьмется крестная мать отстоять, может, ей отдадут». А крест-ная старенькая была, согласилась, отдали крестной матке, а ей не отдали (Новг., Старорус, Хорошово, 1990).

№ 63. В какое-то время пугали русалками, это еще когда Спаситель не родился, тогда было. Вот когда Спаситель родил-ся, тогда :и русалки скрылись. А до Спасителя русалки были, кто-то видел, но не кажный человек.

До перёд Спасителя рожденья это было. Сама [одна жен-щина] родила ребенка и сказала мужу: «Вот ребенок-то мой, сама буду мыть его, а ты приди возьми». Ну, мужик-то при-шел. Вымытый-то ребенок, справленный, готов. Она дала через порог ребенка мужу. А через малое время приходит муж: «Ну, где вымытый ребенок?» - «А я тебе уж отдала ребенка». — «Я и не был еще за ребенком». И бесам и отдала ребенка. И так, пока ребенок не крещен, тоже сменявали. И своих-та кидали, тех-то [бесов] кидали. А свои-то такие были убогие, страш-ные, что им и смерти не было. А как Спаситель родился, все вычистило ето. Когда не было Спасителя, подменивали детей. Это мы только помним, которое родители рассказывали, а ведь мы ничего не знаем этого (Эстония, Пылев., Любница, 1977)

№64. У ей же [у сестры матери] черти ребенка чуть не утащили. Они же детей, пока маленький тащат до сорока дней, так вот нужно, чтоб мать с ним была, чтоб один-то он не оставался, а то утащат. Нужно около головы его ножницы или нож держать, если вдруг уходишь.

Вот приходит сестра домой, а ребенок под кроватью уже лежит. Ну, когда крадет черт ребенка-то, так своєю чертенка подкладывает. Вот если ребенок под кроватью, надо поднять его и сказать: «Сейчас брошу!» Ну кака мать захочет, чтобы единого ребенка убили, и если подменила она ребенка, так обратно поменяет (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№65 На Новом Погосте Анна Максимовна живет. Она в поле жнет, а дети все в лес убежали. Она сыну кричит: «Воротись, воротись!» Он не вернулся. Ребята пришли, а он не вернулся. Она и пошла: ворожули где-то были. Ей сказали, иди в доле, там будет копна, бери, чего там лежит. Она пришла в поле. Под одной копной ничего не было, под второй лежала змея. Она утратилась, не взяла. Пошла домой, а он заревел: «Мама!» Еще ходила, не показала больше змея ей. Так он и не вернулся. Она никому не призналась, а как-то проболталась, так ее под анбар запихало. Теперь ей нельзя рассказывать — задавит. Она и сейчас живет в Глебово (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№66. Со мной женщина работала санитаркой в больнице, так у ней в молодости ребенок трех лет потерялся. Она сама мне рассказывала, как это было.

С ребятами убежал в лес. Они вернулись, а он нет. Не могли его никак найти. Так она ходила на Андому куда-то, к старичку одному. Он ей и сказал: «Там-то и там-то стоит копна, и что бы там ни лежало — бери руками». А женщина эта из Ивановского. Ну, она идет и видит, копна стоит. Откуда она взялась? Перед деревней-то они не косят. Копну она подняла, а там змея ... Ой, как она переживала, что ее не взяла. Испугалась, закричала. И все пропало: и копна, и змея. Только по лесу слышно, как ребеночек побежал и заплакал.

Надо было ей взять, конечно. Может, это ее сын в змея превращен был. А может, просто где рядом за копной стоял. Так мальчишку и не нашли (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 67. Теленка в первый раз выгоняли. Не хотел идти. Хозяйка сказала: «Чтоб тебя леший взял!» Он и пошел в лес стрелой. Не вернулся. К дому потом подбегал, держали его, да он вырывался. Пошли к колдуну. Тот сказал пойти на кресты,* взять, что там лежит. «Не твусь, — говорит, — взять надо». А там куча змей на крестах. Она и струсилась, не взяла. Так и пропал, теленок (Волог., Белоз., Бекренево, 1988).

№ 68 Лошадь поведут в поле, оброть * снимешь с лошади, не имей привычки лошадь обротью стегнуть. У нас лично было. Он покатался, мерин-то по земле, сняла оброть и им бить. Мерин и исчез. Ходит, люди его видят, а он не дается. Говорят: «Вон ваш мерин!», а мы и не видим. Говорят, ударили его не в час. Баба Феня [известная в этих местах колдунья] говорит: «Хлебца положь под куст, там наш мерин и ходит». Пришел (Новг., Пест., Мальшево, 1986).

№ 69. Раз было, в лес поехали. Девочка бежит и ревит, за матерью в лес, остаться ждать не хочет. Оставили ее на распусах,* сказали: «Черт не возьмет!». Ушли. Потом пришли — девки нет. Хрест оставлен да ботиночки, а девки-то нет. Молили, молили — нет. А потом ее носить стало. Мальчик в окошко видел, дедушко несет на кукоречках,* да мне пальчиком грозит. Лешакаться * нельзя в лесу (Арх., Мез., Кимжа, 1986).

№ 70. Раз бабка с дедкой внучку лешему подкинули. Лешакнули, она и пропала. Они в церковь пошли завещание* делать. Тут ветер поднялся, и в пологу* девочка образовалась. Ее в бане с испугу* помыли, она и рассказала: «Меня дедушка на плечах носил, мимо дома носил да не пускал, Угощали порато,* я не ела, да», — а то хоть ягодку съешь, дак не вернешься домой. Они говорят: «Ты у нас ничего не брала, выбросим тебя обратно домой». Плоха была девочка потом, худа, черна. Десять дней ее этот дедушка носил на плечах (Арх., Мез., Усть-Пеза, 1986).

№ 71. Что-нибудь с ним получится, если мать ребенка проклянет.

Женщина одна была. Принесли молоко, а она коров доит. А ее спрашивают: «А Васька где!» «А! — говорит, — черти его побрали, куда-то делся». В сей же час прибегают, говорят: «Зарезали Ваську!» Сусед ихний зарезал. А все оттого, что мать так о сыне сказала (Новг., Старорус, Грины, 1990).

НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

Домовой и дворовой

№ 72. Домовой-та да, есть и домовой. Дом стережет, конечно. Когда корову в дом приводят, когда уходят в новый дом или заболел кто, всегда с домовым разговор заводят. Или вот делаешь что, так и говоришь с им, просто вслух, но иногда и безобразит, да. Может ночью поест из оставленной яды, и, говорят, бывает, вещь какая пропадет, так он безобразит. Люди сказывали, и двигает иногда, да вот стулья переставляет. Как выглядит, не знаю, а что на хозяина похож, это, говорят, будто так, а, может, и нет. И скот хранит, чтоб не пал. Дворовой? Так это и есть домовой. Все одно, что тот, что другой (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 73. Сушили, молотили на гумне. Намолотили овса, ну, послали меня сторожить. Там положен был лен, сушили и потом мять. Там печка была. Вот лежу на печке и вдруг зашевелился кто-то. Из-за печки выходит вот так человек, как ребенок ростом, голова с подойник или вот с чугуна. Глаза вот так большущие, так идет и глядит на меня. Повернулся и н»-иел. Я еще молодой был, еще неженатый. Волосенки-то дыбом лоднялися. Он за печку зашел и пропал. Я туда глядь, а его и нету. Пропал» Он весь черный был (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 74. Женщина рассказывала. Сижу я, спину к печке жму. Зашел вот такой маленький мужичок, немного от пола, и говорит: «Через три дня война кончится». Война и кончилась через три дня. Это домовой был, наверно (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№ 75. Был взят у меня хозяин на войну, а я с дитем осталась. Много домов сгорело, а мой стоял. Раз суседка пришла, говорит: «Пусти ночевать, я замерзла». Я лежала на печи, вроде как уснула. Вдруг навалился на меня как собака, мне не дохнуть Ох, тошно. И лапам и стащил с кровати и говорит: «Так тебе и надо». Я спрашиваю: «Бабка Марья, не спишь?» — «Нет». — «А что это на меня навалилось, как собака?» А она: «Это ж дворовой, а ты чего не спросила, к худому он или к хорошему. Он тебе сказал бы «кху», если к худому» (Нозг., Старорус, Святогорша, 1990).

№76. Домовой, хозяин есть такой. Он не показывается, никто его не видит. Братец у меня. Зашел, а его водит по двору и не найти ему никак двери. Заводил его во весь двор, водит просто его по двору, сам его не видит. Отец открыл воротечки и постучал три раза, он и вошел (Новг., Старорус, К?тецк?е, 1990).

№ 77. Один раз старшине-то надоело одному жить. Вышел на двор: «Дворовой батюшка, дворовая матушка, покажитесь, а то больно скучно!» Пришел и лег на кровать. Только лег и покурил, вдруг дверь открывается, стоит женщина, косы не заплетены, в рубашке без пояса. Подошла к нему и говорит: «Ну-ко, подвинься, я мокра, озябла». Он и подвинулся, а она ему: «Иди-ко выключи свет». Так пока он чиркал, а ее-то уж и нету (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 78. А на скотне все модовойко* плаце, к плоху это. У сестры доць, с повети* спущатся, видит: в красных сапожках, в красной шубейке старицок спущается. Бородка узенька, длинна. А после-то дом сгорел. Уж он вещевал.* Ведь маленький, с бородой (Арх., Пин., Прилук, 1985).

№ 79. Он у нас всегда живет. Зимой беленький, летом каричневенький. Вот коровам трубочкой хвосты плетет (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 80. Он, домовой, хорошего не желает, а дом оберегает. Ето коли по-хорошему, а поругай его, и пошло дело. Когда ехать куда, дом моют, убирают, чтоб домовому хорошо жилось, а то плакать будет (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 81. Домовой в подполье живет. Одна женщина видела —маленький такой, черный, мохнатый* из-под полу вылезает, на человека не похож, на ласку. К порогу головой ляжет спать. Домовой давить будет, если двойной такой синяк, скажут, до-мовой укусил— это перед покойником (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№ 82. В каждом доме есть дворовой, как сам хозяин он. Лошадей чешет, сено гребет. Ему, бывало, бутылку водки выставляли, угощение. Когда скотину приводили, говорили: «Хозяин дворовой, я будут ею любить, и ты люби, как я ею люблю» (Новг., Старорус., Святгорша, 1990).

№ 83. Домовой живет в подполье, под порогом, на чердаке, мохнатый как леший, он дышит, зализывает волосы людям (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№84. Домовой не показывается, а если показывается, то как хозяин или хозяйка. Какая хозяйка, такой и домовой. Домовой и дворовой одно и то же. На Пасху с дворовым христосуясь. Положу в блюдечко яичко и говорю: «Дворовой батюшка, дворовая матушка, со своими малыши детушкам, Христос воскрес!» (Новг., Пест, Малышеве, 1986).

№ 85. Дедушко-то домовой давливает. Сын мой как-то спать повалился, и приснилась ему собака, и лицо грызет. Он завопил: «Мама! Мама!» — Я говорю, что с тобой, а он: «Вот, мне приснилось». Я ему: «Ничего, ничего, спи». Он лег, опять то жы приснилось. А потом в лес поехали, его и сострелили, из-за девки. Вот какой плохой сон (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 86. На печи лежу, кабыть как лезет дедко. Лезет, на скамейку встал, на приступок встал, за эти места, за стебли* схватил меня, я реву, не могут зареветь в голос, потом вдруг все отвалилось — и все (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 87. Мужу похоронной быть, у меня ночью как камень навалился, вся мокрехонька. По полу как лошадь пошло. Домовейко давил. Спрашивать надо: «Дедушко-домовеюшко, скажи, к добру ли, к лиху?» Он в ухо дунет, к худу или к добру (Арх., Мез., Жердь, 1986).

№ 88. У меня было опосля войны. Я пришел с гулянки, будто кто меня душит, и глаз не открыть. Я сбросил, к плохому или к хорошему. Он только: «кху». Легко мне стало. А через пару дней ушли плотничать, к нам прибегают и говорят, что три домика сломали. Вот тебе и к худому.

Надо его спрашивать, к хорошему или к худому (Новг., Старорус, Хорошево, 1990).

№ 89. А вот, бывало, ночевали с братом на сене, не пьяные были, не. Ну вот, он уснул, мы с ним разговаривали, я слышу, он засыпает, ну, думаю, сейчас и я спать буду. Вдруг чувствую, все прямо сотрясло, ну ходит надо мной все. Вдруг сверху навалилось что-то, и не знаю, прямо давит, сильно. И ни рукой, ни ногой не двину. Я его матом, все перебрал, да не берет ничто, давит. Ну, може, и тут что сдавило, не знаю (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 90. Домовой, да, на хозяина похож, появляется только ночью, Я видела своего деда, он не родной моего отца дядька, жил с нами. Он уже не живой. Ночью в шубе ходил. Забоялась я, мама тоже его боялась, а говорила* что, мол, это неправда.

Домовой разный. Одни, бывает, тоже плохо делают. Вот одна мне говорила. Купила корову, домой привела. Войдешь во двор, так говори: «Новый домовой, возьми мою коровушку, доченьку, ухаживай, углаживай за ей, корми, береги, ото всех бед стереги ее». А, бывает, придешь, а она будто вся облитая, он ее всю ночь гоняет, выживаете двора.

А дома, пришла раз с вечера с работы, поужинала. Спали дети уже. И забралась я на печку спать, а плохо, что не разделась, нельзя, домовой приснится. Я забралась и вся легла, как была, и чулки надо было снять, нельзя в чулках спать. И вдруг дверь стукнула, кто-то вошел. Он за, ноги меня забрал, за эти чулки, и вдруг как сильно навалился, сдавил, и мне не крикнуть. И решила молитву творить, стала читать, стало его все отходить. Он, слышу, спустился и потопал к двери, дверь хлоп, и пошел он за дверь. А мама и говорит мне: «Значит он тебя с дому выживает, куда-то ты уйдешь». И уже через год я вышла замуж. Один раз всего приходил, больше не видела его. А бывает, и задушит, и до смерти может (Новг., Старорус., Ивановское, 1990).

№ 91. Есть хозяева. Я помню, одна была — себя видела. Села на печке, прялкой пряду. В желтом платке — золовка привезла - белой кофте. Пряду. Вижу — сама иду! Идет мимо, тем заулком [показывает]— туда [показывает]. Ну прямо сама иду. В желтом платке,

белой кофте. Жуть взяла. Я лампу погасила, на печке в одеяло с головой завернулась — не знаю, как и ночь перекоротала.

Невидимая сила какая есть (Волог., Белоз., Акинино, 1988).

№ 92. Лет восемнадцать назад было. Дед на ферме дежурил. Дочка младша училась. Ю отправили в Пудож картошки обирать. Работа была тяжела. Я все расстраивалась про нее рядом нас дом стоял, пьяницы там жили. На окны у них пилька * горела. Я боялась, как бы дом не сожгали. Все по окнам ходила и глядела. В четвертом часу собралась лечь на кровать. А мне-ка врачи не велели ложиться на левый бок, а я думаю, дай лягу, и легла. В ногах в одеяле вдруг ком. Я ногой отпихнула, думала, кот Барс. А он на грудь прыгнул, хрыпит да душить меня. Мне принаумилось; это гнётушка* гнетёт. А перед чем? Мни-ка вдруг показалось — с-под кровати голос: «Перед смертью». И ком пал на пол. Тут я чинно * испугалась. Вся либандаю [дрожу, трясусь]. Ён мне на руку лёг, рука стала трястись. После того случая я начала болеть. Когда четвертай час, дак не сплю. Говорят, в ночное время не надо по окнам смотреть. Сказывают, что это домовой (Карелия, Медв., 1979).

№ 93. Меня домовой-то раз выдавил. Он вот так навалится, и ты не можешьдохнуть, не можешь пальцем пошевелить. Вот говорят некоторые, он трогает. Он иногда бывает, если голое, голый, как человек, это к плохому давит, а если мохнатенький, как кошечка, это к хорошему давит. А я-то... Он меня давил, давно это было, навалился, ядохнуть не могу ничего, ан, слышу, говорит: «Вот как тебе будет тяжело жить, вот как будет тяжело» (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 94. Мартос какой-то синяки выкусыват. Ежели на заднице выкусит, нигде больше нету, это не к добру. Нигде не вержалась,* чтоб синило [синяк]. Мартос, конечно. Ежели пятно от себя, это к худу. Въедат меня мартос. Можно, ето и есть дедушко. Не знаю. Дедушко, говорили, выкусыват (Арх., Мез., Лампожня, 1986).

№ 95. Мардос выкусал, если к себе, то к неприятности, а от себя, то к добру. Говорят, что домовой выкусал. Какой синило появится, говорят, дедушка-домовеюшко кусал. И не чувствуешь, и не больно. Мартос это. Я легла как-то, и надавило на меня, и вижу - ручонка тоненька-тоненька. А оказывается, надо было попроситься у дедушки, когда ложилась (Арх., Мез., Закокурье, 1986).

№ 96. У деда вот, конь был белый, а домовой, уж коли скотину полюбит, так все ей сделает, а уж коли не полюбит, так изведет. Так вот конь-то был белый. Бывало, придет дед з конюшню, а у коня сено положено. «Бать-те, — говорит, — ты ложил?» — «Не, — говорит, — не я». А другой раз и коса у коня заплетена. Спрятался дед, смотрит, человек-то будто высокий такой, да и подошел к коню-то, сена ему положил и косу заплел. Вот дед пришел домой и сказал, что домовой сено кладет (Новг., Старорус., Виджа, 1990).

№ 97. Еще вот. Бывало как-то у нас, придет дед утром, а конь-то весь в мыле. Раз, два, на третий решил подкараулить. Пошел в конюшню, спрятался с плеткой. Вот за полночь, вскочил на коня домовой и стал ездить. А дед как выскочит и говорит: «Раз!» и плеткой-то его стегат и все приговариват: «Раз, раз!», а домовой ему: «Скажи — два, скажи—два!» Чтоб их двое-то было-то. А дед знает только: «Раз» и «Раз». Так и отхлестал его (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 98. Одного любит лошадь-дворовой, а другого нет. Случай был. Раз идет женщина, а с сараю идет, несет охалку сена вроде как свекр ейный. Она его окликнула, а он наклонился, цоп кирпичиной в дверь, она и разлетелась. Баба едва успела в избу забежать. Глядит, а свекр в избы сидит. Она бросилась к нему с испугу, а он ей и говорит: «Крестись, детонька, это дворовой» (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 99. Отец идет домой, а дедушка в это время уж спит, бывало. Видит отец, во дворе выездной конь стоит, и ходит кто-то с кузовом* Отец решил — дедушка, удивился. Пришел домой, а дедка-то дома. Отец разбудил деда, говорит, я тебя видел сейчас во дворе, ты сено нес. Пошли во хлев, посмотрели, а сено свежо, только наношено (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 100. Вот если домовому приглянется скотина, тогда он это животное любит, оно гладкое, холодное. Ну, у лошади-то косички будут. А если не нравится ему животное, то изведет его. Ну, утром в пене вся скотина-то. Ну, домовой-то маленький такой, лохматенький, в шерсти весь (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 101. Пошли сын да невестка в новый дом. Я взяла хлеба, соли, крупки, зашла: «Дедушко-домовеюшко, прими моих детушек, обогревай, обувай, одевай, на добры дела их наставляй»— обошла по углам.

Покупают, заводят корову и приговаривают: «Дедушко-домовеюшко, пусти нашу Белонюшку на подворьюшко». Кусочек хлеба окружат над головой коровы и скормят, чтоб она ходила.

Дали нам ягненка, стайку* сделали, а у домовеюшки де попросились. Овечка не стоит, чуть отвернешься, она и выскочит. И все за коровой ходит. Ночью корова ляжет, и овца все на корове лежит. И шерсть ведь оленина [как у оленя] была, не росла. Старушки сказали, домовеюшко не любит, ина шерсть. У домовеюшки не попросились (Арх., Мез., Жердь, 1986)

№ 102. Я с собой хозяйина повела. Надо сказать: «Сама пошла, и мой хозяин со мной». Свой хозяин, чтоб сюда пришел, а эти ушли совсем. Они на вторую ночь ушли. Я свист слышала стук послышался на мосту,* потом зачастили на мосту, затопотали. Не один человек. Покатились на улицу и пошли к Георгиевскому (Волог., Белоз., Акинино, 1988).

№ 103. Человеком знакомым кажется [дедушко]. И только счастливому (Волог., Белоз., Меросло, 1988).

№ 104. Дедушко домовой есть. Когда в новый дом переедешь, надо проситься. Покланяешься: «Дедушко домовой! Пусти!» Не попросишься, так, говоря, будет пугать. Ночью ходит по дому, чуешь, что ходит, а видеть-то не видиши. Если уедешь, дедушко не позовешь, так он плаче. «Пойдем, — позовешь, — дедушко-заманушко, пойдем со мной». А если не позовешь, воеет кто-то (Арх., Пин., Кеврола, 1984).

№ 105. Бывал случай у меня. Мы жили с Марьей Петровной в одном доме. У Марьи Петровны золовка была отдана за Подрезова, комиссаром в деревни он был. Его утопили во время революции, белые, должно. У нас верхняя изба была не доделана. Мама ушла печь топить, я с ребенком осталась. Вдруг щелкнула у нас половица, я испугалась, и ревить боюсь. Я промолвила: «Мама!» Оно и исчезло. Игнатья-то и нашли потом. А женку всю ночь тащило с кровати, нас всех тревожило, предвещало, вот и предвестило. Вообще это к несчастью (Арх., Пин., Кеврола, 1984).

№106. Женщина одна жила. Ночью легла спать, и вдру двери настежь открыло. Встала, двери закрыла, легла на печь, и кто-то 3 раза погладил по руке, домовой, наверное (Волог., Кирил., Благовещенское, 1979).

№107. Бывало это, правда. Жили мы раньше на хуторе. Две невестки нас было, вместе жили, лес разрабатывали. Семья-то большая была — делиться надо. Нас свекровушка и поделила. Той невестки лошадь досталась, две овцы, а, нам дала корову да жеребенка, стриган * был. Да корова-то у нас в то же время и околела. Сама доила, да домовой скамеечкой треснул, а коровушка-то закачалась и упала. Я сама-то в глаза его не видела, ну а скамеечка прямо по корове. Корова закачалась, закачалась, я от нее токо отскочить успела, а она и упала. Не успели мы в новый дом хозяйина позвать, верно, и обиделся он (Новг., Пест., Мальшево, 1986).

№ 108. В дому домовойка раз плакал, как все ушли, его одного оставили дак. Корова растелится, домовойка просят: в четыре угла плюнуть да три раз сказать: «Дедушко-домовеюшко, полюби моего теленоцка, пой, корми, цисто води, на меня, на хозяйошку, не надейся» (Арх., Мез., Усть-Пеза, 1986).

№ 109. Иной раз ведь как бывает. Если дедушко домовеюшко любит хозяйина, он ему косичку назади засуслит, заплетет, и ты эту косичку не смей распутывать. Сам заплел, сам и расплетет. А если расплетешь, он ведь по-всякому взглянуть может, может и хорошо, может и плохо.

У домовых-то, раньше так говорили, сколько в доме людей, такая же у домового и семья: муж, жона и дети (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 110. Сестра мне рассказывала. Куды ни лягешь, все домовой меня мучит. Кабыть * собака на это место, на горло, мне прыгат. А однажды к ней [сестре] старуха стара пришла, плацет, обнимает ей. Она говорит: «Ты откуда?»— «Я,—говорит, — из нового дому пришла». Это домовой мутил ей, смерть показал. Она и померла скоро. А еще бывает, домовой на жердоцке плаце, вое. Это не к добру ведь. У меня плакал, дак братьев двух убили.

А как входишь в новый дом, зовешь: «Дедушко-модовеюшко, пусти в новый дом жить, дедушко-модовеюшко, напой моих овецушков, пой [пой] пар божий * моих овецушков, пой-корми сладко, води гладко, стели мягко. Сам не декайся,* жены не давай, детей закликай, здоровья давай». Еще, говорят, бывает, не домовой, а ласка. Он на дворе и на повети —езде (Арх., Пин., Остров, 1985).

№ 111. Домовеюшко в доме-то есь. Татка коня продавать хотел, а мы спим, да на нижнем двори воет: у-у-у — коня жалеет. Брат голову-то спустил вниз, а там на гривы у коня как ластоцка сидит, в косу плетет, как котко какой. Любит, дак косу все плетет. У меня всё плел, дак состригала. Тата говорил, летели сорок ангелов, летели да пали. Кто куда пал, тот там и стал. На дом — дак домовеюшко, в баню —дак баенник, в лес —дак лесовой. Если не любит домовой скотину, дак на ноге вьет ей [шерсть]. Домовой, он хозяин и есть. На повети плацет он, Васю, сына, домовеюшко, верно, выживал. С пецки соскоцит, да давит. Хоть иконку под подушку ложил он, да умер все. Он, домовеюшко, как котко какой, похож. Такие по-байки я слыхала про него (Арх., Мез., Усть-Пеза, 1986).

№112. Само-то ведь дед-домовой, это ласка, зверек такой. Ушки черненьки. Она скотину нову не любит, завьет гриву-то. А у меня серых овец не любила; дак все гоняла овец до ноци, не любила. Как двенадцать часов прошло, как рукой сняло, все проходит. Заберется на спину и гоняет. Это-то домовеюшко и был, ласка-то (Арх., Мез., Жердь, 1986).

№ 113. Животное ласка, если лошадь полюбит, то кос наплетет. Женщину ласка полюбила, завила косы, расплести не могли, отрезала. Ласка похожа на хорька, длинная, тонкая, черная, гладкая, будто блестит. Ласки коров чистят. Так вычистят, что просто прелесть (Волог., Кирил., Благовещенское, 1979).

№ 114. Ласка и есть доможирка, белый зверек, как цего-то не ко двору, то скотина плохая будет, ласка сделает. Дедушко-медведушко, ясно, ласка и есть. Приговаривали, когда просят во двор: «Дедушко-медведушко, пусти нашу коровушку!» Ласка ходит, шерстит, пугает (Арх., Пин., Летопада, 1984).

№ 115. Домовой хозяин есть. Он бывает и крысой большой, и гадом. Говорили, если домового хозяина убьешь, то скота не будет. И лаской показывается, и в разных показывается ридах. Домовой живет под пологом, из-под пола он выползает (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 116. В каждом доме свой домовой. Маленькие—добрые, большие— злые. Мы огород пахали. Выползла така жаба большая. «Не тронь, не тронь, — муж говорит, — это домовой, хозяин конюшни». Мы обратно ее положили. Какой хошь может домовой быть. Гад лежит на заваленке, не тронь, говорят. Кто знает, что это (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 117. Старуха говорила, не бей в конюшне крыс, к плохому это, домовую не бей. Крыса околела, не выноси, плохо со скотом будет. Бабка говорила, ихний дедко слезает с печи в белом во Всем. Вот бывают таки зверюги, носят весь овес от* одного к другому. Домовой какой-то делает это. Крысы дивья*бы мне носили, хоть бы кур кормили. Главные были в конюшне крысы (Новг., Любыт., Ковриг, 1986).

№ 118. Меня попросила Настя: «Подежурь в конторе, а я мать встречу». Лежу я, сова прилетела и сидит, глядит в окошко. «Пошла, — говорю, — что тебе надоть? Ах ты, зеленоглазая, улетьвай!» Она и полетела. Я спать повалилась. Лежу, в углу вдруг слышу: «Няу, няу». Вскочила: «Тебе чего нать? Я в ворота входила, разрешение просила

переночевать, чего ты хочешь, не знаю». Я трухнула. Он два раз прорычал по-кошачьи да замолк. Дедка предвещает. Дак она [Настя] потом померла.

А еще вот. Иду я из дому, вижу, котанко ускачил, котан серый, хвост пушистый. Зашел на поветь,* свернул, да и нет нигде. Я бабушке говорю, что котана-то видела. Она: «Куды котану, домовою то дедка!»

Дедушко-доможирушко выдавить может. Если заденешь—волосатой, в шерсти, так хорошо, пустой—так к лиху (Арх, Пин., Немнюга, 1984).

№ 119. Легла я спать, а двери открытые ставила. Идет кошечка, как снеговая, белая. Положила лапки на окошко, постояла. Обрато мимо меня пошла, я ее захватила, она, как вата, мягкая (Волог., Кирил., Благовещенское, 1979).

№120. Однажды вышел, а под мостом* красная змия, так и увиватся. А это дворовой. Так она толстая, красная.

Купили тогда жеребенка, хороший, вороной был. Немного времени прошло, так он [дворовой] на двор не пустил, ударил но крестцам. Он-то сразу и упал. Недолюбил, видно. Он как ударил, у него сразу зад и отнялся. Отгацили его от двора. Все ползал на передних ногах. Так отец отвез его к колдуну. Тот как наговорил, то и опять стал ходить. Но дед-то и сказал: «Смотри, чтоб не повторилось. Надо еще искать человека, я слабоват». Другого-то не нашли. Вторично повел на двор, а он опять не пустил. Привязал его отец к дереву, так и сгинул. У лошади-то черные пятна на крестце, как от удара* (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 121. Дедушко-домовеюшко, така животна, бело пробежало, как ягышок [ягнейок]. Хвостик долгой, низенько на ножках. Целовеку он уже не касается. Иногда так бывает, что всех овец совет одной веревкой. Говорят тогда, дедушка не любит овец в хлеве. Сено навьет на ножку у овец, на телят, говорят дедушко не полюбил.

Когда перед весной гнездо вьет, так шерсть берет у коня. Обязательно берё потную, лучше вить гнездо (Арх., Мез., Кямжа, 1986).

№122. Да-да, помню. Пришла я как-то в хлев-то, а у одной овецки задние ножки свиты, солома навита. Киты * вьет, когда шерсть больша нарастет у овецки, всего навива, запутыват. Если молоко у коровы убывает, домовейко не люби. Это по-нонешнему-то лаской зовут. У них лапки, как пальцы, как: рука, я видела; носик длинный, черненький, черненький. Он весь такой небольшенький, а токо длинной, вроде белки. Говорят, стоит дом за дедушкой-домовеюшкой, он хозяин в доме. Дедушко-атаманушко, бабушка-домушка. И дети есь.

Когда скотину приведут, просят дедушку-домовеюшку: «Дедушко-домовеюшко, привела тебе скотинку двухкопытную, люби мою коровушку, сам не гоняй, детей унима, жены воли не давай. Пой-корми сытехонько, гладь гладехонько, местечко стели мягкохонько, сам ложись на край, его вали в середочку» (Арх., Пин., Кеврола, 1984).

№ 123. Летучий змей, так разговор есть. Вроде летучий змей или уж. Как-то у нас в соседней деревне в Кошевой при обмолоте видели. Они видели, как огненный змей прилетел, вроде уж. По старине, слышал, здесь, в этой деревне, жила старуха, занималась колдовством. Дескать, у ней есть этот змей, и он носит ей добро (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 124, Змеи были в наших местах. Все говорили, что уж какой-то летает. Летит, да все как волокно красное, как огонь красный и есть. У кого он залюбит, то наносит, а у кого не залюбит, все вынесет (Новг., Пест., Ельничное, 1986).

Леший

№ 125. Женщина рассказывала, что видела, как леший по деревне прошел. Он выше домов, а за ним ветер по деревне идет. Эта женщина ночью воду черпала. А ночью воду нельзя брать, ночью вода спит (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 126. У меня сестра потонула. А пошла она за лошадьё. Идет лесом и... выше лесу пошел кто-то. Идет он, и колпак медный на голове. И пересек ей дорогу. И ей уж не живать на свете. Так она и умерла в этом году (Волог., Белоз., Олькино, 1988).

№127. На сенокос пошла. Идет весь черный, красным кушачком опоясан. Корзина на боку, будто за ягодам. Видела бочком. Потом боялась ходить. А если сказать: «Как на эти-то на ны надеть красные штаны», — он песню запоет. Но я-то не сказала, испугалась очень (Волог., Белоз., Ванютино, 1988).

№128. Какие они лешие, кто зна? Вот у меня бывало. Пошла я в лес за реку, вдруг слышу, кто-то песни поет, красивы таки песни, про Дунай. Все захохотало, зашумело, и нет никого. Это свадьба у чертей и лешачих. Я стала под сосну и дрожу. Вот как было (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№ 129. Хозяин лесу есть. В зеленой одежды ходит, в ботинках, и кепка, фуражка зеленая (Карелия, Медв., Рим, 1979).

№ 130. Леший, говорят, роста небольшого, и борода есть. Им детей пугают. И у лешего должен быть дом. Леший в болоте водится. И жена у него тоже должна быть, и дети, лешанята (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 131. Хозяин грибов, мха есть. Хозяин везде должен быть. Он вроде бы выйдет, такой старичок старенький выйдет с-под корня или с земли, окрикнул мальчишек: «Зачем так делаете неладно!», если они грибы неправильно собирают. Это лесовой хозяин, он бережет, сторожит лес (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 132. Нам раз примерещивши было. Ходили за брусникой, мы глянули в сторону: весь белый, одевши. Мигнул, пробежал. «Ой, лесной хозяин!» Ктой-то его знает! Большой, настоящий человек. И не укнул никто, уж сколько мы укали, укали (Новг., Любыт., Ковриг, 1986).

№133. Говорят, лещацы переходы* есь, показывается. Девчонками наряживаюся [лешачихи], пляшут, не дай бог увидеть.

В Жерди было. Мать ушла с двумя ребенками в лес, мать никого не видит, а мальчик говорит: «Дедушко нашего вижу, он меня ведет». Вот и увел. Это леший был (Арх., Мез., Кимжа, 1986).

№ 134. Лешачий переход там, как к деревне идешь, озерко там, так говорят, лешачий переход, что-нибудь случается.

Есь еще места в лесе, называют их окаянный крюк. В уме, и все ходишь, ходишь, а опять в то же место придешь, да не один раз, а раза три иль четыре.

Когда человек заблудился да через дорогу переходит, тут-то—окаянный дух. Обдумают* его да ум отбирают у него, у человека (Арх., Мез., Кимжа, 1986).

№ 135. Две жонки ехали с сеном по Государевой дороге. Так дорога за рекой называется. Вдруг что-то спросило у них: «Чья дорога?» А вокруг никого. Одна жонка да и говорит: «Божья да государева». Тут все захохотало, загремело, по всему лесу да раздалось. Это леший тоже он в лесу хозяин (Арх., Мез., Шардомень, 1984).

№136. В одной деревне были святки, а там есь лешева тропа рядом с деревней. Один раз там было гостьбище, все веселятся, пляшут. А в одну язбу, там беседа была, зашел леший. Его и не заметили. Он зашел, голову на воронец* положил и хохочет. Сам весь еловый, и руки, и голова. Тут его и заметили. Испугались все, а он и пропал (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 137. Почему блудят-то, уводят? Это леший покажется, вот введет. Лешаков не лешакают, матюкать надо, они матюков боятся. Лешаки — это чёрт. Бог да черт есть.

Муж по лесу шел, видит старичка, а он первый раз видит его. Подумал, из другой деревни. Говорит: «Давай посидим». Выпили они, чашку отнял, а ни старика, ни чашки, ни водки нет. Побежал, бросил все. А это — рыжая борода — отец мой был, леший отцом представился (Арх., Мез., Жердь, 1986).

№ 138. Мужик один пошёл в лес, а от нашей деревни чаща была. А он глядит, бежат зайцы, а за им идет пастух к как перегнал их в лес, да как щелкнул кнутом, так у меня в глазах потемнело. У всех свой пастух есть — и у волков, к у лисиц (Новг., Пест., Осташкино, 1986).

№ 139. Я была ушодцы за ягодами, а братик Мишенька пошел по лесу. Я искала его, искала, никак не найти. Обратю яду, ревлю во всю глотку: «Ох, желанный Мишенька, меня мамка убьет!» А он выходит из лесу и говорит: «Я с зайчиком играл да ягодки собирал». А какие там ягодки, не было там никаких ягодок (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 140. Пастух в деревне был, ваган, чужой, с реки Вага. К нему все обращались с делом. Один раз потерялась корова красная, одна из двух. Пришли к вагану. Он сначала не соглашался, потом согласился, но сказал, чтобы никому не говорили. «Не скажете — хорошо будет, скажете — плохо», — сказал. «Идите, выйдите в лес, положите два яйца, леший яйца любит, на росстани * левой рукой, не глядя и уходите». Старуха пошла, снесла и на другой день снова пришла и встала не шевелясь. Лес зашумел и вышел леший — небольшой, в сером кафтане, в шляпе, с батогом. Идет и гонит семь коров, видно, у многих отобрал. Ваган говорил ей: «Стой, не шевелись и не говори, пока не прогонит, а твою он отхлестнет». А она не вытерпела, подумала, ведь прогонит ее корову и сказала: «Ой, ты, Красулюшка!» Леший обернулся и хлестнул ей вицей и выхлестнул глаз. Но корову отмахнул. Пришла она домой, а ваган все это уже знал и сказал ей: «Не послушалась меня, так ходи весь век кривая. Мог бы хуже, всю переломать» (Арт., Карг., Хотеново, 1989),

№ 141. Старик рассказывал. Девяти лет наняли в Белозерске скотину пасти. 3 дня поводили. Коров шестьдесят. На третий день одного послали. Он и давай реветь. Вдруг старичок. «Что плачешь?» — «Вот батька нанял в пастухи, а коровы ушли,». — «А будешь пасти?» — 3 раза спрашивает. — «Буду». Взял поясок — раньше у пастухов пояски были — что-то сказал и отдал. «Завтра утром приведешь, в лес не ходи. Утром распусти, вечером затяни, на ночь сымай». Не вытерпел, затянул, коровы в мыле прибежали. Много денег тогда заработал, скотина в сохранности была. На следующий год нанялся в ту же деревню. Затянул поясок — ничего. Только на один год был дан (Волог., Белоз., Шубач, 1988).

№ 142. Из-за куста выскочил в балахоне, кто такой, он хоронился, а мать лошадей искала, пастуху-то и сказала, так он на мать рассердился. Это он помогал пасти коров, помощник, его видеть нельзя. Он ему заворачивал коров. Он черт; пастух в рог рыкнет, и помощник коров ему заворотит. Черти пригнали коров, евонны помощники. Пастухи, кто и с чертом ворожат, кто и с богом, кто как сумеет. Все говорят, что передают чертей (Новг, Любыт., Ковриг, 1986).

№ 143. Бывает, что леший помотает человеку. Мне леший помогал дрова рубить. Праздник был, а у меня дров не было, лошадь-то не всегда дают. Я поехала в лес и взяла с собой сына Юру, он маленький тогда еще был. Смотрим, лесом какой-то человек идет. Мы едем, а он идет. Стали дрова рубить, я рублю и рядом кто-то рубит, эхо так и раздается. Не знаю, как и воз нарубила, как отмахала. Это мне леший помогал. Поехала обратно, Юра-то у меня на возу сидел. Смотрю, над лесом, выше леса леший идет. Тут ветер очень сильно задул, только нам с горы-то спускаться, тут как ураган начался. Не знаю, как и вышло так, воз-то у нас перевернуло, Юра под возом оказался. Не знаю, откуда и силы хватило, как одним духом поставила повозку правильно. Достаю сынишку-то, как из гроба, весь в снегу, и не видно. И дорога гладкая была, ну ровная, ровная. Потом мне старушка сказала, что хороша, я с собой сына взяла, ангельская душа, вот бог-то меня и помиловал. Не знаю, как и до дому добралась (Волог., Кирил, Благовещенское, 1979).

№ 144. Еще про охотника расскажу. Далеко ходил в лес, охотился на медведей. Была избушка срублена в лесу. Он в ей ноцевал. А у него было шесть собак. А он-то [охотник] тоже ходил со статьей,* как встретится, так слова не скажет. В этом-то глубоком лесу вздумал ночевать-то. И собаки с ним. Как к избушке подходит, а двери-то полые стоят. Заглянул — праведный * там, лежит на лавоцке. [Охотник] уж убродился и итти больше некуда. Так говорит: «Настоящий, — говорит,— крещеный человек, так выходи разговаривать со мной по-человечески, а ежели, — говорит, — нечистый дух, так тебе здесь места нету, поди отсюда, опростай мне место!» Не выходит. Три раза сказал. Он разворотился, в сапогах, в армяке, в серой шляпе встал и пошел, и пошел... Зашумело, зашумело, собаки все за ним вслед убежали, и собачьего лая не слышно, и лес зашумел. Он

[охотник] вошел в избушку, уж ночь под-стигла. Истопил печку, сварил себе. Вдруг торок* пошел, собаки. Он скликал их. Пять прибежали, а шестая, сама последняя, самая ловкая, захлестнул ее насмерть [леший]. Таку осину пустил [леший], повалил, так приперло дверь, до утра выйти не мог. Утром потолок разобрал. Стал бояться ночевать (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 145. Много в лесу путают. Я вот коров пас, так никак домой не загнать, говорят, лесовик держит. И с дояркой пойдем. Потом колокольчик повесили, и все дней пять пасется в лесу, не пускает. Там колокола — пойду, и сюды приду — звонят, и тут, звонят. Хватит! Прихожу домой, а коровы дома. Кусты тут-били, дня три нас коров. Искал, а их и нет, а они в кустах ночуют. Кто-то их держит, бывало, что и не найти. Ищу - нет, потом пришли, не знаю, где были (Новг., Старорус, Ночевалово, 1990).

№ 146. Вольный у ствола руку поставит — порох летит, а дробь ловит. Вольного только медью взять можно. Один мужик охотился. Стрельнет, а попасть не может. Догадался, медью патрон зарядил. Выстрелил, а ему: «Что ты мне, — говорит, — наделал. Я бы тебе, — говорит, — дробь-то бы отдал». Руку пробил. «Иди домой» — и три раза стегнул, но не больно. Мужик пришел, на 3-й день с тоски умер. Свинец вольного не берет, а медь взяла (Волог., Белоз., Лойда, 1988).

№ 147. Коровы потерялись. Пошли к старику. Он сказал, сколько человек пойти должно и какие слова сказать. «Ищите, где стояли коровы». Пришли. Стоит чудище, одна нога на берегу, другая на другом. Сказали: «Как на эти-то на ны надеть красные штаны». Хлопнул в ладоши и пошел. Лес дак... Идет и так громко. Как он пошел, обернулись, коровы стояли позади людей (Волог., Белоз., Пятница, 1988).

№ 148. Раньше рассказывал старик лойденский [из с. Лойда]. Знался один старик с вольнем. На Звижнев день* варили пиво ушатами. Выносили вольному ушат пива и просили сплясать или спеть. Но если сплясать, то все повалится. Выносили пиво и говорили: «Приходи мотыгой пиво пить». Он выпьет и спрашивает: «Ну что, вам теперь спеть или сплясать?» Да, видно, не просили. Если плясать будет, так все повалится (Волог., Белоз., Боярское, 1988).

№ 149. Баба взяла ребенка на ниву. Сама жнет, а ребенок в зыбке на кусту. Мужичу наказала: «Поедешь, не забудь парня взять». Мужик поехал и забыл, в зыбке, на ниве-то. Прибежала баба, а Он качает:

«Бай-бай, спи, дитятко,
Матушка оставила,
Батюшко забыл».

Она растерялась, говорит: «Куманек, ты, батюшко, отдай-ко мне ребеночка». - «Ну, раз мой крестник, я ему принесу подарок». И корову ко двору пригнал (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 150. В Бекренева один рыбак на зимнике* ночевал, на озере. Идут два вольных. Один нашего прихода, другой—инога. Один, говорит: «Я его растопчу. Невежа! Лег на зимнике». А наш: «Нет, надо обойти!» (Волог., Белоз., Ивановское, 1988).

№ 151. Леший в лесу живет, он большой порато. И у нас в лесу есь. Вот мы мужиков на войну провожали, и леший провожал, дак плакал и все кричал: «Я помогу вам, помогу, помогу!» У нас дедушка говорил, леший за Русь идет, кто на Русь нападе, все леший за Русь встане. Он все силы кладе, а помогать — он в войну пули откидывал. Так дедушка говорил.

У нас отец зимой впотемни поехал за дровами, вдруг видит, человек идет, большой, выше сараев, длинной. То леший был, наверно (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 152. Вот пугало у нас на Поклоннице [горе], где пионерский лагерь, там лес раньше был. Дак вот раньше, все говорят, кричало. Так и кричит: «Эй, колхозная зараза!» И в образе солдата встретится, в образе человека, человека с копытами, священника, в образе ребенка может встретиться, леший в любом образе, в любом.

А как ветер, вихорь, дак это уж самый леший. Вот здесь позапрошлый год, такой был ураган, крыши сняло, а град с маленькое яичко был. А где он шел, этот вихрь-то, дак столько лесу навалило, вы и не поверите. Все сосны вповалочку леший-то выворотил.

Это уж нечистая сила тоже, леший-то. Он кем хошь прикинется, хоть зверьком, хоть колесом у телеги, да кем хошь (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 153. Леший превращается. В дом может превратиться. Вот у нас здесь стоит дом, и в каждом окне свецка. Это леший дом, люди так скажут. У нас было дупло березово, лучину запахали, дак три дня горело. Горит, горит, да пыхнет. Беда! (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 154. Огарев живет в лесу. По ночам ходит-то Огарев, Света-то он не боится, а людей боится. Он, если захоче, разобьет окошко, если захоче, возьме ребёнка, маленьких только бере. Он страшный, у него глаза большие (Арх., Пин., Веркола, 1985).

№ 155. Вот мы один раз, лешего-то мы не видели, а лешачих две видели, небольших. Они нарядаются, как девочки. Вот мы идем малину брать с одной девкой, и бежит две девоцки попереже нас, по подслудью*-то, глина вот. А девоцки-то знакомые, ну мы и пойде их догонять. А они бежа, как по вершиноцкам: чтоб где они засели,* увязли — нигде не засели, а мы идем — по колено бредем. Нас-то они не допускали к себе. Потом вышли на берег (река ведь), и вдруг пошло через реку, дак вот реку и раздвоило. Они-то вот так попереж пошли через реку, и реку пополам-то и раздвоило. Ну мы тут испугалися да выбежали на пожню, да и пошли домой (Арх., Пин., Засурье, 1985),

№ 156. В лесу леший и боровухи-те. Вот дедушка, он испугался тех боровух и чокнулся потом. Она и обнимать начнет, как муж и жена. Говорят, как сотворишь блуд с боровухой, дак и с ума сойдешь.

Вот милиционер у нас, он рыбачить пошел, и вот ночью к нему приходит голая женщина. Он пистолет вынул, она и исчезла (Арх., Пин., Гора, 1985).

№ 157. Поехал пахать, пашет, и вдруг впереди лошади мышь пробежала. А лошадь-то испугалась. Он взял и матюгнулся. Приехал домой — болен невозможно. Там в деревне-то и говорят: «Ну, это боровухи к нему привязались». Боровухи — это лешачихи, на бору дак. Вот отцу-то его и говорят: «Ты возьми, воскресну молитву прочитай в рубаху-то, да и дай эту рубаху сыну-то. Если он оденет воскресну-то рубаху, то это не боровухи, а если не оденет, то это боровухи, значит, завязались, надо от боровух лечить» (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 158. Красивой-то боровуха выгладит, а лешачиха некрасивая, волосы растрепанные.

У нас старик один охотник жил в Нюхче. По ворге * раз ношел и встретил свою жонку. Они давно не виделись и сотворили, что надь. А это боровуха была, вот и помер он, и как помер-то на кровати, дак между досками оказался (Арх., Пин., Городец, 1985).

№ 159. Тата рассказывал. Они ехали из Дорогорского зимой. Едем, вдруг конь фушкат, шарахатся, не идет. Глядим, впереди нас бежит молоденька девоцка, белой платоцек наперед концами завязан. У ей уголоцек до цего прямо лежит на спине, как добры, аккуратны девушки повязывали. Вот она бежит, бежит, бежит. Тата говорит: «Подвезем». Мы лошади остановили, и она вроде стала. Тата ременкой жигнул, лошади шибче побежали, и девка. На лошади доганить не можем. Повернула на леву руку и исчезла. Посмотрели в том месте на снег, а там и следочка нету. Говорили потом, что это лешачиха. Ведь уж человек настоящий в сторону свернет, и следы есть. А тут нет ничего.

А лешачиха красива, волосы долги. Один мужик видел. Стоит, сама высока, волосы длинны, в красном сарафане. А леший, он в красном колпаке ходит. Ой, каки волосы долги да путаны. Идет, не оглядывается (Арх., Мез., Лампожня, 1986).

№ 160. Небаские*-то жили в ямах больших. Один парень шел с пляски, дак, говорит, она ходит, волосы распустила да в фартук набрала много травы, лешачиха-то. Он тут стал молитву читать (Арх., Велег., 1988).

№ 161. Не доезжая до Белозерска восьми километров, мой ?тец хлеб ездил покупать. Зимой, на лошади — хлеба мало на год хватало — поехал ночью домой. А сорок километров к нам ехать. Лошадь, грит [говорит], под гору больно бегла быстро. Было воз большой — пять мешков муки.

Доехал там до деревни — далеко еще домой, поди, километров шестнадцать—ревит ревом... До другой деревни поехал — ревит. Вот уже последняя деревня к нам подходит. А до нашей еще восемь километров.

Вот как я заехал на гору — а ночь-то была месячная, светлая,—стоит, грит, на полозу как стог сена. Ну, вот, грит, остановил лошадь, что, если мы заденем, он нас остановить может. Я, грит, свернул на другой полоз, к нему, грит, спиной повернулся. Как, грит он, поровнялся я с ним, а он мне все в лицо заглядывает: такой дед, что ль, не знаю, в армяке (раньше носили). И весь-весь, грит, в этой, весь. Я, грит, как мерина стегнул, в сани повалился. Не помню, как и до деревни доехал. А он все там ревит, так и остался (Волог., Белоз., Лаврово 1988).

Водяной, русалка, фараоны

№ 162. Я была сторожем два года. Иду поздно, вдруг с плота как вытянетея, как в воду хлопнется! Такой весь, как в черной шубе. То ли это водяник. Или это водяник, или уж не знаю (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 163. Бывает, из воды водяник выйдет, а то и тетка водяница. А то было, пошла женщина топиться и говорит: «Господи, благослови!» А из воды голос; женщина встала, такая же, как она, и говорит: «Топиться идешь, а крестишься».

За водой ночью ходить нельзя, в колодце мужчина стоит, водяной (Новг., Пест., Пестово, 1986).

№ 164. Он па всякаму бывает. Высунет голову на сушу и паложит. Цветам бывает синий или, как налим, цвятной, ета летом окала Пятрова дни, кагда жаркие лучи. У няго есть два уса толька. Он пахож на рыбу с хвостом. Снизу у няго два крыла (Эст., МК, I,300(I)16).

№ 165. У меня мать шла домой, подходит к деревне, а там пруд. Она глядит, тащит сила лошадь за хвост. Это чудо водяное было. Ее на берег вытащат, а она опять в воду упадёт. Видно, так надо было (Новг., Пест., Осташкино, 1986).

№ 166. В реке водяной живет. Однажды искали утонувшего парня, но найти не могли. Бросили березовое полено, сказали: «Черт, черт! Черт, возьми полено, отдай тело». После таких слов в том месте, где упало полено, было найдено тело (Волог., Кирил., Благовещенское, 1972).

№ 167. Маленьки были, так говорили нам старики-то, что нельзя после дождя купаться, русалка там моется. Волосы-то у ей длинные. Утащит она. Никто их не видывал-то (Новг., Старорус, Котецкое, 1990).

№ 168. На мельнице тятя был. Мельница ходила, работала, вдруг остановилась. Открыли дверь в колесницу — сидит красавица, коса распущена, в воде ноги моет. Они испугались, выбежали. А она им говорит: «Чего испугались? Вот вымоюсь и уйду». Вытащила ноги, ушла, и мельница заработала (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 169. Бабушка умерла. Приехавши был дядя с Москвы. Пьяный пошел на речку. В костюме, одевши как следует. Ему показалась девушка красивая. Он приобнять хотел, руками так сделал — и нырнул в речку. Привиделась хорошая девушка, красивая. А он пришел, льет с него, а в хорошем костюме был (Новг., Батецк., Черная, 1988).

№ 170. Русалки были тож. Разны виды показывали: и женщиной, и мужчиной, и скотиной. Как привидится. Увидят их и болеют (Арх., Мез., Лампожня, 1986).

№171. Проклинаться через ребенка нельзя, а то умрет, русалкой будет. Мужик блюдовал, мать прокляла, потом крестная замолила. А девчонку мать выругала, та двенадцать дней плакала. В такой час попала, и потащили черти (Новг., Старорус, Рукаты, 1990).

№172. Русалки-то, да, слыхивала. Сейчас уж никого, не стало, а раньше много было всего, много рассказывали историй всяких.

Вот у одной женщины утонул сын. Он и плавал-то неплохо, хорошо плавал-то и вот вдруг утонул. А было летом, конечно. Ну, народ-то: «Водяной утащил!» А потом, уж много

времени прошло-то, пошла она стирать на реку и глядит, сидит на камне девушка, красивая, да голая, волосы черные, длинные. Она их чешет. Та [женщина] как увидела ее, и сердце захолонуло, сразу. Спугалась сильно, стоит, не дышит аж. Забоялась шибко сильно. А как же, ошарашно ведь! Что ты! Эта русалка как посмотрит на кого, как застывши человек стал, так и будет стоять, долго может так, да. Вот та й стоит. Вдруг русалка повертывается и говорит: «Твоему сыну хорошо, иди домой и не ходи больше сюда». И в воду прыгнула, а гребень оставила на камне. Женщина тогда опомянулась, бросилась домой, молилась долго, много. Снилось ей все долго еще, потом прошло. А сына тело так и не нашли, глубоко больно. А кто они? А кто знает. У нас иногда говорят, что это девушки, умершие перед самой свадьбой. Они вот и томятся всю жизнь, и людям жить мешают (Новг., Старорус, Ивановская, 1990).

№ 173. Русальная неделя? А, говорят, есть. Я не знаю. Их и видеть-то можно только в это время, и они могут в это время сильно повредить, утащить может в воду.

А водяной? Он их главный, он их к себе забирает. Он, верно, зеленый весь. Ну, так всегда в воды, так как же! С бородой, да. Говорит, как человек, только зеленый весь. Он тоже плохой, но и хороший бывает. Вот апрель, так надо ему подарки нести, бросать в реку, чтоб не трогал никого этим летом. Может, тогда и не утащит. Но ведь есь люди, которые по судьбе должны туда идти. Вот, сказывали, те, кто родился на русальной неделе, но это, верно, не правда, а все сказки. Не верю я, не знаю.

Четырнадцатого апреля носили подарки водяному: «Храни, спасай нашу семью». Прямо в речку бросали муку: «Храни, паси нашу семью».

Тут был мост ладеный. Вересина плывет по середине, под мост. Вдруг засмеется, захохочет, не поймешь, черт это да. Он всяко прикидывается (Новг., Старорус, Ивановская, 1990).

№174. Русалки в реки и сейчас есть. В русалку обращается, говорят, проклятый человек. Оны как человек, волосы длинные, распущены, на камне сидят и волосы чешут. И груди есть. В глыбких местах живут. Выходит утром и вечером. И попка, как у человека. Красивая, груди стоят, как у женщины.

Белье полоскала, ручной палкой колотила, чтоб пыль выходила. Вижу, волосы длинные, распущены. А заметили, и она исчезла (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 175. Шишихи, русалки, хватают за ноги и топят. Бабка свиклу сажали, а женщина в воду зашла. Ее кто-то тянет, а потом на ногах следы от пальцев (Новг., Старорус, Чижев?, 1990).

№ 176. Рассказывали, служил один какой-то во флоте, а она [русалка] выходила, песни пела. И так она ему понравилась, что влюбился. А любовь у ей настоящая. И ребенка нажили. А что моряку делать, как ее с собой привезти, ведь она не умеет говорить, и ребенок не умеет говорить. И переслали его на другой корабль. Она приходит, смотрит, где он. А ей показывают: уехал. Тосковала горазд. А потом разорвала ребенка и бросилась в воду (Новг., Старорус., Хорошево, 1990).

№ 177. На второй день Троицы, в Духов день шли мы с девчонками из Соцка, мимо речки. Там все байны по берегам стояли и плиты. Идем, а она сидит, моется, намывается и волосы чешет. Я крикнул ей: «Что поздно моешься?» А она бух в воду с плиты-то. Ее русалкой звать. А девки как припустил на гору, кричат, друг на друга кидаются (Новг., Старорус., Гривы, 1990).

№ 178. Русалку-то видывали, говорят. Как-то, бывает, она привиждается. Обязательно на камне посреди реки, и волосы чешет, да приговаривает: «Год года хуже» — сама себе толковала. «А этот год всех хуже». Вот так приговаривает. Сидит женщина с черными волосами. Или вот купаться идешь, она н высунется по пояс. Утонула вот у попа девочка-то, ну идешь, а она на мосту сидит, волосы чешет (Новг., Старорус, Котецкое, 1990).

№ 179. Да вот час маленькими пугали, что какая-то женщина выходит на берег, волосы у нее черные, она их расчесывает. Пугали-то нас, чтоб на речку купаться не ходили.

Кто как, ее называет, одни выдрой, другие русалкой. Еще говорили нам старики, что после дождя купаться нельзя, русалка там моется (Новг., Старорус, Котецкое, 1990].

№ 180. В Воренже много ребят у моста тонуло, и одна, русалка, выходила из проруби. Видели ю зимой, в белом, и пела: «Сегодня год хуже прошлогоднего», да кланялась все, и тонуло ребят много летом (Арх., Белом., 1984).

№ 181. В прежни времена русалок так много было, что они качались по веткам по лясам. Не только ночью, но даже и вполдни (Эстония, Пылев., 1979).

№ 182. «Росомахи во ржи», — чтоб рожь не топтали. Такая с длинными волосами, схватит и утащит. Рожь качается, что росомаха бежит. Темно-каштанового цвета, ржи спелой, и как будто руками машет (Карелия, Кондоп., 1976).

№ 183. В лесу росомаха, кукимора. Как до Тимохина дома, так видела. Как девка стоит среди лядины,* волосье черное, д? сих пор долгие, не косой, так распущены. Этак. Лицо белое, глаза черные: «.. Эк ты, жид-то росомаха». Она захлталла. Она повернулась от меня и побежала (Лен, Волх.— АПД, кол. 109., п. 1, №15).

№ 184. Подумал он про Домну, а она вдруг на дереве в красном сарафане сидит, поет. Это, не Домна, говорит, дал из дробовки. Осердидась шестиха-то * (Коми, Усть-Цил., 1974).

№ 185. Росомахи здесь нет, она в реке живет. Она утром на камню сидела. Волосы распущены и сидит на камню. Она как женщина. Как увидит человека, так в воду - плюх! Всеядное, что росомаха, что русалка (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 186. На реке Свирь был такой случай. Мужики-рыбаки, сели отдыхать. Прибежал парень молодой и красивый, хотел выкупаться. А мужики видели, как из реки выходила женщина. Она первый раз вышла и говорит: «Фараон, фараон» — и ушла в воду. Второй раз вышла, сказала: «Тульни, тульни» — и снова ушла в воду. Мужики рассказали об этом парню, и он не пошел купаться, а только попросил облить его водой. Мужики его обкатали, и он здесь же сразу и умер (Волог., Кирил., Благовещенское, 1972).

№ 187. В водах живут утопшие фараоны.* Когда явреи переходили через, море, море по Божьему указу раздалось и яны слабые, но прошли. А за ним сзади гнались фараоны, да не умели догнать—море сошлось и яны утопли. Вот таперя аны и плавают по марям и рякам. Мы ня раз в нашей рячонке их видели. Плавают таки маленьки человечки (Эст., МК, 13, 564/5).

№ 188. В Вильне фараоны рыженькие, темненькие, как кошки, вышли из воды. Сын мой хотел убить их, но не попал. На берег плавали (Эст., МК, 5, 288/1).

№ 189. Фараоны, говорят, будто в море живут. В Неве, будто бычки, вынырнут, будто скажут: «Фараон» и нырнут (Лит., Ионав., 1979).

№ 190. Русалка—черт. Она в воде живет, а дети фараона живут в море. Придет время, то опять людьми будут. До конца света такими будут (Эст., МК, 1, 225/5).

№ 191. Фараонами называют рыбы. Их можно и в Балтийском море встретить. Перед бурей попадают маленькие дети, моему знакомому рыбаку попался один, ён сам видел, женщина была. И грудями воспитывают их. В окиянах только живут, в реках нету. Только руки покороче, а то как женщина. И мужчины тоже есть. А потом, как у плотицы. Они расплодивши, всюду живут (Эст, МК, И, 131/2).

Баенник, обдериха

№ 192. Кому как покажется етот баенник. Кому в сарафане, кому совсем страшно. Лиза пошла в -байну-то, залезла на полок, да не смогла помыться. Вся байна заполнилась маленькими собачками, баенниками-то.

Когда-то родильница в бане мылась с ребенком и напросилась: «Банная староста, пусти меня в байну, пусти помыться и сохрани». Вот байники идут и нацали ее давить. А банная староста говорит: «Зацем давите, она ведь напросилась, идите в другую баню, там не напросились». В другой байне банники кого-то и задавили. А одна воду не оставила, ни

капли. Ей банная староста и привиделась во сне. «Зацем, — говорит, — воду ни капли не оставила, у меня ведь тоже дети есь» (Коми, Усть-Цил., Пачгино, 1985).

№ 193. А вот еще, я как-то в баню пошел в субботу, пьяный пришел и пошел туда. Баба уже вымылась, а я один там. Ну, лег там и заснул, прямо голый. Потом просыпаюсь, дергает кто-то. Ну, слез, хочу выйти, а не дают, не пускают. И стали кидать, дергать, а с бани не пускают. Ну, стал я бабу кричать, чтоб пришла. Она прибежала, сунула мне руку, так я схватил да и выскочил, да и побежал домой, прямо по снегу голый (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 194. А вот в бане есь свой, то уж не домовой, а байник, хозяин бани он, там живет, тоже безобразит, говорят. Вот слыхивала, затопили баню, стали воду носить. Сколько ни носят, принесут, нальют, вроде много. Пойдут еще, ан, а воды опять нет, будто выливает кто. И так раз пять носили, потом догадались; банный хозяин, видать, не хотел, чтоб сегодня мылись. Так оно и было. Той день праздник был какой-то, так ведь в праздник мыться нельзя. Ну, что делать, и не стали мыться, так и ушли, и баню-то зря топили. А вот хоже одна рассказывала. Муж ейный мылся в бане, и она следом за ним пришла, разделась, пошла туда. Он-то оделся и ушел, а она выходит, глядь, а одежды и нет. Ну, думает, мужик мой пошутил, сейчас, видать, принесет. Ждет, все нет. Уж ночь почти. Вдруг идет кто-то. Входит муж, смотрит на нее. «Ты что, черт старый, глумиться * надо мной надумал! Куды дел одежду мою?» Так и кричали. Сходил он домой, принес ей другое. Утром пошла она туды, в баню, а одежка на лавке лежит, где и свечеру была. Вот как он шутит над людьми. Смех да и только (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 195. Говорили, старуху в бане банники в бочку пустую затолкали, живая еле осталась, да. (Новг, Старорус, Ивановское, 1990).

№ 196. В бане обдериха, обдериха, говорят. Это все тоже пугали. Волосами-то завесилась, зубы-то длинны, глаза-то широки. Это все пугали. Не ходи поздно в баню, обдериха задерет. Она живет не в чистой силы, а баня-то хоромина погана, так там уж нету икон (Арх., Пин., Веркола, 1984).

№ 197. Обдериха-то как кошка в байне появляется. Говорят, как первый раз ребенка в бане вымоешь, так обдериха завяжется.* Нельзя по одному в баню ходить.

Родит женка, с ребенком в бане мылась, так кладет камешок и иконку, а то обдериха обменяет, и унесет, и унесет и не найдется. А вместо ребенка окажется голик. А бывает, что и ребенок окажется, но он не такой, как все настоящие. Он всем лошадям и коровам заглядывает под задницу, да руку по локоть в рот запикивает. До пятнадцати лет живет, а потом куда-то девается (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 198. Баня погана, там и обдериха должна быть, икон там-от нет. Обдериха может человека задрать.

В баню две девки побежали и в бане хохотали. И вдруг, конина голова. И-и-и... И не мылись! Они домой! А голова и укатилась, А батька пошел и ничего не видел.

В двенадцать часов в баню ходить нельзя, обдериха задерё. Если ребенка оставишь одного в бане, бестолковый будет, Обменяли как-то в бане ребенка, обдериха, наверно. Мати оставила, за чем-то убежала, его и обменяли. Говорили ей, брось его через порог, обменяется обратно, дак пожалела его, не бросила. Дак глупый был (Арх., Пин., Лавела, 1985).

№ 199. Обдериха-то, в новой бани нет ее. Пока невесту не сводят, нету обдерихи. А как невесту заведут, дак заходит. Раньше еще как говорили: если рожаница не сходила в баню, то и обдерихи нет, а если пошла, ну роженица, родит и мыться пойдет, и там потом обдерихи.

Дак вот в байну велено бояться ходить.

Тоже старинный случай. Вот захохват* какой-то мужик ходил в баню в Новый год. Озорко,* ну, опасно * ходить. Так его коверкали, его загнуло в дугу. «Луку гну в дугу» — вроде как крицало-то.

У матенки байна была, да, видно, не у места. Дак как 12 часов, в байне огонь, да хвощутся. Их не видно, а слышат; хвощутся, веники-то шумят. Людно порато, это обдерихи* не одна, а все семейство, все нечиста сила, видно. Это баня-та не у места, скажут.

Моего отца в байны-то выпугало. Байня не рано была, в семь часов. Отец говорит: «Я наперед пойду один, я не боюсь». Брат Матвей говорит: «Я, Калина, к тебе приду». Пришел отец, а Матвей уж там сидит, намылился. «Опередил я тебя», — говорит. А отец обернулся, а скамейка суха, нет ни кого. Он выскочил взапятки,* рубаху на леву сторону одел, А это он еще сказал, не боюсь ничего, а похвальное слово ни Бог, ни черт не любят (Арх., Пин., Гора, 1985).

№ 200. Обдерихой раньше малых пугали, мы край* боялись. Как ребенок родится, его в бане вымоешь, так обдериха. Сколько вымыто, как родились, столько обдерих. Обдерихи кошками являлись. Одного мужика задрали, шкура вся задрана. А то говорят, что обдериха в бане только после сорокового ребенка появляется.

В баню-то с некрещеным младенцем не ходи, обдериха задерет.

В байну идешь, говоришь, просишься: «Баенна хотерка,* баенна хозяйка, пусти нас помыться, погреться, пожариться, впариться». А как помылись, скажешь: «Байна хозяйюшка, спасибо за парную байну. Тебе на строеньице, нам на здоровьице». После двенадцати в байну не ходя. Она ведь, обдериха-то, тожы хочет отдыхать, помыться хочет. Одна женщина мылась в бане после двенадцати, дак она ее за волосы вытащила (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 201. В бане-то обдериха, пугало — обдериха. Расскажу про свою мать. Мылась она в бане, мы небольшими были. Нас отец мыл. Так мать всех ребят вынесет, потом сама будет мыться. А отец говорит: «Жонка, говорит, Наташка, я весь зажарел». А она: «Иди, кто меня съест!» Похвастала. Ушел он через дорогу дом-то. Слезла она с полка, слышит, в камнице* —туда жар кидают* — камешки постукивают. Как ухнет вся камница в печку. Она-то вся в мыле домой прибежала, до люльки добежала и упала тут. А завтра бабушка пошла, все на месте. Повиделось ей (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 202. В бане детей нельзя оставлять, там баянной, он переменит. Как перемен ребенок сделается, ревет и не растет, ли растет да ницо не понимает. В Березнике был случай. Раз оставили роженицу в бане, а она в каменицу затянута и ребенок с живота вынут. Мертвы оба. Роженицу нельзя в бане оставить, и с малыыми ребятами может что сделать (Арх., Мез., Усть-Пеза, 1986).

№ 203. Вечеринку сидели ребята да девушки, говорили, что в одной бане обдериха живет, боялись. Парень один говорит: «Я схожу». Сказал запохвас. Ему говорят: «Слабо тебе». Он говорит: «Что слабо? Схожу! Запохвас!» — «А откуда мы узнаем, сходил ты или нет? Ты принеси камешек с каменицы». Камень-то меченый какой-то был. Надо в полночь идти. Сходил он, идет назад, бледный, как портно,* камень несет. «Вот вам камень, а я домой пошел». А дома мать встречает, а он ие пил, не ел, спать лег. «Огня, — говорит, — не зажигай». Вдруг что-то колотится у ворот. Мать пошла, посмотрела, вернулась и говорит: «Это тебя кака-то женщина спрашивают». Он говорит: «Да я не пойду» — «Да как не пойдешь?» — «Сама открывай, посмотришь, что будет! В сложные условия я попал». Приходит голая женщина: «Ваш сын обещался меня взамуж взять». — «Обещал, дак женись». — «Встретились мы с ним в бане. Он пришел, а я в ей восемнадцать лет живу. Я не обдериха, я дочка соседей, такая-то». — «Что говоришь-то! Они 17 лет младенца в люльке качают, он ест, спит, а не растет и не помирает». — «Оденьте меня. Если обещаете меня взять взамуж, то я не вернусь туда, а не обещаете, то вернусь. А дело так было. Мать меня принесла маленькую в баню помыть, «ставила одну, меня и унесли, а посадили голяка,* вот он там и орет». Дали ей рубаху, сарафан, да зашли к соседям: «Здравствуйте!» А они говорят: «Что за женщина с вами?» А она подошла к люльке, взяла того за ножки да об порог стукнула, так и рассыпался голяк. Да женился парень на девушке той (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 204. Мужик сказывал, что пришел он в деревню, а спать негде, никто не пустил. Он пошел в байну, байна-то тепла, а сперва попросился у байны, чтоб пустила ночевать. Ночью слышит, полетели обдерихи на свадьбу и зовут: «Машка-Матрешка, полетели с нами!» А она отвечает: «Гость у меня». Те говорят: «Так задери!» А она: «Нет, не могу, он у меня попросился» (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№205. В целой волости такой обычай был. Под Рождество, под Крещение одна из девушек должна идти в байну, а там, сказывали, обдериха живет, и провести там ночь. Все девки убегали, зайдут да убегут. Дошла очередь до одной, умная девка, состоятельная. Нашиньгала * льну, навтыкала прялки, пошла в баню на вечер. Говорит, только не подходите к бане, я хочу увидеть. Смелая девка была. В двенадцать часов петухи запоют, видения кончаются. Пошла она, зажгла свечу, сидит. Пряла, пряла, время далеко. Вдруг выходит, вся в волосах, ж говорит: «Девница, девница* ты меня не боишься?» — «Нет, чего мне бояться? Садись ко мне за прялку да говори, чего тебе нужно». — «А ты чего делаешь?» — «А пряду». — «А чего прядешь?» — «А лен». — «А как его делают?» — «Счас я тебе расскажу, только ты не перебивай». Стала она рассказывать: «Вот сначала пашут, да пашут, да пашут, боронят да боронят. Потом его сеют, да сеют, да сеют. Потом он всходит да всходит, да всходит. Потом его смотрят, глядят, хороший когда будет. Потом он цвести начинает, цветет да цветет, цветки маленькие, голубые. Потом шишечки меленькие, желтенькие появляются. Это семена созрели. Теперь его можно рвать. Проверяют его, чтоб вовремя собрать. Потом его рвут, да рвут, да рвут, потом его броснут,* на колодке, гребнем. Он будет чистый. А семя в мешки сыплют, да растолкут, тогда снова сеять можно. А лен в снопы вяжут, мочут снопы-те в речке, обмочат, да он потом три дня киснет в штабелях потом на лугу расстилают, тонехонько. Это его белят. На одной стороне высохнет, на другую перевернут. Потом он высохнет, его в снопы свяжут, на преть* везут, до осени оставят, до осени ветрят, на овине сушат, в бане. Потом на колодках колотят, чтоб мягкий был. В куклы * завернут да опять сушат. Потом смонут * на колодке, потом на трепалах* шукша * выделится, и потом его треплют. Отрепья * будут. Потом его чешут да чешут, будут пачеси * двойны. Пачеси получше да пачеси похуже. Счас прядут да шиньгают,* да шиньгают, расщепляют по волоску по одному. Вот счас на пряду, на мот намотаю, в пасма * намотаю шестнадцать нитей, на мот шестнадцать пасм. Потом моты в корыте заварим, попарим, пополощем, повесим ветриться. Потом моты снимем, на вьюху * поставим, на турачы * навьем. Кросна * снуют на воробах* Навьем на сволок,* потом вдевают дощечку, привязывают к берду,* а бердо надо обнитить». Вот она рассказывала, рассказывала да рассказывала, ночь-то и прошла, петухи пропели, обдерихе-то что делать, она поклонилась ей и пропала (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

Шуликуны (стр. 62)

№ 206. Чуликины-то, появляются за пять ден до Рождества. Шум стоит, чиликуны понаехали. Головы востры, жопы пестры. Да скажут, на коже-то, на коже чиликуны-те едут. У них глаза светят, зубы светят, они в ступе летают и шапки у них остры, долги-те шапки у них. Во Святки выезжают, во Святки прясть нельзя, чуликуны придут, веретен тебе много принесут; Они в реке живут и сами уедут накануне Крещения.

Детей пугали, говорили в Игнатъев день, что чиликуны из проруби вышли. Приедут, спустят в прорубь. Говорили, что у них на голове мешок.

Девчонки ходят слушать на росстань, возьмут овчину, обязательно с хвостом, положат на три дороги, захватятся мизинцами, зачурятся.* А им говорят: «Вас чиликуны утащат в прорубь».

На Святки на реку с крестным ходом ходят, а потом говорят, теперь всех шуликунов в речке, в Ердане потопили, некого бояться (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 207. Чиликуны из болота выходят, маленьких детей подбирают, кто на улице долго ходит, в болото укосят. Они таки мокры. На шапке у них что-то есть. Выезжали в четверг, до

Рождества. Скажут, колотятся чиликуны-те. Когда чиликунов-то прогоняли, святу воду брали (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№ 208. Чуликуны в Рождество из воды выходят, в Кутейник * забрякают на железных ступах. На человека похожи, шапки с остряком, в белом кафтане самотканом, вроде как подпоясаны кушаком. Чуликуны по деревне ночью ходили, всех пугали.

В этот день старые люди не ели от звезды до звезды. Если увидишь чиликунов, креститься надо (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№209. Нас рани стращали, все. 25 декабря Игнатов день, говорят, сегодня выйдут чуликуны. Говорили: «Спи, а то чиликуны придут, спите, а то чиликуны приехали». На Рождество они выезжают из воды на ступах, на медных ступах, в роте-то* огонь. Они говорят; «Стретьти избежь-ти определено ли?» Они по улице едут и в окошки смотрят. Мы боимся, пугались.

А уедут-то чуликуны-ти на Крещенье. Когда окунут крест, чуликуны, говоря, сходя; на Крещенье все кончается (Арх., Пин., Кеврола, 1984).

№ 210. Шуликуны с Рождества до Крещенья. Скажут, вечером не гляди в окно, шуликуны утянут. Они на печи на каленой ездят. Наверно, натопят печь и поедут. Церковь обрестована, там коцегарка, вот и ходят (Арх., Пин., Засурье, 1984).

№ 211. В Кевроле дом провалился. Там вечеринка была, они в дом зашли, у их во рту как огонь, зубы-те светят, они заплясали, и дом пошел в землю (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 212. Чуликины в лесу живут, черные, волосы черные, лицо черное и ноги черные. Они на цыпочках ходят. Мы куклу наряжаем чуликином, все черное, а на груди красное (Арх., Пин., Веркола, 1984).

№ 213. Великий пост пройдет, будет заговенье. Кругом деревни гоняют тройки, шуликунов топчут. Это будто черти, а потому их и топчут, чтоб они не остались (Коми, Усть-Цил, 80-е годы).

№ 214. Шуликуны в святочное время выезжают из проруби на конях в санях. Страшны, востроголовы, изо рта огонь, в руках каленый крюк, им загребают детей, кто в это время на улице (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 215. Когда река стоит, дак чуликуны-ти выедут из пролубли. Шуликины-ти на одном полозе ездят один полоз, так уж без саней.

Малых ребят запугивали, в Рождество скажут, не надо боле играть. Пугали, чуликуны приедут, наденут шапки красны, в роту красно, в носу красно и глаза-ти красны, в роту как огонь горит. Говорили, боле нельзя на вечеринках сидеть, чуликуны приехали (Арх., Пин., Веркола, 1984).

№ 216. Нас самих, маленьки были, пугали, что шуликунов зовут, когда не слушаемся. Шуликуны-люди какие-то, лишенцы, говорили, ну, лишоны, родного места, в революцию выселены были, они лишились существовать. Еще это неблагонадежны, власовцы; шуликун от духовенства шел, они с религией должны быть, в рясе такой. Я представляю, про лишенцев только у Некрасова можно прочитать (Арх., Пин., Засурье 1985).

Прочие персонажи

№217. Однажды вечером мы топили подовин.* Вдруг ветер подул, дедко полевой в ладоши захопал громко, громко. Я за печкой на соломе спала, кричу маме:«Кто там хлопает?» Подбежала к маме, смотрю, а мама стоит и крестятся. Ухватила я ее за фартук, прижалась к ней. Мама ворота крестит, чтобы, значит, не к нам, и все причитает: «Аминь, аминь, аминь, аминь». Я так начего и не видела, боялась, не знаю, какой дедко был, только слышала, что в ладоши громко хлопал (Волог., Кирил., Благовещенское, 1979).

№ 218. Дедушко-полевушко живет в лесу, песни поет. Женщина однажды шесть дней в лесу находилась. Слышала, когда искали, самолеты видела, людей, а голос потеряла, ответа дать не может. Дедушко-полевушко всяким может показаться: и молоденьким, и старым, даже знакомым человеком. Этот-от женщину в лесу водил (Волог., Кирил., Благовещенское, 1979).

№ 219. А в лесу есть полевой и есть красавица хозяйка полевая. Один раз я на дворе обряжался, и убежал боров. И потеряли его, не могут найти. Я спросила у бабки, а она говорит, иди возьми хлеб, три копейки, встань на дороге, по которой он бежал, и скажи: «Хозяин полевой, я тебя хлебцем и золотой казной, а ты пригони мне борова домой», — и кинуть [хлеб и деньги] через правое плечо. Сделала, вечером гляжу, боров-то пришел. Ето леший пригнал. Если что потеряется, тоже так скажешь, и поможет. А полевая бывает хорошая, а бывает и злая (Новг., Старорус, Каншино, 1990).

№ 220. У нас аисты живут. Свалилось гнездо их, я пришла, гнездо подняла, птенцов-то поранило. Я подняла их повыше, и тут мальчишка, взял аистенка, хотел отнести поиграть, а я ему говорю, снеси обратно, вдруг он и есть хозяйка полевая. Он его отнес, и вдруг поднялся ветер, вырвало у их дома [того мальчишка] лестницу. И улетела она, хозяйка-то полевая, к лесу, и так вояла, как страшно было (Новг., Старорус, Каншино, 1990).

№ 221 Полевой хозяин есть, он скотину бережет. Бобер Иваныч, пастух, лошадей пас, его в частую видел.

Полевой хозяин один в поле, и на каждом поле есть хозяин. Напугать напугает, да не трогает.

Я был небольшой. Поле было все полосам, конец был запущен. Саморощен клевер скошен был. Мать говорит: «Сходи, сграбь». Я пошел грабить. Вдруг засинило, гром загремел. Он [полевой хозяин] вышел со ржи, говорит: «Уходи домой». А я думаю, нет, я сграблю, немного осталось. Он опять: «Тебе сказано, уходят домой». Я бросил грабли и побежал. Бабкам рассказал, оны сказали, это перед нехорошим. А был он, как мужчина, только такой седой (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 222. Когда корову выпускаешь, так с добрым словом надо: «Полевой батюшко, полевая матушка, с полевым малым детушком, примите скотинушку, напоите, накормите». «Дворовой батюшко, дворовая матушка с дворовым детушком, выпустите скотинушку на красное летичко, напоите, накормите» (Новг., Пест., Плоское, 1986).

№ 223. Выгоню скотину и первым долгом прошу полевого, ведь в поле-то он хозяин: «Полевой батюшко, полевая матушка, со своим малым детушкам, спасибо, что сохранили мою корову!»

Не высовывай язык, и скотина будет хорошо ходить, а будешь высовывать, так и скотина уйдет (Новг., Пест., Спирово, 1986).

№ 224. Полудницы раньше были, окна потому закрывали в самую жаркую пору. А то полудница поймает человека, до смерти защекотит (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 225. Как мы росли, нас пугали, удельница вас захватит (Карелия, Медв., Онежины, 1976).

№ 226. Кудельницей рбят сполохали. Все говорили, что во ржи есть кудельница, не ходите, ребята, в рожь. Подьте в рожь, там кудельница захватит резиновыми клещиками (Карелия, Медв., Толвуйский Бор, 1976).

№ 227. Матушка ржаная Уделина, господи благослови! (Волог., Череп., 1980).

№ 228. Полудницы раньше были, где как рожь длинна. Она во ржах живет и выходит в жаркую пору, ставни потому запирали. Говоря, они волосатые, кто видел, боялись, они щекотали, защекотят до смерти. От шестого июля до девятнадцатого не купаются, не стираются, потому что, говорят, полудницы ходят, да в окошко глядели. До полдня жнут, а с полдня закрываются ставнями, а то полудница защекотит (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 229. Вот полудницы, говорят, раньше в полдень ходили. Девки таки черны, долговолосы, лицо черно, одеты немножко, в руках что-то было. Они в полдень выходили, все старались закрыть двери, ставни в полдень. Они детей уносили. Никто не знал, откуда они придут. Жили они в лесах где-то, а то говорили, в ямки за деревней жили полудницы. Голоса у них звонки. Они людей прятали. Уйдет, уйдет ребенок — и насовсем (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№ 230. А полудница, это раньше, сейчас полудниц-то нет. А раньше по деревням, как полдень, двенадцать часов, идет полудница. Она как человек, с косой ходила и всех, кто

стоит, косила. Того, кто на землю упадет, она не тронет, нет, а кто стоит, того насмерть закосит, засекает. Как увидишь, что полдень, ложись (Арх., Пин., Засурье, 1984).

№ 231. Ой, дивки, расскажу, расскажу. Мни-ка говорили, а я вам. Баба одна пошла в конюшу. А оттель дивка, в красном казане,* в деревни такой не было. Утром рано выстала, а конюша и сгорела-то.

Ибо баба в красном казане, ибо петун по крыше летает, ибо лиска по деревни — пожар будет (Карелия, Медв., Никитинское, 1979).

№ 232. На току зерно сушили, я сторожил. Прихожу, лег. Я еще не спал, гляжу, ворота открываются, сивая старая баба «Ты уйди». Она ушла. Я из ружья выстрелил и бросил дежурить. На этом месте потом машина с девушкой перевернулась. (Новг., Старорус., Долга, 1990).

№ 233. Вот один раз хозяин уехал. Он только от дома отошел, а ночь была, и вдруг в сенях как загремит. Я думала потолок обвалился. Да вдруг дверь как распахнется, да и сила кака неведома в суде [кухне]. А я и перекрестись да молитву и прочитай. Эта сила и вылетела в дверь. Я пошла посмотреть, в сени, думала потолок обвалился, а гляжу, все как было, так оно и есть (Новг., Старорус., Кривец, 1990).

№ 234. Раньше ребята цыганов, буков, водяников боялись. Ребенку, буде не слухатся, говоришь: «Спи, спи, бука идёт!» А спросишь, какой бука — «А в шубы, шерстью повернут».

Отец болел, сон видел. Пошел он в лес. Вдруг как закричит по лесу: «Ягод-то надо? Красненькие, беленькие!» Бука и был.

Байкаешь ребенка, поешь:
«Баю-бай, баю-баб, да,
Поди, бука, под сарай, да,
Коням сена надавай, да,
У нас Колю не пугай».

А теперь-то по-другому: «Поди, бука, под сарай, под сараем кирпичи, буке некуда легчи».

Пугают молодого букой, а старого мукой (Волог., Череп., 1984).

№ 235. А вот еще про амбарника расскажу. Папа рассказывал. Девки побежали к анбару в Святки, очертились,* как полагается. А тут один мужик хотел попугать девок. Пойду, говорит, в анбар запрись да нашепчу им всяко много. Пошел, заперся, а девки прибежали к анбару под замок и слышат, там кто-то приговариват: «Лучку мну, в корзинку кладу. Ручку мну, в корзинку кладу. Ножку мну, в корзинку кладу. Головку мну, в корзинку кладу». Девки прибежали в деревню к рассказали мужикам, что слышали. А утром открыли анбар а тамотки того мужика скрутило. Отдельно ножки, руцки, головка, все, как девки слышали. Захотел попугать, самого скрутило (Арх., Мез., Лампожня, 1986).

№ 236. Рижная баба сидит, волосы длинные. Вот сосед пошел однажды, да не вовремя. Там рижница рожать собралась. У ней муж есть. Он говорит: «Я закрыл дверь и ухожу. А второй раз прихожу, а рижник говорит, ты хорошо сделал, что мою жену не тронул, и я тебе ничего не сделаю» (Новг., Батецк., Черная, 1988).

№ 237. Я видал рыженьких. Пошел раз поздно вечером портянки мыть, а он перебежал в гумнах, лохматый пес, черный. Так я портянки бросил и побежал. Он страшный горазд, в гумнах и жил (Новг, Старорус, Гривы, 1990).

№ 238. Не знаю, один ли он по ригам рижннк. Я сам его видал. Он с гумна на гумно перебежал. Черный, лохматый, похнатый. Как повернет башку — как огнем. А Васька рассказывал: мы, бывало, лягем, а он как пустится по ладоне* туды-сюды. Ночью-то молотили (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 239. Мара волосатая... сидит в дому за печкой. Как всю пряжу не выпрядешь, Мара за ночь все спутат. Ребятам раньше говорили: «Мара с запечка как выйдет и заберет» (Карелия, Медв., Рим., 1979). № 240. Пряха есь. Я была вышодцы замуж, сидела вечером пряла. Красива прялка была. Я только легла спать, слышу, моя прялка прядет, даже щелкат. Так жутко стало. Встану — лёт никого. Как только прилягу — опять защелкат. Как схватила

подушку, кинула, сказала: «Ой, Господи, что такое». Бога-то помянула, она и исчезла. Это уж к плохому было: похоронна пришла от мужа. Не видала никого, прялка стоит пуста. Могла бы я и не поверить, если бы у самой на факте не было.

Многие хозяева слышали, как она прядет, щипочет. Видали раз пряху — так уж такой же человек. Баба одна пришла к старушке, а та и научила: «Возьми, — говорит, — лампу, покрой платком, Чтоб свету не было, а как придет, так и посвети сразу». Та — как огонь открыла, женщина как побежит! Такая же, как человек (Новг., Пест., Осташкино, 1986).

№ 241. Когда-то я сижу, у меня прясница* есь, живцу* пряду, ну, видать, задремала. Я разбудилась, слышу: жжэрр, жжэрр — веретено вертится, огибошна* прядет, суседиха.* Жжэрр, жжэрр — ведь это надо же эдак-то попрядывать, жэргать. Перед бедой, говорят, это. Каллисту, племянницу, из экспедиции мертвую тогда приплавили (Коми, Усть-Цил., Пачгино, 1985).

№ 242. Ночницы-те, кто ночью приходят, ребенку спать не дают, оттого ребенок плачет, не спи по ночам. Говорили, ночницы к нему пристали. От уроков * это бывает (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 243. Лидорадка, вяснуха, говоря их 12 сестриц. Адин мужик пахал землю, а около няго стоя 3 сестры и разговаривали промеж себя, как бы сделать, чтоб войти в няго. Одна и гавари: «А ето проста: как мужик-то приеде дамой и начнё хлябать малако, так я тогда саринкой вайду в яго и буду яго тряпать, как смагу. А мужик слыше, ничаго ня гавари. А как приехал дамой, настаражился. Глядь, вдруг грязинка в малако. Вот взял ен яё, вынял, палажил в платок и замазал як в цало [чело печи]. И вот яна несколько нядель там была и как стали печи паправлять, яна выскачила, а как встретила с астальными сестрами, рассказала, што меня там так высушили, што хвате мне хадить па людям. И лечат от лихарадки, што стябають етаго бальнога крыжовником и падбрасывают под адежу зажжённой пакли — пугают: «Ай, пажар!», привязывают к бальному, штоб он ня знал, сушеную свиневью морду. А ещё. Лихарадка трясе, как затряхня, рубашку сарвите и сажгитя. Хадили и варажить (Эст. МК, 8, 223/4, 1936— 1940 гг.).

ЧЕРТ, БЕС

№ 244. Вот гроза-то была, так это Илья-Пророк сердится на черта, он в его-то молнию и пускает, чтоб черта найти. Нельзя на улице быть, черт может войти, а Илья-Пророк молнией его и убьет. В дерево, в дом может прятаться. Вот двери и окна в доме надо зааминить, чтобы черт не вошел. И зеркало завесить надо, а то черт в нем объявится (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 245. Черти часто заводят, на камень садят, как на печку, и замерзнет. Пьяных с дороги заводили. Уложит спать на холодное место, чтоб окочурились.

Вот мужик был, так водку любил. Вот был пьяненькой, так черт его вел, вел, да к речке и привел, и говорит: «Ложись, мол, вот печь». Наутро мужик проснувши, а лежит на каменье.

Черти с рогом, с хвостом, всякие. Черта раз заковали, так каждое колечко с аминью заковывали, а то все рвал цепь-то.

Теперь черт далече ушодца, и не найдешь (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 246. Вечером поздно в баню нельзя было ходить, черти шайками забросают. И в праздники не ходят.

Парень с армии пришел, говорит мальчишкам: «Пойдемте со мной в байну». Свистнул три раза. Как пришли и начали его парить! Мальчишки прибежали, струсили, говорят, там Лешку черти парят (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 247. Бабка одна рассказывала. Пошла она раз в баню, начала мыться, а из-за каменки как полезли беси, разноцветные такие. Сначала серые, потом стали синие, маленькие такие, с ладошку, а потом красные полезли и начали ею кусать. А у ее нога

больная была, как костыль. А после того все прошло, как не бывало (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 248. В третий пар, говорят, черти моются. Отец пошел мыться, а в бане хвощутся, парятся. «Заходи, заходи, — кричат, — мы тебя попарим!» Кто там парится? Все давно ушел с байни, это черти оставит (Новг., Любыт., Ковриг, 1986).

№ 249. И леший такой же черт. Они везде, их много видов. Они и с хвостиком, и с крылышком, и без спины, в любом обличьи выйдут, и в человечесем, може сосед, ан нет, будто что-то неладно. Хоть в кого может превратиться. И летучие есть. Мама говорила, на ночь нельзя открытую еду оставлять, черти едят, домовые. Плохие они. После них нельзя есть, заболеешь, обязательно (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 250. Говорили раньше. «Тьфу, тебя леший-то поймает!» Черта никто не видел. Говорят, что черт с рога, делается человеком. Так у человека постень * есть, а у черта нету. Ну сейчас-то постень не видно, а вот от месяца-то постень и есть (Новг., Старорус, Кривец, 1990).

№ 251. Гришка пошел пьяный с коромыслом, а ручий разливши. А шишки говорят: «Скакай!» Он перескочил. Потом говорит: «Вон сено стоит, пойдем спать!» Он полез, а это не стог, а куст. Вот Гришка и протрезвел.

А Афанасий Иваныч с гармоньей до болота пошел. Его забрали за ручки и посадили на пень. Он играл, играл, да потом Господа вспомнил и пошел домой. Это все шишки были. Иван Андреич с мельницы ехал, а там сарайчик. Там ребяташки в красных рубашках. Черти. Лошадь не пошла дале. Он сказал: «Господи, благослови». Они ушли, он и поехал дальше (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 252. Где икона, тем окном они не попадут. Нож ложу да топорик на порог, не пройдут тогда. Они пугают и все. Они приходят, дьяволы, сделать ничего не могут. Два часа как начнется, дьявола там кричат, а тень высока, черна (Арх., Мез., Жердь, 1986).

№ 253. В Егорий день пастух коров обойде, чтоб никто их не тронул. Иной пастух, говоря, такой обход * имеет, что должен отдать одну скотинину из стада, чёрте отдает. У иного божественный обход, у иного с чертям, черти, говорят, помогают. Везде хозяева есть: и в гумнах, и в ригах. Эти все черти да шишки, говорят, а больше кто. Это все чушь, раньше было (Новг., Любыт., Ковриг, 1986).

№ 254. Один раз мужички пили и пошли в баню в двенадцать часов. Один видит, кто-то в шляпи. Думал, друг, шляпу снял с него. Кто-то стал по ночам за шляпой приходить, тот и умер от разрыва сердца (Новг., Старорус, Чигово, 1990).

№ 255. А вот играли в карты мужики, послали одного за вином в Ивановское, около деревни к нему товарищ подходит, знакомый. «Пойдем», - говорит, и повел его в лес. Опомнился, стоит один у леса, а того-то и нет. Молилси он, страшно ему было (Новг., Старорус, Ночевалово, 1990).

№ 256. А вот у моей матери есть сестра, так вот, было ей восемнадцать лет, так вот, завелся у них в доме черт. Это правда было. Вот он влюбился в нее. Он стал за ней ухаживать, ну, преследовать ее. Целую неделю. Ну, деда-то в то время дома-то не было. Дед приехал, позвал охотников, и стали они в подпол палить. А жили они у деда неделю и всё в подпол стреляли. Черти-то выстрелов боятся, они далеко уходят (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 257. Бабка рассказывала, видела она черта. В Троицу это было. Шла она с кладбища, а мужики самогонку варили в доме. А он большой, черный, с рога, на крыше сидел за трубой и нюхал все (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 258. Прошлый год, дело к Пасхе. Дрова у меня были наложены, напилены. Сижу дома, смотрю под окошко. И вот така голова над дровам, так туда и поперлась, черна шапка и вроде рогов что-то у его.

Раньше говорил отец, ребяташки катаются на горе, и он [нечистый] кататся, подпоясан, шарф красной. Возьмет, на мальчишек рассердится и сунет под угол дома (Новг., Пест., Мальшево, 1986).

№ 259. Рассказывала мне одна бабка, что пришла на супрядки,* сидят, прядут, а парней-то и нету вовсе. Одна девка-то возьми и скажи: «Хоть бы черт пришел вместо парней». Сидят, прядут. Вдруг входят двенадцать парней, садятся на лавку супротив их, сидят. Вдруг упало веретено, наклонилась одна поднять-то его, смотрит, а под лавкой-то хвосты у них. А их [девушек] две сестры было-то. Как побежали они к дому-то. Прибежали домой-то, а двери-то закрыты. А на дворе лен постлан был, ну, настелен лен. Вот побежали черти к дому-то, а лен встает и говорит человеческим голосом: «Слушайте меня, меня с земли собрали, в землю насыпали, ухаживали, лелеяли, сжали, потом постлали» Так он и рассказывал, и вот закончил, и на последнем слове петух пропел, они [черти] и исчезли. Супрядки-то — после Богородицы * вечеринки (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 260. Нашего-то, Митина-га, дедушку хватали в бане-то. Хватали. Дак вот один с гармошкой зашел. Девки, говорит, ноют висни. Ну, я, говорит, иду с гармошкой. Девки сидят, правильно, прядут. Раньше пряли там, в бане, все делали в бане. Прядут, говорит, девки. А ноги-те, гот, всё прятают. А ноги-то коровьи. Копыта. Ну, а снарядные,* всё это песни поют.

А он, видно, заметил. «Да разденься, с нами побудь, — дескать, — всё тепло в бане». Раньше топили бани-то, пряли дак. Топили специально, собирались в бане. Ой, тут в бане блазило * так всё, в логу она была. И он говорит: «Да я пойду на улицу». Платочек, платочек им оставил носовой.

Назавтра пришли, аж платочек весь на ленточки. Он убежал, убежал, догадался. Оне, говорит, за им, за им. Да он обратно к Муханам, и к пруду-ту. На крылечко заскочил, зыбаться.* «А, — говорят, — догадался!»

Оне бы его задавили. Вот так (Перм., Соликам., Харюшино, 1989).

№ 261. Чертышко, он в реке живет, волны нагоняет, ветром завивает; вода шумит, волны большие, детям говорят: «Не купайтесь далеко, вода высоко, чертышко утяне!» И еще говорят: «Чертышко-перевертышко, пусти в байну помыться, лопариться».

Черт не может на суше жить, он только в воде живет. Он, черт, он водяной. Вот утонет человек, дак он душу-то себе возьмет. Черт только в воде, а леший только на суше, это нечистая сила.

Черт тоже может всяко выглядеть. Но он на суше жить не лложет. Главный черт — это водяной царь, царь морской, царь речной, и у них целая семья: черт, чертиха, и дети у их есь, и всё есь у черта (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 262. У нас там росстани есь, где дороги расходятся. Дак вот раньше говорили, что черт и леший все дрались у этих росстаней. Черт орал на всю вселенную: «Я сильней!», а леший: «Я сильней!» Ругались, ругались, ругались, дело до драки и дошло. Он говорит: «Нет, уж обожди, черт, мы сначала будем да суше драться, потом в воду». Ну вот, стали драться на суше, победил иа суше леший, а стали драться в воде, черт победил. Так и остались (Арх., Пин., Засурье, 1985).

№ 263. Раз пологом * рыбу ловили. Смотри, тяжело. Вытянули, а там чертята. Жонки говорят: «Куда девать будем?» А те кричат: «Лучше в воду, лучше в воду!» А чертовка, мать их, в воды плачет, воеет и потом говорит: «Я вам много рыбы дам, как отпустите». Они полог вытряхнули, река-то так и раздвоилась. А потом много рыбы вытянули, и ну домой скорее (Арх., Пин., Городец, 1985).

№ 264. В реке чертышко живет. Мужика за бороду схватил. Говорят: «Не пей прикладкой, придет черт с лопаткой». Когда утонул, говорят, чертышко голову свернул. Мужик раз купался, все, говорит, за мной теленок плывет, никак не могу от него уплысть.

Чертушко людей топил, тащил купающихся в реку. Чертышко в воде есть и на бору. Машка как-то пошла полоскать на реку ровно в шесть, так чертышек у нее белье-то и утащил. Чертышко, бают, маленький, а черт большой. В полночь в баню ходить нельзя, чертышко унесет. Чертушка шею сворачивает, если под застругу * попадешь (Арх., Пин., Шардомень, 1984).

№265. Один мужик идет, возле Цасового озера мужик сидит, длинный, длинный, портянки сушит. «Где, — говорит, — портянки вымоцил?»— «А через Цасовое озеро шагнул да и вымоцил». Такой назыв, так говорят. А широкое Цасовое озеро-то, три реки будет. Это дьявол возле огонь сидел, портянки сушил (Коми, Усть-Цил., Пачгино, 1985).

№ 266. Я заболел с потерей сознания. Все уходили жать, я. один в доме. Постель на лавочке у окна, окно открыто, дверь на замке. Лежу. Чудится, открывается дверь, смотрю, сажусь. Заходит Цавлушка, сосед. Ушел. А потом идут целое сонмище чертей, голые, шерстнатые, с рогами, с хвостами, с копытами. А я думаю, дальше матицы* вам не пройти. Они лезут по стенке, как тараканы, и не могут. И ушли. Бабушка пришла. Я рассказываю ей, десятка три-четыре было, лезли к матице. Давно это было, молодой я был, а вот помню (Новг., Любых, Луково, 1986).

№ 267. За ручьем кто-то в балалайку играет, маленький мальчишка, леший али черт, наверно. А придешь — никого нету. Там дом был, там нечистая сила была поселивши. Они ллясали, досками хлопотали. «Чубуков» дом этот назывался. Старик выстроил дом, окошки пробил, но дом не достроил, помер.

Ручей тут есь, кто-то там убит был, так все мерещится, что ходит кто-то (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 268. А вот слыхывал, рассказывали. Мужик шел домой поздно, почти ночью было, в деревню свою. Ну, тропа мимо бани. Он глядит, там свет. Ну и заглянул, а там мужики, в карты играют. Он зашел, сел, стали играть на деньги, много выиграл. Как домой попал, не помнил. Пришел, лег спать. Наутро баба будит. «Где шлялся?», — говорит. А он стал рассказывать-то, и, мол, денег много принес, выиграл. Ну, полез в карманы-то, а там-то... одни листья от веника. Ну, не знаю, рассказывали так, а было, нет — не знаю (Новг., Старорус., Ивановское, 1990).

№ 269. Ветер веет в двенадцать часов дня, столбом пыль встает —так говорят, черт на удавленнике едет. «Ой, черт на удавленнике поехал!» — все бабушка говорила. Удавленников не отпевают. В Москву надо подавать, чтоб разрешили (Новг., Старорус., Гривы, 1990).

№ 270. А вот если женщина ребеночка ждет, то нельзя оставлять ее одну. Черти-то у ей с живота робеночка утащат, а потом она вроде и с животом ходит, а пусто там, вот (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 271. Шишки-то и есть черти. Кто хочет покультурней сказать, тот «шишок» говорит, а мы, грешные, все «черт» говорим.

Был у нас мужик, все книгу читал про черную магию. И захотелось ему поговорить с ими. Так его черти потащили скрозь потолок, до того дочитался. Так под ним до утра воскресную молитву читали, чтоб не утащили.

Еще вот было. Все старик сидел в водогрейке,* сторожил скот. Вдруг приезжает на вороной лошади, в военной одеже, вроде как проверяющий, ввечеру уж поздно. Старик говорит ему: «Вы посидите, а я пойду посмотрю, все ли у меня в порядке». Тот попросил закурить. Старик дал ему махорку, а тот: «Нет, ты мне сверни». Старик свернул, тот закурил. Старик вышел, пост-то проверил, лошадь того погладил, холеная такая была, как барыня. Вернулся в водогрейку, поговорили. Тот на двор и не пошел проверять. Сел на лошадь и уехал. А утром только сторожевы следы нашли, а лошадиных нету. Так со страху и спилили ту осину, что рядом с водогрейкой, где лошадь его стояла, чтоб никто не задавился. Раз бес приехал в человечьем обличье, то покойник будет (Новг., Старорус, Хорошево, 1990).

№ 272. Мой муж мельником работал, помощником, так он чудесное рассказывал. Бывало, пойдет туда на всю ночь, работать, сказывал, будто раз за него все зерно кто-то смолол за ночь, пока он спал. Встает, глядит, утро уж, светает. Спугался, что не сделал работу-то. Ан, а все смелено, и кто — неизвестно. Дивились все етому долго. А потом еще пришлось ему раз иттить одному, стал он открывать мельницу, а там, слышит, ходит внутри кто-то. Прислушался, на человека похож, а откуль там человеку взаться-то, ведь снаружи замок висит. Ну, решил открывать, все обошел, одно надоть. Входит, а там никого.

Ну, думает, во чудится, вроде, кажись, я и не пьян был, а что тако, кто его знает. Взаяся за работу. Вдруг подходит сзади кто, тронул за плечо. Тот обернулся, глядь, мужик стоит и вроде как знакомый, из ближней деревни. «Ну чего тебе?» — А ночь ведь. Тот говорит: «Я зерно привез, помоги занести на мельницу, да мне побыстрее надо, ты сейчас мели, а я подожду». Ну, внесли, смолот, тот дает ему золото. Ну, мой удивился шибко, ведь медью платят, а тут золото, да еще и немало. Ох схватил его, а тот, как деньги дал, так и пропал вдруг, ну, как провалился, и лошади нет. Ну, мой пришел утром, а я-то сразу смекнула, что нечистый был, ну, черт, да, кто ж еще как ночью приехать. Деньги-то высыпал с мешка на пол, а там и не деньги вовсе, а камни, беленькие только, у нас говорят, таким камнем порчу наводят. Вот, после этого ушёл он с мельницы, потому как говорят у нас, кто раз с им знакомится, того уж в покое не оставит, не. Во как было (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 273. С Крещенья неделю полную нельзя пряхть было, грешно. Если сядет пряхть, черти являются.

Если не благословясь закрываешь двери, окна, черти могут явиться в любое время и будут искать еду. Ты услышишь, ёны ложками стрекотать будут.

Я опоздал раз, поздно шел, а темень. А мне еще столько пройтить. Вдруг рядом со мной очутился человек, военный, а я вижу: что-то не то. Но не испугался, и кричать нельзя. Я отошел, перекрестился: «Во имя Отца и Сына и Святого духа, аминь», и в деревню пошел. А огня ни у кого нет. Ручей перешел, стучался, впустили меня, а это мой дом. Рассказал я, как шел, так мать с сестрой сказали, что больше не пустят меня так поздно (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 274. Как-то вышла на огород, смотрю, а он в огороде то туды, то сюды бегаёт. Это шишки бегают. Оны, черти, шишки, людей заводят, пугают.

Брат выпимши шел. Смотрит, мужчина рядом с ним идет. Брат и говорит: «Давай закурим». А как брат повернулся, он в сторону. Брат прямо идет, и тот прямо идет. Брат только к нему повернется, он опять в сторону. Вдруг брат очнулся, а он уже на другой дороге. Вот так и завел.

Они, шишки-то, часто людей заводят.

А еще было. Пошли мы раз с девками в байну гадать. Открыли, взяли палочку такую, только собрались начать, а он взял да и забрался за каменку. Взял ремень и давай бить нас. Мы убегли. Это шишок нас бил.

Шишок, ведь он не человек, а делается как человек все равно (Новг., Старорус., Святогорша, 1990).

№ 275. Раз проснулась я ночью, глядь, а на шкафу кто-то сидит. Пригляделась — военный, зеленая гимнастерка, фуражка, такой красивый молодой парень, смотрит на меня и улыбается. Я фыркнула на него, исчез. Я до сих пор забыть не могу, какой красивый, и улыбается (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 276. Мне через лес идти, а тучи, гром. А я все равно пошла по той дороге, котора в лес. Вдруг мне встречаются два красноармейца, головы-то ти пострижены, а ремней нет, верхом на одном коне. И мне видится наш клуб в зареве, огни-то да танцы. Я говорю: «Да Господи, Иисусе Христе!» Я бежать, эти-то двое ко мне навстречу и говорят: «Догадалась!» Я бегу, домой прихожу, говорить не могу. Была бабка Катя, исполох* снимала. Умывальник слила да нову налила, меня подвела, я и заговорила. Эти солдаты окаянны были, смеялись надо мной (Арх., Мез., Жердь, 1986).

№ 277. В праздник Никола гулянье. Шел мужчина с праздника, а кто-то говорит ему: «Эй!» И он: «Эй!» — отвечает. Тот говорит: «Тимофей!» А этого-то Тимофеем звать. Говорит тот: «Давай изгороду зажжем!» Зажгли. «А ну-ка, подвинься!» — и в огонь его толкает. Тогда он спохватился, стал ругать того, материться. Тот и исчез. Это шишок и был (Новг., Любыт., Луково, 1986).

№ 278. Мой отец шел на Павлово. А в ручью, говорили, чудится. А он выпивши. Подкатилась черная собака, он ее ногой, да ругается на нее. Вдруг она в человека обратилась

и кричит: «Эй!» Он-то думал, что человек навстречу, идет, тоже «Эй!» ему кричит. А голос-то в речку зовет. Голос-то ему: «Иди сюда». А он говорит: «Я иду» — и идет. А потом очутился в самой реке, да и остановился, очнулся. А то бы еще раз шагнул бы и утонул бы тогда. Ясно, что черт это был (Новг., Любыт., Плоское, 1986).

№ 279. На том месте жила тетя Стеша. Однажды видит она в болоте старика, а старик раздевается. А старику шишки говорят «Раздевайся!» И спать его укладывают. А он и раздевается. А Стеша увидела и спасла его от шишков. Она многих из болота вывела, от Шишков спасла (Новг., Любыт., Плоское, 1986).

№ 280. Мишка с Соцки шел, к нему пристал человек. «Пойдем со мной», — говорит. А Мишка выпивши был и пошел. А тот привел его, там тополина и камень большой. И говорит Мишке: «Скидавайся, вешай пальто, ложись на плиту, нагреешься». А зимой дело было, мороз горазд. Полежал Мишка, замерз, очнулся. Заприметил огонек, на него вышел. А он заморозил бы его (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 281. Пришла бабка Маланья и говорит: «Мой черт [о муже] на Святины шел, и бочку с подгорья катили с золотом. А уж кто гнал, поди знай. И его гнали, за бочкой-то. И он бежал-бежал за ней и в воду по шею уж и „хох, хох“ - стал захлебываться. Очутился в реке, вышел, тогда, говорит, и отпустили меня» (Новг., Любыт., Солодка, 1986).

№ 282. На родине моей говорили. Деревня тогда большая была, а три домика поодаль. Литва* с бочкой золота ходили. На мостике у них сломалась телега. Они бочку, яму выкопали, положили, выстрелили. Говорят: «Насколько пуля ушла в небо, настолько бочка ушла в землю». Паренек подслушал, пришел на Иван-день, срубил сто колов и говорит: «Насколько пуля ушла в небо, настолько бочка поднимись». Тут вдруг лошади с парнями с гармошкой, а бочка опять вниз ушла. Потом парни другие искали, но не нашли. Было, выполоскавши белье, одна и пять рублей нашла на том месте (Новг., Старорус, Ру-каты, 1990).

№ 283. За лошадям я смотрел. Раз пришел на двор, что такое! Все лошади должны быть спутаны, а две распутаны стоят. А они только прикинувши лошадям. Я к им, оны от меня, я не отступаю. Ены меня водили, водили, вывели на Соченску делянку. Когда петуны* запели, я вижу Соцко, вот тошнехонько. Прочел я воскресную молитву: «Господи, наставь меня», пошел домой, и в тех местах, где мне до того виделись, ни овса не было, ни березовых пеньев, это они все представили. Пришел, а лошади все на месте спутаны, как я и делал. Это они меня водили (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 284 «Вехор, вехор, завей хохол!» — скажут, когда вихорь увидят. Говорят, баба на холме стояла и говорит: «Вехору вехор, завей хохол!» А он как завьет, и вниз головой ее поставил, под холмом. А потом мужики ее вытаскивали (Новг., Старорус, Кривец, 1990).

№ 285. Васька Скородумов сына убил, сын ему зайцем показался. Так он схватил еще чужое ружье и стрельнул, а это человек, сын. Это ему черт глаза отводил. Сын-то с хлебом шел. Ему сказали: «Иди, снеси хлеба отцу, матери». А кругом ведь народ. Народу-то сын видится. Все есть на свете, Разве у него руки-то поднялись бы — еще первенец сын был. Мы дуй мали, Васька после с ума сойдет, повесится — так горевал. И ведь не пьяный был — трезвый (Волог., Белоз., Акинино,, 1988).

МАГИЯ: КОЛДОВСТВО И ГАДАНИЯ

№ 286. В нашей семье у одной снохи дедушка был Митрий, такой колдун, амин какой колдун! К нему все ходили. Жил в зимовке* летом у нас, а мы в большой избе. Ну вот, у нас старший брат вот на их-то Дуньке и женат был. Пожили да и, стали делиться. Семья-то большая. Брат да сноха дом построили да отделились. У его, этого колдуна, было две коровы в нашем дворе, тут и стояли. А у нас было четыре коровы. Вот заходили. Вот он, колдун-от, Дуньку учит, что, мол, так и так, будешь походить, надо вот сделать. Возьми от среднего столба у огорода во дворе, наклади земли и унеси в свой двор, туды вот на ново место. А мой батько и подглядел. Говорит: «Дунька все не ладно уходить будет». Вот она пришла, раскопала у столба и окладывает. А у нас был съезд.* А на съезде сидит батька.

Потом он рассказывал: «Я и говорю: «Дуня, ты что делаешь?» — «Ой, батюшка, дяденька Митрий велел земли здесь, вот я и беру». — «Неси, неси, — говорит батька, — меня ты попомнишь». Не то что наша корова от нашего двора не отходила — батька пошутил* — так Митриева корова не отходила. Вот как вечером скотину надо заставить,* вся скотина у нашего двора и топчется. А отец сидит и говорит: «Каково еще унесешь земельки-то». Она, Дунька, до слез бьется. Мама попросила отца, потом что-то сделал, перестали ходить (Арх., Кург., Хотеново, Мальшинская, 1989).

№ 287. Свекр мне рассказывал. У одних скот передох, к вся семья слегла. А был слепой мужик, который поправлял. Хозяин дома пошел к нему за помощью, а старик его по имени-отчеству назвал и говорит: «Что ты так долго не шел, я давна тебя дождал, а ты весь скот уложил». Слепой привел хозяина к шатровому * столбу, говорит: «Копайте, что там зарыто». Раскопали, а там клубок шерсти большой. «Сожгите на сукрестках.* Если с приговором положено, то против ветра дым: будет, а если без, то по ветру». Пошли на сукрестки жечь, и бежит из деревни баба, кричит: «Милые, хорошие, не жгите! Но раз велено жечь, они и сожгли (Новг., Старорус., Хорошево, 1990).

№ 288. У нас в деревне женщина была, Валея звать. Все-ей было корову домой не завезть. Ей говорят: «Валя, ты погляди, может, тебе кто портит ею. Валя на рассвете и вышла, в Чистый четверг это было. Глядит, а она на клюки ездит с распущенным волосам, суседка их. А был гадал,* наводы * узнавал. А она, Валя-то, поехала к нему. Сделал он воды, говорит: «Гляди в воду, узнаешь, Валя?» — «Да, знаю, эта она». — Он и спрашивает: «Хочешь ей что-нибудь сделать?» - «Сделай». А Валя было уж пожалела ею, не хотела ей зла, а гадал говорит: «Торни ее в глаз». Валя торнула. Приехала домой, у той с глазу течет. Так и текло до смерти (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 289. В Андронове колдовали. Это рассказывал дедушка. Вот батька взял кого-то [что-то] из дому и продал и пропил. А у их была невестка, так он все свалил на невестку, мол, это все она. А matka и поехала разгадывать и взяла с собой маленького мальчика, ну, может, сын-от невестки и был. Ну, приехали. Да, а батьку не пустили. Ну, вот приехали к нему-то, к колдуну. Ну, а мальчик незаметно на печку влез, ну, можа Бог так хотел, Господи Исуси. Ну, колдун-то выгнал всех, а мальчик-то и остался на печке. Ну, открыл он [колдун] подзвал и крычит: «Ты, а ты! поди сюды!» — и глядит в подвал.— «Ну, что мне сказать, хто это сделал?» А из подвала и отвечают, что, мол, продано и пропито хозяином, а ты скажи на невестку-то, она задавится, нам свадьба будет. Ну, закрыл он подвал-то, а мальчик все лежит, слушает. Ну, зовет матку-то, а она ему взятку дала и спрашивает, на кого, мол, думаете. Тот и взял. Говорит, невестка украла. Мальчик слез с печки и пошел. Matka домой пришла, батьке не сказала, а сыну, на которого жену думали, и говорит, так мол и так, она, мол, украла. А мальчик-то говорит: «Нет, дядя Вася, бабушка врет». Ну, тут он и рассказал все. Невестка-то сказала, что если бы не оправдали, задавилась бы. А чертям-то только этого и надо. Ну, сын-то хотел этого упыря-то застрелить, только исчез он, гадалыцик-то. Вот сын-то и отделился. Вот на что черту надо дело, вот ему душа надо (Новг., Старорус, Котецкое, 1990).

№ 290. Вот придет кто к бабке, она бросит в стакан с водой кольцо обручальное, наговорит, и в воде видно того, кто порчу наслал. Бабка та говорит: «Хочешь, торкай ей в глаз!» Придешь, она без глаза будет. Но отговор не всем помогает. Если моют водой покойника, а затем эту воду полить в еду, и эту порчу уже не снять, этого человека не спасти. Это на смерть сделано, это мертвая вода, ему ничего не поможет, этот человек умрет, его не вылечишь. Они придут к бабке, она говорит, я бессильна, тебе сделано смерётное.

А вот грыжу заговаривают. Так клин, досочку берут от гроба, трут этим клином, веревочки, тряпочки от покойника, руки перевязывали, ноги. Бабки, знахарки назывались (Новг., Старорус, Котецкое, 1990).

№ 291. У меня была подружка, она замуж вышла на хутор. Она вышла из дома вон, какие-то яйца лежат. Она убрала их и заболела, и умерла. А чтоб силы не имело, надо вынести и сжечь или закопать.

А бывает, где соль насыпают, в коридоре или на лестнице, - тоже к порче. Одна женщина была, она это маракует,* она сделала воды, соль попрыскала, утром пришла — ни одной солинки нет, все чертенята собрали. Это дело в Русе было (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 292. Потерялась телушка тут у одних, так невестку и отправили к старику. Свекровь ей яичек в корзинке дала. А невестка-то по дороге яйца и отложила, подумала, много старику. Невестка пришла к старику, а он уж знает, зачем она пришла: «Что, телушка потерялась? Не беда. Ступай домой, а она у дверей будет». Тут стала ему яйца отдавать, а старик и говорит: «Теленок придет — рассчитаешься. А обратно пойдешь, дак и те заberi»,. Она когда к корзинке-то подошла, а там на яйцах змея. А теленок-то утром пришел (Волог., Белоз., Ключи, 1988).

№ 293. Лошадь, потерялась у мамыши, ушла. Пошла она к колдуну: «Лошадь, — говорит, — ушла, помоги». А колдун ей говорит: «Ваша, лошадь жива, иди дорогой и не отворачивай». А она пошла и отвернулась и увидела — человек в вострой шапке на ее лошади, как засвистит, и только хвост мелькнул. А, если бы она не отвернула, то нашла бы лошадь-то (Волог., Белоз., Акинино, 1988).

№ 294. У одной бабы тесто терялось* и терялось, Вот она пришла к колдуну. Он, ей; и сказал: возьми топор и сядь против щестку,* где ухваты кладешь. И в 12 часов вылезет жаба а ты ей по лапам и по языку. Вот она и сделала так. Жаба вылезит, а она ей по лапам и по языку. А на другой день Дуня по деревне ходит и языком и руками трясет. И колдовать боле отстала (Волог., Белоз., Олькино, 1988):

№ 295. У отца корова заболела, да овца околела. Так каждый год и умирали. Отец и пошел к старичку, тот многое знает. «Копай, говорит, в хлеву, войдешь, так в правому углу от руки, копай до земли и найдешь. Весь навоз вынеси и сожги». И нашли бутылку запечатану, с водой, в кульке собачьи, человечьи, коровьи, овечьи, г.... и птичьи перья заложены. Старичок приказал сжечь и сказать: «Откуда пришло, туда и ступай». И все нормально стало на дворе. Раз порча была сделана, то вот и помирали. Были злые люди. Давай понизим человека, раз у него ' много скотинки. Подков в двери заколачивали. .Найти подкову,) случайно потеряну лошадью, и закапывали под дверью (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 296. У нас раз овца паслась, она вот-вот ягниться должна была. Хотела я ее домой забрать, а тут тетка какая-то проходит и говорит: «Рано еще, никуда она не денется!» А овца потом и не пришла. Ночь нету, две нету. Все измесиши, не нашли. Послали в Никулкино к бабе Фене. Ночью ездили, на тракторе. Она показала, как метки-то делать. Дед сделал, да, видно, неправильно. Овца показала соседской девочке. Пока туда бежали, она и исчезла опять. Мы опять к бабке Фене поехали. Я вот сказала: «Бабушка, так и так, показалась и опять убежала и нету». А она и говорит: «Неправильно, видно, твой дед метки сделал». Потом она наговорила хлеб-соль, потом: угарочком завязала и сказала: «Когда пойдешь, на первый ольховый куст положи, маленько вправо, и иди не оглядывайся. Ее не пускают полевой и полевая». Я все сделала, как она сказала. В этот же день овца и вышла

Когда пропадает скотина, до шести суток можно найти.. Больше шести — уведут за лес, не найдешь (Новг., Пест., Малышево 1976).

№ 297. Был такой Петька Босьяковский. Его потому так прозвали, что ён только в чулках ходил, штанов не видать на ём было. Раз корову было не загнать, не шла во двор и все. Так он воды сделал и повел во двор. Сперва не хотел делать, у вас, говорит, чужая в доме, а ему объяснили, что своя, деревенская. Он велел воды с реки принести, попрыскал водой на корову, так такой писк раздался, но после стали коровы загонять хорошо (Новг., Старорус, Гайново, 1990).

№ 298. Коров прятали. Скроют колдуны, и никто не увидит, ходи, не ходи. Две коровы спрятали, двенадцать ночей ходили, искали. К колдуну сходили, он сказал, пойдите двоима с Андрияном, никто больше не надо. Коровы ваши живы. А так спрячут, что не дают ни пить, ни есть. Он наговорил в узелочек. «С ним пойдите, на росстаньке расколите сосенку и скрозь нее пролезьте». Пролезли мы, подошли: коровы стоят, чешутся, (Арх., Пин., Айнова, 1984).

№ 299. Если спортят скотину, так находили человека, который может отвести. Он ладит, лечит. В деревне был один мужчина. Никто не может отвести корову на бойню, а он поглядит— и пойдет. Он малоумной был. Его звали Оля-дева. Голос-то у его женский был. Так он платок оденя да пел с женщинами. Может и спортить и наладить (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 300. Ну, в Егорьев деньобходил пастух коров-то. Скотий праздник ведь. Обходил коров-то с иконкой, потом яички ему давали-то, крашеные. Може, и с лешим знался пастух, откуда мы знаем. Только вот раньше пастух, бывало, пустит коров в лес, за рощу, а сам с мужикам-то говорит, на речку скупаться сходит, а к вечеру всих коров, всих домой пригонит. Не было, чтоб корова потерялась, наверно, знался с кем-то. Лес-от у нас какой, а коровы всегда целы. Говорили-то раньше, когда пастух стадо пас летом, так не стригся (Новг., Старорус, Котецко, 1990).

№ 301. Вот чудо был пастух. А он чо-то читал, чо-то знал. Он один мог коров позвать. Лет тридцать пас коров. Весь день дома, а коровы сами пасутся. А он вечером покричит, а они и идут сами. Покричит: «Дочки! Э-ге-гей!» А оны сами идут к нему. А без него ни одна не идет, только его слушались. А целый день дома, будто кто вместо него пас. И каждый год. одна корова пропадала. И никогда не расходились, все паслись в одном месте. Во, какое чудо пастух был. Что он знал — неизвестно (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 302. Мария у нас пастухом была, так у ней отпуск* был. Однажды прибегают в деревню, говорят, пошли посмотреть, в стаде волк ходит, среди коров. А Мария нас не пустила, говорит, не ходите, ён ходит, ён и не видит их. Отпуск был у ней (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 303. Ведьмы есть, в пещерах живут. Они сильные колдовки. Заядлые ведьмы обрастают мохом. Портят народ. Они как женщины, только сразу по личности отличишь, которая ледьма.

Колдунами под старость становятся, когда им срок приходит творить.

Колдуны молоко у коровы отнимали, свадьбы портили. Не съездишь к киевской ведьме, так она спортит. Надо на речку, помыться перед свадьбой и у ей обязательно спроситься, не то спортит свадьбу. Мы до сих пор, когда ругаемся, говорим: «Ведьма ты киевская» (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 304. Колдунья, она очень хитрая. Ее узнать трудно, никак не догадаться. Она ни за что не признается, очень не любят они, чтоб кто-нибудь знал. А если и знают люди, как проверить, колдунья ли она, то редко кто станет пробовать, ведь она и отомстит обязательно, они вредные.

Так вот, я малой еще была, мама рассказывала. В их деревне бабка одна сказала, как узнать, колдунья или нет. И вот ребята старшие подговорили маленького, чтоб он, как колдунья в дом к ним придет, так надо в стол вот воткнуть иголку, снизу чтоб. А стол-то раньше ведь не такой был, он с досок, со струганых, и между ними щели, так они потом забиваются, ну всем, и сором всяким. Так вот в эти щели меж досок иголку-то и надо воткнуть, и она, значит, уйти как соберется — и не сможет. Вот уйти захочет, воткни иголку снизу острей в стол, она и вернется. Ну вот, решили попробовать. Она к им пришла зачем-то, все сделала, собралась уходить. А он возьми и воткни. Она и возвратилась. Снова вынул, снова она хочет уйти. Он тыкнул другой раз, опять вернулась. Так и возвращалась, весь день там у их и протолкалася. Вот так (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 305. Дед мой ушел наниматься в работники, попросился ночевать у старика, и он его стал спрашивать, накормил и говорит: «Ты молодой, возьми от меня колдовство, будешь барином жить». Дед говорит: «Я боюсь», но потом тот ему все рассказал, как всех травить,

чтоб все его боялись, все стихи ему сказал. «Теперь иди, — говорит,— в гумно, влезай в дверь, и будет все хорошо. А не сделаешь, ты меня погубишь». Дед пошел, открыл ворота, а там свинья страшная, пламень изо рта. Страшно ему, и не стал, пошел оттуда. Пришел, а колдун-то стонет, криком кричит, ругается. Дед мой так и ушел (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 306. Когда от меня вздумал мой мужик уходить, мне «сказали, сходи к бабке. А сделано было, чтоб он меня не любил, это было сделано у евонной бабушки, у родной. А он говорит, как ты войдешь, все змея пестрая в глазах ненавижу тебя. Говорит, нету тебя, жду—умираю, только дверь откроешь, — змея. Стал меня бить. Люди и посоветовали, сделает, говорят, бабка водички, чтоб помылся, глаза-то. Пришла я. Бабка старая, говорит; «Доченька ты моя дорогая, тебе вторая судьба предстоит». Говорю: «Вот видится ему змея полосатая, сделай мне водички». Она говорит, что он не станет ни исть, ни пить, мыться этой водой не станет, все равно уйдет, это сделано у ближнего, у своего. Вот дала воды, влила я в умывальник, так мыться не стал, влила в квас — не стал. Ушел все равно (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 307. Колдунья, она бабка, как бабка. Вот одна у нас тут, все коров меняет, никак у ней с коровами. Ей посоветовали съездить к бабке. Поехала она. Та говорит: «Ну, что ты приехала?»—«С коровам». — «А ничем тебе не поможешь, она тебе снова все сделает, соседка твоя. Я дам тебе воды, попрыскай дом, двор потом, и под бревном в хлеве возьми голик, снеси, сожги его под горой, и твори молитву. Это сватья его подложила. И,— говорит,— эта сватья к тебе прибежит, и ничего нельзя ей давать, три дня». Ну, та все так и сделала. А сватья пришла, позвала внучка и повела. И опять с коровам горе, и ей опять ехать. Так пока едешь, она может что угодно сделать, и с курицам тоже. Она-то баба хитровая, вот она и чудит рядом, а не докажешь ничем (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 308. Воду, как обмыли покойника, в большой передний угол, к дому на улицу льют. Этой водой и плохое можно сделать, кто умеет.

Мама рассказала быль про себя. Раньше овсяная была мука. В воду набатают, намешают, получалась такая болтушка, тяпушка. И на сенокос когда ездили, делали. Одна сделала такую тяпушку на воде с покойника и напоила женщину после родов, и та заболела. Говорит, я лежала, ничего не понимала. Муж повез на лошаде к знатку, знахарю. Он-от и говорит: «Истопи баню». В первый день он намыл с приговорами. Говорит ей: «Ложись на пецку». «Не будите. Сколько может, столько и спит». И три раза он мыл в бане. Знахарь сказал: «Если не будете мстить, я покажу вам, кто сделал такое с ней». Наливает воду в блюдо большое. Они наклонились над блюдом, он их накрыл, свецку поставил сбоку. И в этой воде увидели эту тетку, как она воду, которой покойника мыли, льет из бутылки и ложит муку в цаску.

Мы приехали домой. Роженица говорит, вон она идет, и Вася ее с лестницы отправил. Потом в воскресный день в церковь шла, у дома пала и ревет и встать не может. И так каждый раз, у дома падет и катается, и плачет и ревет, и просит прощение. Пока, говорит, я не скажу: «Бог простит»,— не уйдет. Потом встанет и в церковь уходит (Арх., Карг., Харлушино, 1989).

№ 309. К Лизадете тут муж пришел с войны. «Я, — говорит,— не к тебе приехал, на родителей посмотреть, а с тобой жить не буду». Так Лизавета со свекровью к бабке сходили. Та над водицкой пошептала в байне. Он помылся и остался дома с Лизой.

А один колдун овдовел, стал девку молодую сватать, а она никак за него не шла. Пришел он к ей, достал платок из кармана, отер им лоб свой и тем же платком ей лицо вытер. «Как платок этот сохнет, так й ты по мне сохни». И пошла за него (Арх., Карг., Лукино, 1989).

№ 310. И еще, мужик пришел, говорит, давайте клопов выведу, только не хohoците. Что-то наговорил, клопа да и пошли прямо в окошко поездом, друг за дружкой, Женщина-

то, у которой выводили, говорит, мы не выдержали, да и захохотали, а они тут же обратно побрели, все поворотились (Арх., Карг., Лукино; 1989).

№ 311. В Бабаевском районе колдун был. 15 годов назад, помер. Жил в бане. Приехала милиция его забирать, а встать с лавки не может. Сели в машину, а машина ни с места, а поехала — 3 раза перевернулась (Волог., Белоз., Шубач, 1988).

№ 312. А Филипп-от сделал над другими опеть. Он [другой] пришел на подчику* по-нашему лесосека теперь называтея. пеньё. Он курил. Я пришел, говорит, все мужики сидят, курят, смеются. Я прикурить прошу у них, а они мне не дают. Ходил, ходил, грит, потом, ночь проходил, обратно вернулся в Рублеву, все. А назад пошел, он его убрал все: никаких мужиков, никакой подчики, и никаких пеньёв нет. Вот так вот. Вот эти колдуны и есть. А они были, были, были оне (Перм., Соликам., Харющино, 1989).

№ 313. Волхвы у нас есть: Паланья, бабка Маша. Могут отнять у коровы молоко. Чтоб вылечить, надо сделать воды, наиспашку три раза помыть веточкой от веника, потом омыть ею всю.

А один раз Паланья мне на боронину * кости с покойника положила и козлиную белую голову [череп], и картошка у меня в огороде не росла. А Татьяна взяла на вилы и им в огород снесла. У них и- не росло ничего.

Оны зарыли в межу банку топленого масла, чтоб спортить корову.

Однажды ко мне племянница приехала, а Паланья: «Дай мне твою девку посмотреть». И только ушла, как девке плохо стало, и рвало, и метало, насилиу спасли. А можно и умереть от сглаза (Новг., Старорус., Гривы, 1990).

№ 314. Парень у нас погиб один, разбился на мотоцикле, между Ваджей и Святогоршей. Собрались мы и пошли посмотреть то место, где это произошло. Посмотрели, пошли в Виджу. Обрато идем, вновь мимо того места, а там лежат три куриных ноги, и никто не клал. Вся, Святогорша потом об этом говорила (Новг., Старорус., Гривы 1990).

№ 315. В одной деревне одна бабка жила, она такая старая. Дом у нее стоял дальше от других, ниже от деревни. Говорили люди, что ведьма. Ну вот раз с танцев шел парень с девушкой, ну, солдат, парень, ночью уже за полночь. Вдруг бежит на них большая свинья, така здоровая. Девчонка-то испужалась, а парень и ударь ее пряжкой [от ремня] прямо в лоб. Ну, испугалась свинья, захрюкала, убежала. На другой день парень-то в магазине это и рассказал. Вдруг входит туда эта ведьма-то, а у ней на лбу сияет от пряжки (Новг., Старорус, Виджа, 1990).

№ 316. И скотину травят, и людей. Колдуны были, выходили на поле, где яровые, ржаное поле, делали заломы, на каждом ржаном колене ржину заламывали. Кто увидит его, ну, залом, так борону на него кидали и огнем зажигали. Так вот кто сделал, прибежит туда. Заломы лучше не трогать. Если ты не заметишь, сожнешь, то тебя заломит, ноги, руки перекорезит. Как только смахнешь, так худо, ломить будет сильно. Так только бабка потом поможет (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 317. Заломы во ржи бывают. Наделают узелков. Если ты не заметишь, сожнешь, тебя перекорезит. Не тронь, а опосля, как сожнешь все, заломы брось и сжигай (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 318. А во ржи бывают заломы* да. Их путает кто-то, видно, хозяин полевой. Так спутает. А если сожнешь случайно, смахнешь, то руки ломить будет сильно. Тогда уж к бабке итти надо (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 319. Мама говорила, гостила у подружки. Прихожу спать в клетушку. На Петровский Иван было. В клетушке многа горшков наставлено, больших, глиняных, и в каждый горшочек влито по две ложки молока и, не прикрыто, А мама говорила, на ночь нельзя открытую еду оставлять, черти едят, домовые обедают. Плохие они, после их нельзя есть, заболеешь*, Ну вот, а мать подружки была колдунья. Мама моя етого не знала. Но она удивилась, она взяла соломки с крыши натаскала и покрыла все горшочки и говорит: «Господи, благослови» и легла спать. Часов в двенадцать как зашумело под окном, затемнело, и как что вылилось, опять просвистело как змея, котора молоко у чужих коров

доит и колдунам приносит. Она у них на службе. После этого мама встала, а пол весь молоком залит. Змея молоко ей принесла, а горшки-то закрыты, вот она и пролила все. Мама-то моя как испугалась, схватила всю одежду и убежала, пять километров ночью. И не ходила туда больше никогда (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 320. Парень рассказывал мне про своего друга. Спрашивал, верю ли я. Я говорю: «Не знаю». — «А я верю», — говорит. У них в деревне была бабка, могла что угодно сделать, вычитать, черная магия? Могла свадьбу спортить. Едет свадьба у самого леса, вдруг вместо лошадей — волки, и в лес побежали. У ей книги были, ребята и попросили: «Дай поглядеть книжку». А у их два дома было. Они взяли, чтоб иконы в доме не было надо, стали читать. Дочитались, что столы и все заходило по комнатам. Выскочили вон, а утром пришли, а уж в доме книги-то и нет, исчезла.

Иду, гуляю, говорит он, вдруг идет из-за леска, что такое, глядите, волк, а вдруг бабка, а волка-то нет. Они спрашивали, а она говорит, не видала ничего.

Придет, говорят, к парню, скажет: «Гуляй вот с этой», — и будет.

Вредная бабка, только вредит. Парень этот ей говорил: «Что ты такая вредная?» — А она ему: «Сделаешься ты таким». И точно, Стал; как заговоренный, парень-то. Точно бабка сказала так все и стало (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 321. Ну, вот тетка-то ёя, она гуляла с парнем, а у него батька был колдун. Ну, ушел он в армию, а она вышла за другого. Ну, едут они с мужем, доехали они до гумна, с гумна вот белый кто выскочил и умахнул, как мертвец. Она как упала в канавину-то и посмотрела на левый бок, на Котецк-то. Так ее и кинуло. А парень-то был с Котецка. Голова у ее долго на левый бок оставалась. Ну, мать ее съездила к волхвинке, та ей сказала, что на смерть ей было сделано и чтоб она сходила к колдуну, к отцу того парня, что в армии был, и чтоб он её в баньке выпарил. Так она и сделала. А потом помогла бабка-то. Толвокос двадцать второго года она, девушка-то, болела и до шестидесяти четырех (Новг., Старорус, Котецко, 1990).

№322. Волхвы приходят на Чистый четверг, на Егорий, Ивана, на Пасху. Дедовники * вырывают и в дворовых воротах закапывают, чтоб не спортили (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 323. Колдуны которые много знали, портили людей, скот, когда умирали, говорят, крышу открывали. Маленько поднимут охлупень * на домах-то, ему легче будет, нечистый как бы выйдет (Арх, Мез., Кимжа, 1986).

№ 324. На Чистый четверг нельзя никому ничего давать, а то порчу наслать могут, попортят тебе и животину и все. Ничего не давай, особенно соль это самая страшная порча будет. Не давай из дому ничего, а то с порчей вернут. Самое это время такое, на страшной * неделе, это ихний день, колдунский, заповедный, они его специально ожидают.

Говорят, что колдун так помереть не может, Бог его не берет. А чтоб он умер, надо залезть на печку, выломать девятую потолочину, и тогда он помешится, ну, умрет да. А еще он может сам умереть, лишь когда все свое искусство другому передаст, только все, а иначе не поможет. Вот у нас девка была в деревне, так ее бабка колдуньей была, тад она две недели помирала, так ее кружило, и только как потолочину выломали, только тогда померла.

Раньше много у всех скотины было. И вот на Ивана тоже колдуны ходят, колдуют. Седьмого июля надо дворы подпирать осиновым колом.

У одного мужика было много скота, и семья была большая, и каждый год колдун у него скотину губил..А вот он подговорил, своего брата, чтоб колдунью-то ему подкараулить. А эта бабка даже из родни ему была. Они пошли к ней, а она на дворе своем, она там что-то ворчит* кругом скотины ползала, шептала что-то. Они вернулись на свой двор, забрались на сарайку. Она приходит вся рваная, волосы распущены, с метлой, с ведром и со щеткой, три предмета обязательно. Стала ходить кругом скотины, и поймали ее. Это ночью было, до двенадцати, до петухов. Ну вот, схватили ее. «Ты зачем пришла?» Выгнали ее, закрыли яе у нее дома, и назавтра у нее весь скот пропал, и она неделю болела, вся в синяках была. Они бьются очень если их на дело не пускают (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 325. В одной деревне жил дед Василий. Говорят, что он был колдуном. Помер, значит, он. Уже обмыли, положили на лавку. Потом приходят мужики, а он на, лавке сидит, нога поджал и руки сложил. А один мужик не растерялся и говорит: «Ложись, Васька, а то топором башку отрублю». Это его лукавый и черт подняли. Чтобы его снова положить, пришлось жилы подколенные подрезать. Он колдуном был, слова не передал и умер, вот его и подняло. Когда ведьма умирает, надо в потолке дыру вроде окна рубить, а, если она слова не передаст, то и умереть не может.

Бывало, мальчишки начнут рыбу из сети вытаскивать и к его подберутся. Дед Василий скажет: «Ничего, моя рыбка никуда не уйдет!» Мальчишки и с места сойти не могут и заплачут: «Дедушко, отпусти, миленький, не будем больше». Он их и отпустит, они рыбку, всю побросают, да й убегут. Вот как колдовал (Волог., Кирил., Благовещенское, 1979).

№ 326. Все говорят, что чертей передают. Манька у нас, переданы ей от батьки черти. Она глухонема была, говорит, говорит, ницего не понять, все махается. Она дрова было пилит да ногой пихат, уйди да уйди. Ей батька отдал чертей, говорят. Кто имеет чертей, тот долго не умирает, трудно умирает (Новг., Любыт., Ковриг, 1986).

№ 327. Я, говорит, выслушала их разговор. Сказывают про каких-то колдунов. Один говорит, что сейчас же может человека испортить, а другой, что может сейчас же вылечить. И перед ними — сидят едят колдуны — буханка хлеба. Один буханку испортил, буханка почернела, уголь. А второй говорит: «Я вылечу!» Вылечил. Буханка побелела. — «Ну-ко, разрежь!» Разрезал, а в середине черно. Вот, говорит, так и лечат. Только сверху заморят или не вылечат совсем. Внутри черно, а сверху бело (Коми, Усть-Цил., Замежное, 1987).

№ 328. Вот знали* люди. И два заспорили в Осокиной. Один в Осокиной был, а другой — из Гляден. И заспорили, кто сильней. Видимо, у их тоже есть это, у кого больше чертей. - Дак вот заспорили. Тожо закупали скота-та. Вот говорит один: «У меня лягут коровы»; А другой: «У Гляден». На километр повыше был, ну, на километр подальше был. Осокину коровы прошли, на Глядине легли, не пошли никуда. Вот так. Тожо знались, видимо. Один другого сильнее (Перм., Соликам., Харюшино, 1989).

№ 329. Вот коновалы рассказывают. Вот у нас в деревне два колдуна; так молодых спортят, если их не пригласят на свадьбу, в волков превратят. Овернут молодых волками, и три года бегают по лесу, вся одежда прирвется, а вот на спине вырастет волчья шерсть, как долонью хватют. Бывали такие случаи, или молодых волками сделают или на свадьбе что случится.

Вот, говорят, к венцу приезжают молодые, один колдун подходит, говорит: «Три-девять пудов горох». Надо, чтоб в стручке гороха девять горошин было. И вот етот стручок наговорят: «Три-девять пудов горох, три-девять пудов жених, тридевять пудов невеста, не взять коням с места». Положат етот стручок в повозку или в сани, где молодые сидят, и кони не могут взеть. Кони рвутся, пока им, колдунам, все не покоряйся, все кони на месте стоят.

Вот, говорят, эти два колдуна, один знал много, а другой больше. Один так устроил, что кони не могут взеть с места, а другой огненно колесо пустил вперед обоза. Куды пойдешь в огонь.

Вот, говорят, их на свадьбу пригласили, а они между собой поссорились. Один знат много, другой говорит: «Я больше». Один говрит другому: «Я счас устрою над тобой. На-ка рюмоцку, выпей». — «Давай». Тот не трус, не боится. Выпиват. Все зубы до единого выпали. Склал да положил на стол. «Ну, — говорит другой, — теперь ты от меня выпей». Тот рюмку только выпил, как раз его к окну и к потолку ногами подвесило. Подвесило к потолку ногами, вот так лягается и кричит: «Мне тяжело, сними меня, я не могу больше». А тот говорит: «Наново зубы вставь, а потом сниму я тебя». — «Наливайте, говорит, рюмку». Рюмку ему наверх подали, наговорил какие-то слова и говорит: «На, пей. Склади зубы в рот и пей». Зубы и встали на место. Другой и говорит: «Счас я тебя тоже сниму». Тоже рюмку подали, и он очутился за столом. Вот такие истории (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 330. Бабки-то и свадьбу могли спортить. Вот раньше, не хочет мать, чтоб женились, она нашла колдунью, они поехали венчаться, едут оттуль на лошадях, и вот вдруг

лошади остановились, и молодые превратились в волков обои и в лес побежали. Колдунья всяко могла производиться, всяко ходить. Это уж, черт им помогает. Утравливали всяко молодых. Вот гулял парень с одной, а взял другую замуж. Она пошла к колдунье. Испекли этакую ватрушку и дали им на свадьбу. Но другие узнали и спрятали ее. Свадьба кончилась, наутро пошла одна тетка, которая узнала про ватрушку, нашла, принесла ее, а она вся черная. Ей яду срок уж вышел, она вся и почернела (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 331. У моего отца спортили свадьбу. У него была невеста, кроме мамы, — хромая. Он от нее отказался, вот она и спортила свадьбу. Украла кашу, а потом ходила поперек свадьбы [т. е. поперек пути свадебного поезда] и нитки цкала.* Так и получилось. Сначала хорошо жили, а потом стали худо жить. Приехал раз коновал и говорит: «Худо ты, Васька, живешь». А отец не признается: «А ты откуда знаешь?» Уехал отец на мельницу, муку делать, а бабушка попросила коновала, чтоб помог молодых наладить. А тот говорит: «Сейчас я его, подлеца, налажу-то». Тот [коновал] вышел, по ветру слова-то и спустил, какие — не знаю. Ну и ему, отцу-то, сразу там на мельнице и дало. Отец с мельницы приехал, говорит: «Катя — это маме-то — вынеси в анбар муку», а сам рассказывает: «Выгребаю из ступы, прямо в мельнице ветер заходил, шалью хлестнуло по лицу — там висела, — так вздохнул, а во мне как ребенок повернулся». Наладил их старик (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 332. Свадьбы портили, если не приглашали их, колдунов. Молодые не умирали, а жить не жили. Делались волкам колдуны. Ены бегали, как собаки. Бывало, застрелят, а в волчьей шкуре-то и человек. И еще портили поехали к венцу, и сделали [колдуны] весь поезд волкам. У нас старик был, у него остался клочок волчьей шерсти для памяти. Рассказывал, как жили они. Есть-то хочешь, так к волкам приставали. Была семья у нас богатая. Стал сын жениться. Свадебный поезд снарядили, поехали. А ехать мимо речки. Так каждый, скак приедет к речке, остановится, ж... помоят и едут к венцу. А кто с холма это видел, ухохотались. Вот какую насмешку могут сделать (Новг., Старорус, Хорошево, 1990).

№ 333. Был случай один. Вот была одна бабка, померши она уж, а раньше с ней было-то, как венчалась она. Парень был, гулял с другой, а женился на ней. Ну, волховитку надо найти. Ну, вот повели под венец их, ну, вот стали они под венец. Они посмотрели друг на друга и вдруг побежали в разные стороны. А венчались они в воскресенье. Ну, ловили их, долго ловили. Поймали. Народу-то много в воскресенье в церкви. Она-то, невеста, болела долго и скоро умерла, а он жил долго. Вот как делали. Они друг на друга поглядели, как будто волки. Ей кажется, будто он волк, а ему кажется, будто она волчица. А потом отошло. Вот как свадьбы-то портят (Новг., Старорус, Котецко, 1990).

№ 334. Говорят, на Чистый четверг на клюке бабы здят, колдуют. Ездили, портили двора, молоко отнимут. От этого осиновым колышком подпирали, и ничего она сделать не сможет. В Чистый четверг никто не ходили, ничего не давали ворожбее себе за пазуху. Говорили, ворожбеи могут собачью свадьбу сделать. Ехала свадьба, а вдруг собаки появились (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 335. Сватаются, ну, вот возьмет жених сватов и пойдут свататься. Сговорятся тут же. Это сговор значит. И невеста смерит избу жениха, приданое шить. Бывает, что другие женихи перебивают лапу. Значит, один сосватает невесту, а другой возьмет и перебьет его. А бывало раньше, что свадьбы пор-тили; Вот перебьют невесту, а бывшие сваты-то и рассердятся. Ну, вот поедут венчаться, а обратно нет никого, все в волков превратятся и спрыгнут с повозки. А то такие бабки были. Вот едет поезд, а она какой-то клубок под лошадей бросит, все люди соскакивали и волками в лес убегают. Да когда это было! При царе Косаре. Говорят, что убьют волка, а там платье подо низом шелковое. Это, може, навры кто (Новг., Старорус, Кривее 1990).

№ 336. Говоря, человек можа в медведя превратиться, ват и перевертух. Надо через коромысло перевернуться да еще слова каки-то знать, и медведем станешь.

Вот один, он перевернулся как-то через коромысло, ли через батожок, а сноха как раз в печку житники садила. «Не трогай, — он говорит, — мой батожок», а она его пошевелила как-то, он и не смог вернуться.

А раз медведя убили, шкуру сняли, а у него туша человечья. Это он перевертыш и был-то. Он хотел соседа богатого коров задавить, вот и медведем перевернулся. Говоря, много медведей убивали, на которых ремень да топор в натопорне надеты. Это все перевертыши-то ране были (Арх., Пин., Городец, 1985).

№ 337. Колдунья заколдует — и он оборотень. У водяного тож приворочено бывает. Больше в медведя оборачивает, особенно парней, девчонки - в птичек. Зла-то он [оборотень] не делает, и срок у его тож свой есть. Обратно будет, когда кто его сможет полюбить в таком виде. Он весь срок таким пугалом будет бегать (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 338. Еретики, они читают книжки и друг от друга перенимают. «Водят они как-то. Теряют дорогу человек, не видит домой попасть и потом болеет. Запускают чё ли. Бог их знает, чё они там. Как они, чё они делают? Словами, раньше чернокнижье како-то было. Раньше медведями ходили да волком бегали здесь, еретики-те. У нас папа даже видал. Вот это знали дак. Волком оборачивались, обертывались. И медведем ходили. Было раньше это, верили. А сейчас верить не стали и сами — шишки.

Триха Водчиных был - тот сущий еретник. Он оборачивался волком. У нас папа говорил, 93 года он умер, папа. И здешны, местны мы были. И тот местный был (Коми, Усть-Цил., 1987).

№ 339. У папы на глазах человек в медведя оборотился. В воды вошел человек, а вылез медведем, в лес ушел и сказал одежды его не жгать. А они сожгали, он и остался медведем. Он пояс только не снял. Пошел в стадо, коров задрал, какие люди ему неприятность сделали. Его убили, а на нем ремень.

А дедко раз говорит: «Бабка, ночью ногу на меня не закидывай, будет медвежья нога». Она-то как-то накнула, и правда, наутро нога медвежья (Арх., Мез., Усть-Пеза, 1986).

№ 340. Маленькие — это чертенята. Одна женщина с ними зналась. Ей их надо было сдать. Она другой женщине корову продала, а та к ней приходит потом и говорит: «Я у вас купила коровушку, а она со двора-то к вам бежит». Та достает палочку из-за трубы и дает гнать корову. Палочка така с узорами. Ей нужно маленьких сдать, а маленькие-то на палочке. Говорит, никуда не клади, засунь за трубу. Им работы-то надо давать. Одна семя льнянно на двор выбросит: «Подберите все!» Или пеньки в лесу считать, или веревки из песка вьют. Не дать работы, они шалят. Бывало, ночью пол выбран, все раскубырят, утром все как есть. Чтoб их сдать, в поле хорошую вещь вынесут и скажут: «Стерегите». Если кто возьмет, ее маленькие к нему перейдут.

С виду они всяко покажутся. У одной женщины они ночью возились и в ведре с помоями утонули. Она утром приходит, а они в ведре плавают, маленькие, как мышата, утонули (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 341. У этих ворожей есь маленькие, наверно. У нас был такой старик, все ране коров пас, у него медиа труба была. К земле наклонится и закричит по-своему, и все придут, и буренки, и пеструшки. Так у его были маленькие. Есь маленькие, так и из-за леса достают скотину, если за лес ее уведут. Им работу дают, какую хошь. Кидают работу, чтoб больше была. А не дашь работу, они тебя затерючат, жива не будешь.

У кого есь, они сами знают, как от них избавиться. Есь платки кладут на родник. Раз платок взяла, так и примешь маленьких. На платок их кладут, платок свернутый как следоват.

Раз тетенька пришла на родник, а там шалинка нова с кистями лежит. Она ее взяла, так потом целый месяц домой не ходила ночевать. По ночам в избе ломота, свет горит, изба полная, пляшут, поют, в гармонику играют. И она уж сама не своя стала, черная вся. Вечером к избы подходит, а заходить боится.

Есть у людей и есть люди, знают, как избавить. Они ее и научили, чтоб она шалинку снесла назад. Говорят, ступай к колодцу, сверни ее, где была лежала и положи. И скажи: «Вот кладу на ваше место ваше добро. Три раза скажи». Она и снесла. А там ей голос: «Хватилася, догадалася!» То они с шалинки уходили. «А то б тебя сегодня не было». Они б ее задавили. Она после того и говорит: «Вечером к себе ночевать пойду, а то соседке уж надоела».

И еще про одну говорили, что у ей маленькие были. Покажутся в красных шапках с торчками. Живут-то они при ней, и держит их при себе. Делать-то все и помогают. Сядет есть, а она по три ложки под стол. Стану мыть, смотрю — ничего нет. Кормила она их. Только с худым словом крестилась, за стол не крестясь садилась (Новг., Пест., Ельничное, 1986).

№ 342. Один инвалид был, без руки с войны пришел. Говорят, что он знался. Все косить ходил, левой рукой косит, сметывает. Ходит, в лесу один разговаривает. Шли они с одним заготовителем пешком и заспорили. «Ты, — говорит [заготовитель],—ничего не знаешь, все врешь». А он взял напустил. Набежало каких-то маленьких, в лужу поставили, каких-каких ни набежало, всего обрызгали, грязью запятнали. Весь мокрый был.

Или, говорит, сморочил он меня, или напустил. Есть какая-то сила. Году в пятьдесят восьмом было. Теперь инвалид уж умер (Волог., Белоз., Георгиевское, 1988).

№ 343. Дедушка рассказывал, Тарас был бесованный. Они выпимши были: «Покажи солдатиков». И они с крыльца спускаются, сорок, все маленькие, одинаковые, в темных костюмах. Их, солдатиков, кормить надо. Так же едят, как люди, они все кушают.

И еще про одного говорили, он шишков знал. Попросили, чтобы показал. «Только не испугайтесь». У всех синие короткие штанки, красные рубашечки, стоят шеренгой, как маленькие человечки, пятьдесят-семьдесят сантиметров. Они как будто скачут, а не ходят. А как приказал-шум да ветер. «Я их в лес пошлю, они ходят, хвою считают. Им надо работу давать. А как надо, я их позову, так вихрь идет».

Тут один у нас умирал, никто не берет у него сотрудников. Они метают его с крыльца, не дают они умереть, сотрудники-ти

Один мужчина говорит, на вецерики хожу, а меня девки не любят, только отциркавают. А один мужик ижемской приехал, пойдем, говорит, в баню, сделаю так, что любить будут. Пошел я в баню, а там, осподи, собака какая! Пасть-то открыла, ахит. Он мне и говорит: «Кинься собаке в ахит». Он кинулся, и у него птичка на плече стала, так с птичкой и ушел. Пошел на вецорку, а девки все равно меня не любят. Только на плохое все тянет: корову свою задел — у нее кила выросла, зоб-от. Корову испортил — еще птичка на плече стала. Собаку свою испортил. Ну, думаю, мужик-то этот скотина, бесей мне напустил, бесям меня науцил. Хожу, терпеть не могу, все кого-то испортить хоцу. А не могу цужих-то испортить, только своих испорцу, и птичка прибудет. Потом накупил пряников, заставил бесей пряники пересчитать. «Сейчас — говорит, — приду». Они ведь крепят, они ведь не отстают от него. Дал им работу, а сам к старушкам пошел, пал на колени, «прости, — сказал,— осподи, мужик меня науцил». Посмотрел в окно, а беси-то горят в огне (Коми, Усть-Цил., Пачгино, 1985).

№ 344. Как-то мой Леня пришел ночью во двор, на ферму, коров проведать. Обернулся, смотрит, стоит парень, красивый, молодой, в костюме, в шляпе. Леня ему говорит: «Ой, откуда ты взялся!» Тот обернулся и пропал. Тогда Леня понял, кто то был и говорит себе: «Господи, да покажись ты мне еще хоть раз!» Потом тот же парень к нам домой приходил. В деревне-то этого не знают, я уж в деревне-то этого не говорила, тебе уж только вот скажу, ты ведь человек приезжий, образованная. Опять молодой, красивый, как портрет. Стоит у двери молча, ничего не говорит, потом пропал. Незадолго до того мы у бабы Фени были, она нам коровушку искала. А она с маленькими зналась. Одного из них она-то, наверно, и прислала, чтоб проверить, все ли мы сделали как надо (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 345. А они, как вот когда покажется таким, как мы человеком, когда собакам, когда кошкам, кому как. А вот что маленьким звали, и не знаю. У бабки Фени-то были, так их

Гараська, Климка да Трофимка звали. Один раз батька-то у Фени заболел. Меньшая девка-то его кормить не стала, одни колобки грубы. Так он и напустил на нее. Когда она в коридоре была, подошел к ней, сапоги красновские, с галстуком: «Ксенья, дай мне твой перстень». А она ему: «Не могу, дареный». «Ну так и у меня дареный, давай меняться!» Да как начал хватать его. «Тягька, тягька, заступись!» А батька: «Давай, Гараська, силь ней!» А уж когда закричала дурным голосом, так уж и сказал, что хватит (Новг., Пест., Ельничное, 1986).

№ 346. Вот которы знают ся с им, с бесом-то, дак оне тожо, видимо, каку-ту службу несут. А как жо! Че-то оне дарят лешому-ту. Это черту-ту.

А один мужик сказал, что я сорок зайцох седни заловлю в петлю. Вот посмотри, с кем-то заспорил, заспорил. Он, видимо, шибко лешака загадал. И вот оне все 39 нашли, а етот, лешой-от, зайца гонит в петлю-ту. Ишо загнал. Мужик подошел. (Он ему по носу, дал, так и нос слетел. Вот так, слишком большую задачу дал лешому-то (Перм., Соликам., Харюшино, 1989).

№ 347. На Чистый четверг колдуют. Соседка у нас была, так она колдовала. Вот пошла к своему соседу и хватала навоз с подворотни, чтоб скотина изводилась. Не успела, сосед поймал.

Вот если глаз плохой, не у каждого это, и делают воду и камешки с бани берут и угольки, на гада, и солицы посыпят и ложки моют в этой воды. Воду делают от глаза и от укуса; коров, бывает, жагает гад.

Вот у меня сын был маленький, я ходила на уколы. Иду с той деревни, куда замуж была вышедши, с Труфанова. Иду по берегу. Идет бабка старенькая, а я так быстро иду. А вот что она подумала? Я пришла домой, мне стало плохо, стала кричать от боли, мне уже кости ломает, голова болит у меня. Вызвали медика. Я кричу, мне все плохо. Медичка жила у бабы Кати, а она умела делать водичку от сглазу. Сделала и говорит; «Помойте и спрысните и дайте попить». Помылася я, спрыснули со рту, от неожиданности и прошло у меня. Вот как бабки помогают. Может, они скажут и три слова каких, а сразу помогает и сделают (Новг., Старорус., Котецкое, 1990).

№ 348. Сглазили меня однажды. Ездил я в Русу, приехала я с Русы, и сразу у меня все заболело. И врач приходил, и ничего. Ну, потом отговорили. Ну, это вот женщина со мной в автобусе ехала и прямо в глаза мне что-то сказала. А я вот до сих пор, как про ту женщину вспоминаю, дак зевать начинаю. А она мне прям в глаза так и сказала, а что сказала, дак я этого не скажу.

А по всякому сглазить можно. Бывает, что подумают про себя, а бывает, что в глаза скажут. А чтоб не сглазили, детей, моют всегда (Новг., Старорус., Кривей, 1990).

№ 349. Мой муж говорил: не развести меня никому, колдовства нету такого. А мать развела. Принесла мяса с запахом. Сварила, меня позвала. А раньше никогда за стол не звала. Я и поняла. Запах-то нехороший. Поела. И стал муж на сторону ходить (Волог., Белоз., Плосково, 1988).

№ 350. Один раз я пришла из бани. Платья косила безру кавы, сыну дала грудь, а тут сосед пришел, а у меня грудь была бела, он и оприкосил. Грудь заломило у меня всю. Церный человек, прикосливый. А у меня свекровь ножницыхватила да с малицы * с заду лоскутхватила у него. «Переял мою невестку», — говорит. Он и признался. Тут мне и легче стало.

Прикос, это обдумывают как, съедят как человека, оговорят, он и заболит. Одумать и целовека могут, и корову, оприкосить. Подумат кто: «Во как работат он ловко», вот и одумат (Арх., Мез., Усть-Пеза, 1986).

№ 351. Доспешка: идешь, спешешь, проступисси, поскользнесси — заболит. На меня напало — одна напустила по ветру, и пошли волдыри. Иду с фермы, идет женщина, она зла на меня. Я бегу, говорит: «Фу, красна рожа, когда ты сдохнешь, тебя и смерть не возьмет!» Я пришла домой — не встать, пошли волдыри. Кой-как сошла до бабы Фени. Баба Феня говорит: «Ночуй у меня. Уснешь сразу — легче будет, а нет — то все». Наговорила на красное вино. Утром просыпаюсь — легко-легко сделалось, как что-то развязало. Она мне на

дорогу наговорила на соль, и в тряпочку, и туда уголек. Третий наговор приняла к ночи. Все волдыри куда-то делись (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 352. [Тетка-соседка пришла к рассказчице и засиделась]. Я не могу лежать, она спати не ложится и домой не идет. Я и легла, пристала. А тетка-то: «Ксеньюшка, меня спровожай». А я говорю: «У меня есть сну-то». Она как ушла, я глаза расчеперила, до утра никакого сну нет. Она пришла утром спроведать: «Ну, какво спали?» — Я говорю: «Ты ушла, я не засыпала». — «Ха, ха, ха, у тебя не бывало, у меня ночевало». И больше после этого все стала каждого провожать (Коми, Усть-Цил., 1987).

№ 353. В Карпогоры сын поехал, я говорю, там люди знатки, не испортили бы. А он потерялся. Дядя говорит, хочешь скажу, где сын-то. В таз воды налил, а там река течет, и в кустах труп-тело лежит. Знаткой был дядя-то. Знатки от исполоха лецили, от кроволития. Кто завидит, если глаз нехороший, дак скажут: «Ой, чародей!».

А я ведь на добро. Когда делаешь что хорошо, дак скажут: «Чур, чужа дума! Чур, моя кровь худая!» или: «Чур быть!», «Чур, осподи, быть!» В час надо сказать (Арх., Пин., Остров, 1985).

№ 354. Митька Бегун с Ефремова, он ходко бегал горазд. Идет раз парень с гармонью и с зонтиком. Митька ему говорит: «Не боишься, что обкрадут тебя?» Парень посмеялся, а потом парня приперло, надо было ему в кусты. Митька говорит: «Давай гармонь да зонтик». Парень отдал, а пока ходил, Митьки и след простыл. Так и остался ни с чем.

Конь развалился на дороге, бабам было никак его не Поднять. Митька идет, говорит: «Что ж ты лежишь, баб мучаешь?» И конь встал в момент. Только узду накиннули и пошел (Новг., Старорус, Хорошево, 1990).

№ 355. Шла я как-то к празднику, да у Марьи спрашиваю: «Ты идёшь?». А она: «Мни не к празднику итти, а глаза завязать». Вечером пришла домой, Кольки [сына] нет. Не сидится», пошла к мужниной сестре. Потом Колька пришел, уж совсем поздно, и рассказывает, был на поле, а в лесу како поле? А он говорит, на поле ходят коровы, все выслежено, темно кругом и только один огонечек горит. Ой, по мни мороз! Я ему говорю: «Ты зашел да постучался бы». Я колотился, да она не открыла, а кто она — не знаю. Потом пришел к Кевролу, об дерево сломал лыжу. К школе подошел, постоял, потом решил, домой пойду. Так и шел на одной лыже. Дошел до лесу, думат, пойду к дяде Павлу. Пришел в Киглохту, смотрит, на лавке баба-покойник лежит. Повиделось, говорит. Ой, по мни мороз! Домой пришел потом. Во как ходил, из-за той все бродил, что глаза-то, говорит, завяжу (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 356. Раз Наталья у одной жонки платок попросила, а та ей не дала. Вот у них и заболела корова, пена ротом идет. Пошел мужик к Александре Губиной, та и говорит: «Испортили корову, спорченная корова, Наталья спортвдш. Надо у Наташки кровь из носу достать, чтоб наладить». Пришли, а как сразу драться, надо скандал завести. Заговорили: «Наталья, ты-все портишь». А она: «Ничего не знаю» — «Нет, знаешь! Мы ходили к Александре Губной, она-то сказала». Наталья тесто из квашни уведет, не то, что спортит. Не знаю уж, как у их дальше-то было. Она потом чем-то поила корову (Арх, Пиц., Киглохта, 1984).

№ 357. Жила рядом старушка, она все портила. Раз коровы хвосты* заломили, никак не можем достать: к ее дому придут, рычат, а домой не идут. Мама пошла к колдуну. Он поговорил в узелочек и говорит: «Утром перекинь через дорогу до всхожего, через то место и пройдет тот, кто спрятал». Колдунья-то и побежала с кошелем. Говорил, что с ней на тех сутках что-то делается. Она и пропала среди лета (Арх., Пин., Айнова, 1984).

№ 358. Когда, пережинаешь в крест, полоры, бегают женщина гола, спорынью * оббирает. Это просто женщины делали, чтоб пережать, чтоб хлеба себе поболее сделать (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 359. Церт зна, что у ей: немотишша ль, икота лы Я тоже позевкана,* стирать не хотела, поручена * была. Я и карасин пила, и шкапидар пила, и моць свою пила, а потом

прошло* и теперь иногда отпрыгается. Подарила мне [одна женщина] рубаху портяну* белу, да, видно, пожалела. Я почувствовала, назад отнесла (Арх., Пин., Веркола, 1984).

№ 360. Крышу крыли, а мужчина захотел пописать, с посома * и пописал. А, тетка какая-то видела. Она сказала; «Нельзя!» А он только посмеялся. Тогда она сказала: «Ничего, найдешь!» И он распух. А потом и правда, нашел эту тетку, она его и вылечила (Новг., Дюбыт., Лупово, 1986).

№ 361. Девчонку одну бабка научила, как порчу навести. А она решила попробовать, получится ль у нее. Пока за столом сидели, и заболела скотина. Пошли за дедом, который снимал. А он и говорит: «Куда ж я пойду, когда у вас свой портежник в доме». Так и не стал брат знаться с сестрой после этого (Новг., Старорус, Хорошево, 1990).

№ 362. Икота *— болезнь така. Болеет, болеет человек, а потом заговорит. У кого говорит, у кого матюгается. Икотмицы напускают. Говорят, кака-то муха, вроде муха в рот залетела. Сначала-то запозевают, запоземают, потом заревут, заматюкаются. Говорят, икота ревет.

Икота на ту же букву заходит, на како имя. Если ты Александра, а ты Анисья, может прийти.

Один мужик икоту спустил. Женщина вином торговала, а ему не дала, и он ей зло поимел и икоту спустил. «А будешь ковшом пить и не рада будешь»,— сказал. И с тех пор пока она вина не выпьет, ничего делать не станет. И кричит икота: «Вот как мы погуляем!» Сама икота кричит.

А жонка болела с головой, говорили, что икота тоже. Она дойдет, пойдет, и вот слезла в колодец и кричит оттуда. Как она не упала, не вымокла! Мы долго в колодце воду не церпали. Вот сядет кушать и говорит: «Ой, нисколько еды нет», — а сама ест, ест...

Чтобы узнать, кто икоту посадил, напойт блевотными травами, а как попросит пить, скажут: «Кто у тебя батюшка?». А икота скажет, кто, так вот и вынудят, и узнают, кто у икоты батюшка, либо матенка кто насадил то есть (Арх., Пин., Слуда, 1985).

№363. Одному была посажена икота. А было так. Дядя у его, так говорили, что икотник. Он решил это проверить. Пришел к дяде, наливает пива и думает: «Прочитаю воскресную молитву— не выпьет». Так и было. Дядя узнал и посадил ему икоту.

А еще один тут был... Пахал, а конь испугался. Он излешакнулся, или исчертахнулся, икота и зашла к нему в рот. Говорят, это лешачихи привязали ему икоту. Надо на рубаху воскресную молитву начитать (Арх., Пин., Засурье, 1984).

№ 364. Икоты садили. Мой дядя не сшил Андрею Антоновичу сапоги, и Андрей посадил жене его икоту. Она шла, коров гонила, да к ней муха в рот залетела, а дома сажа налетела, а она заревела, закаталась. Вызвали тут урядника, а она говорит: «Вы бы позвали Андреюшко голубанушко, хоть бы привели его». Вот ведут его да что-то разговаривают. Да она как бросилась ему в ноги: «Ох, Андреюшко, голубанушко!» Не знаю, что он сделал. А как он умирал, говорят, он никак не мог в больнице умереть, умер в пошевнях* (Арх., Пин., Немнюга, 1984).

№ 365. Раньше у, нас был один икотник. Одна жонка пришла в гости, посидела и пошла, а другая провожать пошла, в рубашке, озябла, сказала: «Ой цомор* с тобой, как я озябла!» Сказала, и икота пришла в ей. Она сама говорит, а в ей икота говорит, реветь начала. Говорит: «К Степану перейду», потом: «К Александру перейду!» Оба потом померли (Арх., Пин., Кушпокала, 1984).

№ 366. Когда корову шишки доводят или пропадет корова, то три креста рябиновых ставят на росстани и задом катятся. Надо шишкам все пути-дороги закрыть и звать их. Кричишь, кричишь: «У-у-у! У-угу! Все вы и банные, и рижные, водяные и болотные, полевые и озерные, лесные и местные и все, все, все...» Всех их надо собрать, а потом сказать: «Я закрываю вам все пути-дороги». Корова и найдется. А потом кресты надо обязательно снимать, а то будет плохо. Шишки затирюшча тебя, покою не дадут. Когда кресты ставят, надо ни о чем не думать и ни о чем не говорить. Люди, которые кресты ставят, очень тяжело помирают (Новг., Любыт., Своятино, 1986).

№ 367. Это мать пела сыну. Сын уезжал, бросил жену да двоих детей. Свекровь моя и пела: «Белый чад,* кудрявый чад, пади, мой чад, не на воду, не на землю, пади, мой чад, сыну на сердце. Ни запить, ни заесть, любовью не залюбовать. Ау! едь домой!»

Печку затоплюю, как дым пойдет, туда и кричишь, как первый дым пойдет: «Сын мой, иди домой!» — три раза. «У-у-у». Воротится он! Еще чтоб воротился, где крестовая дорога, свечи уж ставили (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 368. Спиной, задом в рекрута ребят выводили. Спиной против матицы. Отец, помню, повернул, поставил солнышком, чтобы лицом к дому, чтоб вернулся (Волог., Череп., Большой двор, 1987).

№ 369. В каждых сутках есть пухлый час... Три часа пухлых бывает. Пухлый час, когда всяку худобу навести могут. Она в пухлой час сказала: «Унеси тя». Особо эта байна в пухлый час давит, много людей умирает... Шишко в пухлый час появляется, это 11—12 часов ночи (Коми, Усть-Цил., Загривочная, 1984).

№ 370. Проклянутый час в двенадцать ночи и в двенадцать дня; шесть утра и шесть вечера. В эти часы опасаться надо, выходить благословясь. Эти часы накрянуты* [е]. Днем тоже бывает неурочный час, нельзя детей ругать. Если обругать: «Беги, беги!», еще черта или лешака помянуть, то убежит и больше не вернется (Новг., Пест., Ельничное, 1986).

№ 371. Ой, девки, расскажу, как слухать ходила. Я сама маленька была. Вот пришли мы в избу. Девки-от мни и говорят; «Глаза закрой». Сидим, слушаем. Однысь слышу: чегой-то как залалайдало,* и бубенцы зазвенели. Ой, девки, испужалась я! А потом, немного погода, свадьба в деревне нашей была. А на свадьбе старуха стара была. Дочь-от ейна домой пошла, а ю на свадьбе оставила. Старуха стара да выпимши, да и упала с лестницы, а там кол был. Да она об энтот кол да и стукнись. Да и померла. Четыре дня на морозе лежала, думат, отойдет. Ан нет. Старуха померла, да и счастья в семье энтот не было. На свадьбе горе, и всю жизнь невеста промаялась. Вот-от послухали! Стук — дак старуха померла, разбилась, а бубенцы—дак свадьба. Так-то от, девки, замуж выходить! (Карелия, Медв., 1979).

№ 372. В Святки я не ходила, а другие ходили, что там было, Бог их знает. Я только раз, девятнадцатого января, с Собакиной мы ходили. Вышли на назем,* а Собакина круг оцртила, мусор на веник положила, я села на чепурочки,* а она начала говорить: «Церти бо церти, по закруги три церта, а в круге нет никого. Стань, гора каменна, от востока до запада, чтобы ни пройти, ни проехать злomu ворогу. Святоцки-святоцки, окаянные вецeroцки, скажите сущую правду!» А дальше говорят, на что гадают. Придет ли жених или что другое.

Вдруг в хлеве хлопок. Настасья бежит и кричит, что поросенок в хлев полал. А он не мог там быть, дыры там не было. А летом у них, у Собакиных, один мужик в лошадь топором влелпил (Арх., Карг., Хотеново, 1989).

№ 373. Гадали, на Новый год гадали. Вот мы пошли с подружкой-то на перекресток снег-от трясти. Фартук так одели и пошли-от. Ёна мне снегу поклала в фартук-то, круг очертили, снег-то трясти стали. Ой, мы тогда испугались, ой испугались! Слушали-то, а где-то далеко-далеко будто кто крыльцо скоблит. Звук-то такой, как крыльцо скоблят. А мы-то испугались и ну домой! А того году у нас умер тятя, дак вот как гроб-то делали, дык доски так вот и скоблили, и звук такой-то и был. А мы-то и не поняли и убежали. Вот если песни где поют, значит замуж выйдешь в этом году. Обязательно надо к Новому году идти на перекресток гадать и круг очертить, а потом в фартук снег трясти. Ну вот я-то батька протрясла, вот никак и не забуду (Волог, Череп., Заречье, 1987).

№ 374. Когда гадаешь, зеркало натъ навести на свечу. Антошка Андреев посмотрел в зеркало. «Ой, — говорит, — какой синий мужик!» — и бросил зеркало. Домой пришел, заболел, две недели поболел в Карповой, и чудилось ему, говорил, вот как девки-то пляшут. Поболел и помер (Арх., Пин., Кушкопала, 1984).

№ 375. Потом еще гадали. Мололи, в жерна кидали иголку и мололи в жернах. От она, до чего домелешь, она выговаривает, как человек. И имя выговорит или там вот что даже иному на три буквы. Три буквы только и говорит.

А потом гадали... этую... на сковороду, оборачиваем другим, бумагу стискиваем и жгем. Зажгем вот и к стенке. Вот бумага тоже хорошо показывает. Если уж которому бугры — или кресты будут. Вот моему сыну, бывало, два года все время гадал, и все время кресты — бугры, кресты — бугры, кресты — бугры. И вот видишь, зимой вот так и получилось, умер он (Новг., Старорус., Рукаты, 1990).

№ 376. А частокол, это и сейчас меряют. И я своим все рассказываю, как гадали. Говорю, идите, Новый год, хватайте частокол. Если попарно схватите частокола, то женитесь, а если непопарно, то не женитесь.

А еще гадали знаете как? Кокору * пекем, кокору, ну, хлеб раньше в квашнях пекли: муки да затворить. И вот кокору такую пекут, и эту кокору на голову кладут, в коляду, и бегут с этой кокорой по деревне. Если попадет парень, то замуж выйдешь, а если попадет мужик или женщина замужняя, то не выйдешь, а молодая там девка, то гулять будешь. Вот как-то сидим мы. А в деревне такая вот была Вера. Схватила кокору-то и бежит в шубке. А у нас Леша такой сидел, рядом сосед. Мы говорим: «Леш, погляди, Вера-то бежит с кокорой». Он ей навстречу. Она под горку, на речку. На реку прибежал он, ее нагнал, кокору-то взял. Она: «Ну вот, Лешка отобрал у меня кокорину, давайте, девчонки, все съедим эту кокорину». Девчонки-то уж тоже на реку прибежали. Разломали они эту кокорину, съели. Вера и замуж за этого Лешку вышла. Вот как хорошо гадали (Новг., Старорус., Рукаты, 1990).

№ 377. А знаете, я расскажу вам, как гадали девчонки, снег пололи. Вот Святки начинаются на Новый год, вот все девчонки: «Пойдемте снег полоть!» И отправимся, надо иттить на перекресни, где вот дорога идет одна туда, другая сюда, на перекресток. Одна нарывает * снег задом, подолом, другая эту но!, но! — ногокает, погоняет, снег в подоле и сунется. Где собака гымнет, туда и замуж выйдешь. Ну, хохочем, хохочем, но мне нигде не давалось, чтоб собака гымнула далече. Ну где ж я б услышала, если далече, ну куда-нибудь вдаль выйдешь. Мне все говорили, что вдаль выйдешь.

А потом ходили еще камни кидали в пролубь. Вот высечем в речки там пролубь, возьмем камень в байни, с каменки, горячий, и когда его в эту пролубь, если зашипит этот камень в пролуби, шумно будет, значит будет злая свекровь, шипучая будет. А если там на мужика — шипучий, будет шипеть. А если не будет — значит хороший, ласковый. Темно ж в байне, выбираешь какой-нибудь камешек, да чтоб поглаже, чтоб не зашипел, ну вот и кидаешь в эту пролубь.

На богатки* вот на Ивана гадаем. И мальчишки вот у меня гадали нынче. Иван Купала-то седьмого-то июля, богатки. А вот такие цветки, их мало, на таких на сухих местах, на пригорках. Принесешь в избу, за матицу заткнешь и вот загадываешь. Если распустится, то уж как загадаешь. Если не распустится, та я выйду замуж, а если распустится, то я буду цвель так.

И ребята наши гадали. Вот почесаться перед зеркалом, поклониться, и возьмите поставьте водички и свою расческу по-ложьте, вилки вот так поставьте. И суженую свою позовите, чтоб пришла. Вот зеркало положьте под подушку, родные мои.

Вот легли, диван-то разобрали. Геша был и Вася.

Легли и погадали. Геша, он никогда не ругается, как начал ругаться во сне: «Уйди, уйди, уйди!» Я рот затиснула, чтоб не разбудить его. И Вася что-то забормотал. Наутро им говорю: «К вам суженые были пришотцы, девки». От Геша и пристал к женщине, к замужней и с мужиком. Он и говорил: «Уйди!» Все так и пришлось.

А еще вот. Может, вы так тоже гадали. Угольки пускали в воду. Большую миску, в миску нальем воды, напишем имена мальчишек. Вот на миске по краям наклеим эти имена на маленьких бумажечках и раскручиваем уголечки, два уголечка. Да вот воду крутим, крутим, кидаем, у какого имя встанет, то это мой суженый. Два уголечка, один поменьше пустишь, это свой уголечек. Кто за кем гоняться будет, ты за ним, али он за тобой. А воду все равно раскрутить надо. Раскрутишь, раскрутишь, болтаешь. Вот так.

На сухрестках тараканов ловили. Выпустишь тараканов, кружишься за ними, кружишься на сухрестках-то. Закружишься и бросишься в снег. Лежишь, слушаешь, где колокола звонят, в тую сторону замуж и выйдешь.

Или так. Бумагу зажжешь, что будет мне в году. Замуж выйдешь иль помрешь. В другой раз правду. Другой раз венец выгорится, а кто помрет, ну вылитый гроб выльется (Новг., Старорус, Рукаты, 1990).

№ 378. Кум у меня был. Курат на самое Рождество он говорит, пошли, мол, в кучу весь мусор оберешь, в фартук, в подол насыплешь, трясти будешь, и загадаем. Вышли часов в одиннадцать вечера, вот стали и начали задумывать: — если я вот весело проживу, то гармошка заиграй, а плохо, так стукни что. Вдруг перед нами как разбейся что. Мы: «Чур полно!» Так полгода прошло, ему всю голову расколотили.

Спать когда ложатся в Святки, ляжешь спать, возьмешь спички, коробок и сделай колодец, потом спичку сломай и положи себе в голову. «Суженой-ряженой, приходи ко мне на колодезь за водой. Меня поглядишь и сам покажись, и попроси у меня крюка * сходить на колодезь за водой». И приснится.

Ловили камушки на Новый год. Вот побежали с беседы в пролубь, река неглубока, достанем: какой камень, такой и жених — гладкий или с уголками: И робята тоже побегут — кака жена будет.

А мы еще... Беседа у нас, приедут парни чужие на лошади. Подкрадешься, возьмешь веник, привяжешь веревочкой к саням и приговаривать: как этот веник пашет,* так и меня бы спахал с беседы жених.

В Святки на ложках гадали. Налъешь воды и на мороз вынесешь, чтоб замерзали льдом. Помру — так ямкой замерзне, а жить буду — так горушечкой.

В зеркало гляделись. Брали хомут. Украдем, еще с какой лошади — с жеребенка, которым случат кобыл. Берем два зеркала, таки квадратны. Становим этот хомут, в хомут становий зеркало в наш рост, второе — себе на левое плечо. Смотрим в то, а тебе покажется в которо на плече. Пришли мы в пугу избу — пятистенок.* Я только зеркало положила, мой жених сзад и подходит. Я рванула, чуть зеркало не разбилось.

Тоже мерили амбары, зайдем вот так, обхватываем бревна, кто сколько ухватить может, спрашивашь, за богатого или за бедного? За богатого — прислышится зерно сыплется, а за бедного — метелкой машут.

Олово на Новый год возьмем в баночку, раскипятим и в воду выльем, что там сольется.

Еще вот кучки из зерна делали: это моя, а это твоя. Пустят петуна или курицу, котору кучку перву клонет, чью, та и замуж перва.

В Святки бегали на росстани слушали. С беседы побегим, зачертяться * надо: «Черт из черты, а я в черту». То ухват, то сковородник возьмут, железом надо зачертиться.* Не зачертишься — черти уволочь могут. И еще кожу, шкуру помершую * надо. Усядутся на нее да и поедут. Там всех чертей соберут, хто чего прислышится. Куды замуж, там собачка залай, кому прислышится, кому-то не прислышится. Бубенцы — так тоже замуж выйдешь. Плохое — строгают, чего-то колотят. И расчерчиваться надо: «Я из черты, а черт в черту». А один раз девки очертились, сели на шкуру, а хвост-то за чертой остался. Черти-то за хвост и потащили их, едва в реку не утянули.

Снег пололи. Возьмем в задню полу снегу да и трясем, да и приговаривай:

Полю, полю я бел снег
За батюшкину за хлеб, за соль,
За матушкино благословленьице.
Залай, залай собачка
У свекра на дворе,
У свекровки на печке.

Это в котору сторону замуж виду (Новг., Пест., Малышево, 1986).

№ 379. Если я одна живу, да что повижу, надо обязательно людям говорить, иначе загнетут, ходить будут. Ко мне Лексей приходит, злой, страшный, сказал, через неделю снова придет. Я рассказала Настасье, а он опять пришел, с ножом на меня, через неделю, как

сулился. Во сне все было. Убежала, больше не пришел. Надо людям говорить. Это леший, дьявол приходит.

Случай был. В Святках женихов гадают. У ей в армии жених. Зимня комната назаде. Она трубу открыла, самовар согрела, начала жениха чай пить призывать. Топ, топ — идет, сапоги топат. Стала разговаривать, а разговаривать нельзя. Хватились ее, а она без сознания (Арх., Мез., Жердь, 1986).

№ 380. На Иван-день ходили искать цветов-невидимку. В двенадцать часов ходят. Один мужчина на репище* сорвал, да никак ему домой не добраться было, то на лес, то на реку ему указывало. Это его бес гнал. А как пришел домой, ему чуркой в стену стукнуло. В дверях от чурки след остался.

В двенадцать часов цветок этот расцветает, папоротник, видимо. Да не всем он покажется. Как принесешь цветок, невидимым станешь.

Про невидимку еще говорили, надо черную кошку сварить, да разобрать по косткам, съесть в бане, кости в зубы брать да в зеркало смотреть: как себя не увидишь, так и есть невидимка (Арх., Пин., Лавела, 1985).

О ЗМЕЯХ, ПОКЛОНЕНИИ СТИХИЯМ, КЛАДАХ И ДРУГИЕ (разного содержания)

№ 381. Легенда о змее из озера Игорьь.

Вариант I.

В Новгородской области, там, где наша деревня, это Хвойнинский район, есть озеро. Оно так странно называется — Игорьь. Местные жители говорят, что там похоронен князь Игорьь. И вот рассказывают, что возле этого озера, под Змеиным камнем — а камень есть и сейчас и так же называется — жил Змей. Жил он в пещере, выложенной разноцветными камешками. Теперь уж этих камешков не осталось. Их брали и клали под печку, когда строили новый дом. Но были они еще недавно, мой дедушка помнит их, видел. Люди из окрестных деревень должны были кормить Змея хлебом. Они возили хлеб к озеру в мешках, а Змей этот хлеб глотал. Стало людям тяжело кормить Змея. Вот и нашелся один человек. Он, наверно, был из деревни Дворище. Он насыпал в мешок не хлеба, а соли и отвез к озеру. Змей заглотил мешок соли целиком и захотел пить. Стал он пить из озера, пил, пил, опился и лопнул.

Вариант II,

Озер у нас много. Озеро Игорьь замечательно. Князь Игорьь тут воевал на озере. А что сопки — то братские могилы, и он там погиб, там и похоронен на озере. Есть другие: Долгенькое, Черненькое, Сокольник — там птюшки — соколы — были. И Падучее: то в землю уйдет, то снова наливается, год — есте, год — нету. Еще к Ямскому едешь — столобчик есте. Церковь там проваливши. И сейчас деньги в столобчик кладут.

Жил здесе колдун Иван Филипыч. Так умел колдовать, захочет — человек, умрёт, захочет — болеть начнется. Я его боялся, а ходил сказки слушать евоны. Дак он про змея много знал чего.

Не знаю, змей был, ой не, а камень есте. Мообуть 100 веков прошло. А гнездо — змей жил тама — есте.

Слышал от прежних стариков. Змей быу — метров пять высота, о двух головах, и евоно гнездо было, и яма, как дровеник, токо под землю. Туды оберался. Станешь на камень-скалу — там гнездо, далеко видно вода. Змей пегатой такой али седой, когда захочет с крыльям, с хвостом. А хоть бы его поглядеть. Старики прежни-те, мообуть, видели, а я не. Там еще болото, водяно гораздо.

Он, змей, у людей у мошенских кормилсы, у дворищенских. И раз якобы там ему хлебу дали и мешок соли всыпали, дак объелсы соли и стоко выпил, что лопнул и помер.

А пещера та долго была еще (Новт., Хвойн., конец 1980-х годов).

№ 382. А червоный змей — это маленькие червочки. Они собираются таким ремнем, треугольником. У них есь направляющий. Серебристые такие и ползут. Можно загадать на них, что сбудется в жизни. Напротив, куда ползут, надо разостлать белое, платок. Если пойдут на платок, счастье сбудется. Червоный гад это. «Давай, — Лёник мне говорит, — загадаем, магазин будет работать аль нет». Оны и не пошли на платок приходим, а магазин закрыт. Неужели правда сбилось! Их много, сантиметров до трех, четырех, друг на друге, светыщие, серенькие, розовенькие — красиво. Червоный, наверно, из-за этого, что красивый (Новг., Любыт., Ковриг, 1986).

№ 383. На Здвиженье* скопляются змеи все вместе и уходят в землю. Земляны в землю уходят, а летучи — кто его знает. Я раз видела на березе красной гребень, так мне сказали, что это уж. И с гребнем, как у петуна.* Меденица светленька, как рыба долгонька. А этого летучего, кто его знает, меденицу, говорят, разруби на кусочки, все прыгают. Если укусит, надо воды искать скорее, вперед ее. Она перва найдет — то ты помрешь. Эта светла, огневая такая, светная. Наговоры говорят от змеи: Я перва, ты втора; я третья, ты четверта; я Пята, ты шеста; я седьма, ты восьма. Девята белокаменна медёница, черна земляная, пестра подколодена, платяная светло-соломена гадина, зачем ты делаешь так, снимаю я ожогу с имя рек, кладу в ольховый куст, сосновый сук (Новг., Пест., Малышево, 1986)

№ 384. Змея така бывает, может обжечь корове вымя, и будет с кровью доить. Пестрая така. Я видела в лесу на кочке, а морда така длинная, клубком свернувши (Новг., Пест., Охона, 1986).

№ 385. На Здвиженье утром, если рано в лес пойдешь, все звери и змеи уходят в землю. Был у нас дедушка. «Пойду, — говорит, — схожу сейчас в лес, хоть прутышка поломаю». У него была шуба и белый балахон, раньше такие носили. Он смотрит, грудка кака-то лежит. Взял, грудку и зажег. А оттуда змеи. Он и бежать, оглянулся, вдруг как ударит что топором, в спицу. Он взял шубу и бросил и балахон. Ему говорят, да сходи утром за балахоном. Сходил, а он весь в дырках. Дырка обязательно будет (Новг., Пест., Охона, 1986).

№ 386. Пошел один мужчина на Здвиженье, глядит — черная куча, все змеи. Змеи рты разинули, понеслись — и на него. Хорошо, он пиджак кинул, догадался, а то так бы его и сожгли. На третий день пришел, смотрит, лежит весь пиджак в клочья разодран (Новг., Пест., Ельничное, 1986).

№ 387. Двенадцать сортов змей есть: и красные, и серые, и зеленые, водяные и межевые, и полевые, и дворовые. Если кусит гад, надо знать, какой, чтоб на этот цвет напасть, иначе ничего не сделать. Есть летающий змей, вересенница называется, в других странах такой бывает, такой же, только летает.

И день такой есть, двадцать седьмого сентября, Здвижев день. Был у нас чудо-пастух, Александр Михалыч, дядя мой, мне говорил, в этот день ходить в лес нельзя. Один мужик не поверил, поехал на лошади. В лес въехал — как ворота открылись, там шум, визг, змеи визжат. И ворота закрылись, и домой ему не выехать. Но как-то все-таки выехал и говорит: «Ни другу, ни недругу такого не закажу». Там все змеиное царство было. Наверно, и у них есть царь (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 388. Гады, змеи ползучие, в Здвиженье скопляются, ползут со всех сторон. В Здвиженье служба от гадов. В этот день нельзя в лес ходить. Тетка у меня была, раз пошла в лес в этот день, так только по своим следам вышла, иначе никак. И еще парень был, пошел в лес, в гонобольник.* Пойду, говорит, хоть гадов убью. А домой пришел — глаза кровью налиты.

Гады на зимовку в Здвиженье уходят. Вожак у них есть — царь-бог (Новг., Старорус, Хорошово, 1990).

№ 389. В праздник Здвиженья змеи сползаются, ищут себе норы, заползают под землю. А какая наверху останется, ту, значит, змеи не приобщили — у нее куцен человек. Попадают люди в змеиные круги. Одну бабку змеи так и затащили под землю за конец платка (Твер., Осташ., Городец, 1991).

№ 390. Служил солдат в армии, и пошел в отпуск, зашел в лес и увидел кобру. Постоял, поглядел на яю и ушел. Потом она стала к нему ходить, каждый день. Он стал бояться. Она к нему приползает, куда он ни пойдет. И он сдохнул и умер. И она пришла на могилу, на ней нашли ее мертвую. Это, видно, не змея была, видно, человек был (Твер., Осташ., Городец, 1991).

№ 391. Во время пожара беременной нигде нельзя ни за что подержаться на себе. А то, где схватится, там у младенца к след будет.

Пожар обходили, с яйцом, с иконой — неопалимая иконка. Куда яйцо бросишь, туда и огонь пойдет. Яйцо бросают, которое в Пасху освященное, чтобы тихий огонь был. Икону выносили Неопалимая купина, с лесенкой, с ребенком. Нарисована лестница. Куда иконку поставили, туда все пойдет. Или если ветер огонь несет на дом, то с иконкой обойдут — ветер переменится.

От грозы пожар молоком заливали, от черной коровы (Новг., Батецк., Черная, 1988).

№ 392. От молнии может и загореться. Молоком надо тушить. Дом с иконкой обходят.

Было. Метров двести гумно было, оно загорелось, ват на дом перекинется. Старушка обошла с иконкой — и ветер, повернул обратно. Она в этом доме и жила (Новг., Старорус., Ночевалово, 1990).

№ 393. Бедно мы жили-то раньше, нужда была. Дед говорил, вот поставили новый дом, переехали, радуемся, говорим: «Ну, теперь-то мы ушли от нужды!»—А она из угла: «Да я тут и есть» (Новг., Старорус, Чижово, 1990).

№ 394. Легенды о Денежной горке.

Баба одна утонула, в поле ее закопали. Дак, говорят, по ночам видели ее, пахала она каждую ночь. Дак вырыли эту бабу и закопали на горке и осиноый кол вбили чтоб не ходила. Осина проклята Господом, на ней Иуда повесился. Потом стали говорить, что на этой горке клады стали находить. Так и прозвалась — Денежная горка.

Ехали один раз из Ночевалова на Денежную горку клад искать, а там и быки, и волки разные, кричат, визжат. Так они со страха и вернулись домой.

Седьмого июля на Ивана ключок клада ищут. Пошли как-та клад искать на Денежную горку. А одна женщина не пошла, говорит: «Бог даст, так и в окошко подаст». Идут, видят, лежит собака мертвая. Говорят: «Давай пошутим», — ну и кинули той женщине в открытое окошко. А собака и рассыпалась на деньги.

Дедушке сон приснился, кто-то говорит ему: «Будешь ехать найдешь клад на Денежной горке. Тогда позови бедную вдову и вместе выроете сундучок с деньгами». Поехал он на Денежную горку и нашел клад, да только вдову жалка звать, позвал сына, чтоб все деньги им достались. Пришли, а там одна ямочка пустая—вот. И кто велит во сне — неизвестно (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 395. На Ивана Купала искали клады. Вот тут есть ручей, а в ручью курган, и привидение есть. То собака пробежит, то еще что. А она-то и есть этот самый клад. На кладбище ходили многие искать (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 396. Если ребенок залезе на стол, надь хранить его, чтоб не упал. Упаде, бывае, со стола, так его не наладить.* Говорят, столоватик возьмё его. Болеть буде, так не наладить бывает (Арх., Пин., Веркола, 1984).

№ 397. Вот, говорят, на стол сажать нельзя ребенка: упиры пристают. Начнет упрямяничать, кричать, выкручиваться. А нельзя ни класть, ни сажать на стол, никак нельзя. Вот говорят: «Упиры коло дыры». Надо к бабке вести, они все молитвами помогают (Новг., Старорус, Ивановское, 1990).

№ 398. В колодце, скажут, поздно вечером воду не берут, вода спит. И на реку поздно вечером не ходят, не полощут. Скажут: «Что ты, не ходи ты, ради Бога, полоскаться, вода спит. Испугаешься, покажется кто» (Арх., Пин., Сура, 1985).

№ 399. Раньше были кипуны * в лесах. Батюшко ходил и служил. Кипуны, из-под них воду несет, туды и служил. Лего-та оттуда приходит, здоровье. Больных ребят туда носили и лечили. Пятнице-матушке завечали и носили лечить к кипунам (Новг., Пест., Охона, 1986).

№ 400. Шла однажды женщина по деревне. Проходила она как раз по тому месту, где речка течет. Споткнулась она и нехорошо воду обругала. Стала она после этого сильно болеть. Старые люди посоветовали ей сходить к знахарю в соседнюю деревню. Он мог по нательному кресту распознать, какая у человека болезнь приключилась. Пришла женщина к знахарю, посмотрел тот на крест и сказал, что болезнь эта от воды приключилась. Обругала женщина однажды воду, вот и болеет. Посоветовал знахарь сходить на то место, где споткнулась эта женщина, и сказать какие-то слова, т. е. извиниться перед водой. Выполнила она все, что знахарь говорил, и с тех пор не болеет (Волог., Бабаевск., Малое Борисово, 1979).

№ 401 Хозяин поля стал хлев ставить, и вот он камень етакий порвал и палажил в стены в хлев. Вот етакий камень к стал во сне хадить и прасить, чтобы выбрасил етакие асколки вон: «А то я тебя накажу всяким наказом». Вот яво скот стал сдыхать, так он вынял етакие шматы [осколки] вон и снасил на тое места, где етат камень был (Эст. МК, 16, 593/17, 1937—1940 гг.).

№ 402. Камни, они растут. Уберешь камни с поля, все, нету ничего, чисто. А через год-два они снова из земли покажутся. Уж не знаю, как это, а растут камни, сам видел (Мурм., Канд., Княжая губа, 1972).

№ 403. Говорили, что если положишь камень на ночь, а он вспотеет, то, значит, вода близко, колодец надо рыть (Новг., Пест., Охона, 1986).

№ 404 Вот туча-то как подымается. Петро-то выпался, под вечер придет. Гремит, Бог-от ругается, работать не велят. Еще скажут: «Илья-Пророк на колеснице по небу едет» (Коми, Усть-Цил., 1985).

НАРОДНЫЕ СЮЖЕТЫ ХРИСТИАНСТВА

№ 405, Был такой святой — Нил Столбенский. Ен обет дал Богу, поселился на острове, построил каменный стол да цепью приковался. А как на коленях стоял, гвозди вбил, где коленки, чтоб не встать была Эсе молился. Теперь там монастырь. Там в Ниловой пустыни камень такой есть, след его там есть. Когда посмотришь с налета — не заметно, а приглядишься — и след какой: стоял он там, говорят (Твер., Осташ., 1991).

№406. Когда была я хорошая [здоровая], ездила в Обретенье все время к намастырю. Девятнадцатого июня Нилу Преподобному. Нил-то, родной наш, жил в намастыре, а потом на одиночество стал проситься. Он сам-то родом со Ржева, Святой такой был, ушел в намастырь. Проситься стал: «Отправьте меня в пустынь». Настоятель-то не благословил его. «Звери, — говорит, — дикие заедят тебя, беси искушать будут, загибнешь совсем». Нил-то тринадцать лет в Красухе жил, в часовенке, а потом удалился в Нилову пустынь. Намастырь там теперь. Бывало, всяк праздник туда на лодке плавали. Приедешь, а там с вядром стоят, деньги собирают. Вот так-то было (Твер., Осташ., Городец, 1991).

№ 407. Уезжаете вы, девки, я благословила вас. Благословение-то мое вы позабудете, а как плохо будет, так обязательно вспомните.

Вот был тут мужик у нас в деревне, не помню, как звали. В партию он первый вошел. А как вошел, так напасти на него всяки: сперва жёнка померла, потом дочка остыла зимой, тожы померла — совсем мужик один остался. А как на войну уходили, так его и проводить-то некому. Всех бабы, дети провожают, на улицу все высыпали, а он один стоит, некому его проводить-то. И вот подходит к нему старушка, старенька така, горбатенька совсем. Пожалела его и говорит: «Бедный ты, бедный! и благословить-то тебя некому». Благословила она его, дала псалом один, говорит: «Носи его, сохрани тебя Бог, святитель Николай тебе тоже поможет». И воевал он потом всю войну, и в плену был, и цел пришел. А в плену, он-то говорил потом, вся шинель у него в щелях-то, а пленных много было, идут они, гонят их, умирают много, кто там падет на дороге, кто что. А тот-то идет все, и ничего ему не делается, сам не знает, откуда силы-то берутся. Вот так и пришел он с войны живой, Не знаю, пошел ли потом в партию, не пошел, Бог его знает. А к бабке-то той, благословила

его старушка что, пришел и спасибо говорит. Вот я псалом-то носил с собой, вот Николай-то Чудотворец и помог мне. Вот такой он наш святитель Николай. Он путеводитель, он людей водит (Твер., Осташ., Городец, 1991).

№ 408. На перелеске жил мужик. Здоровый колдун был. Вдруг и заболел, и умер, милая. Вот жена и говорит детям, а у них три сына было: «Ступайте в деревню, чтобы похоронили». Вот двое поехали, а третий остался. Забрались они на печку. Вдруг у мертвеца рука отвалилась. Жена-то боится, она и говорит сыну: «Подними папенькину ручку, положи и скажи: «Папенькина, ручка, лежи. Христос с тобой». Сын так и сделал. Вот сидят они дальше. Вдруг у мертвого нога отвалилась. А страшно. Жена опять говорит сыну: «Подними папенькину ножку, положи и скажи: «Лежи, папенькина ножка, Христос с тобой». Сын опять так сделал. На третий раз колдун сам встает, к печке идет, за опушину * берется. Тут жена и говорит: «Хоть бы нас Господь спас, я бы 9 раз к Соловецким [в Соловецкий монастырь] сходила». А ён уж на печку, только сказала, будто священник зашел да крестом по лбу колдуну как дал. Он и пал. Тут жена взмолилась: «Миленький ты мой, подожди, не уходи, пока мои не вернуться». Ей ведь страшно, что колдун-то на полу лежит. А священник ей отвечает: «Благочестивая женщина, положи его, он не встанет». Она снова взмолилась, не уходи, да не уходи. А он ей: «Не бойся ничего, скоро твои придут. А там беда еще больше, там меня ждут». И только сказал, как мужичина и два ее сына в двери вошли (Волог., Белоз., Олькино, 1988).

№ 409. У двоюродной сестры две коровы было, так она их поутру выпустила. Другие домой пришли, а их нету. Искали, искали. Легла, говорит, а мне и снится Никола-то Угодник, точно на иконе. Перед сном-то я молилась: «Никола-крите, Господи Божи, скажи, где коровушки, приснитесь-покажитесь». Пришел, говорит: «В урощице * они, в этой полянке-то». Они [хозяйева коров] еще до солнышка побежали. Пришли, а коровы стоят. Как туда зашли, не знаю. Нашли их, а то нигде не промыргали.* А на вторую ночь Никола ей и сказал: «Больши так не выпускай. Ты их, наверно, поругала, сказала: «Понеси вас леший», — тетка Маня рассказывала (Арх., Карг., Хотеново, Митрофаново, 1989)

№ 410. Жила старушка. Ночью во сне сказал Господь, что в гости придет. Утром стала готовиться, пироги печь. Нищий к утру пришел, она его не пустила, сказала, что некогда. Второй раз к ней нищий пришел днем, она его опять не пустила в дом. К ночи пришел нищий в 3-й раз, она опять сказала, что некогда, отправила в соседний дом. Ночью пришла к ним и спросила про нищего. Ей сказали, что за печкой спит. Она поглядела, за печкой нет никого. Господь может в разные виды превращаться, вот и тут превратился в нищего (Волог., Кирил., Благовещенское, 1979).

№ 411. В Старой Руссе есть икона, большая такая, Старорусской Божьей Матери. Все ходили на ею молиться. А в войну немцы хотели ею увезти, у их икон-то нету. Погрузили, так только до Новгорода довели, а там как встала, так с места ею не скрянуть.* Тягали, тягали — ничего, так и оставили.

А раз засуха была, так в поля вывозили икону эту, молебен служили, батюшка по дворам ходил, а то скот горазд пал (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 412. В Маркови, где церковь, в икону кто-то выстрелил, и он закаменел, парализовало его. В войну это было (Новг., Старорус, Чижово, 1990).

№ 413. Низина у нас была, все говорили, там когда-то проваливши была церковь. Раз идем перед Рождеством с дедушкой в церкву, а мороз горазд сильный был. Дедушка уши опустил, уши в шапке. А мне кажется, как певчие поют. Я говорю деду: «Дедушка, послушай, что там в елках». Дедушка стал, уши поднял у шапки, постоял, послушал, потом перекрестился», завязал шапку, меня за руку взял. «Пойдем, — говорит, — внученька». И мы ушли с того места. Слышал он, аль не? (Новг., Старорус, Святогорша, 1990).

№ 414. Проваливши церковь была у нас. Меня раз туда черти завели. Они лошадям обернулись и вели меня. А про церкву-то говорили, что была Литва какая-то, безобразили в церкву, на лошадях въезжали, вот она и провалилась (Новг., Старорус, Гривы, 1990).

№ 415. Два Бога было, первый-то Бог Саваоф, а второй Иисус Христос. Саваоф все сдал, что сотворил, Христу — и лес, и небо. Да, два Бога было (Твер., Осташ., Новая Скрибель, 1992).

№ 416. Легенда об исходе иконы Михаила Архангела из-церкви, которую потом сожгли.

У нас в Носовицах церковь была, Михаила Архангела, деревянная. Дьячок напротив жил, а у него зять коммунист был. Вот этот зять и еще двое в деревне согласились, взяли обобрали церковь. Крест золотой аль серебряный, я уж не знаю, чаша там была, иконы. Спасителя взяли, Мать Богородица, Михаила Архангела взяли. Взяли обобрали и подожгли. Так уж так горела, что вишь свечка. Ничего там, чтобы искра или что. Не ахти там было построек, четыре дома там было, четыре или пять, никого не затронуло, никто не сгорел. Чисто как свечечка горела, как свечечка.

Его-то, вишь, весной сожгли, а зимой вот было дело. Лопатино, а там Гридино. Мужчина из Лопатана ехал с дровам. Едет он, едет, наверно, часов в 12 так едет. Господи! Что это такое! Несут! Весь он так и сияет, так и сияет, как весь в огнях или в золоте! А второго несут, темный такой, как в гробу: Темный, темный такой. А впереди этого идет мужчина. А этому мужчине, который с дровам, говорит: «Возьми в сторонку! Станьте в сторонку!» Я, говорит, встал в сторонку. Так и несут. Так какая ужась-то! А это Михаила Архангел выходил оттуда в Оселок, на Лопатино в Оселок. И такой страсти-то! И говорит, сильно много народу, много народу-то.

Приехал в Носовицы, стучится: «Петр Иваныч! пусти ты меня, пусти!» — «Что с тобой, Иван, что ты такой?» Он лошадь распряг, зашел, его так и колотит. Ему потом ничего такого не было, чтоб его показнили или что.

Светлый — это Михаил Архангел, а это темный царь, темный царь.

Это было зимой поране, а церковь сгорела весной, в мае, наверно, девятого. Это знать давали.

У меня, муж, этта, был рыбак. А я пошла с рыбой в Лопатино. На ночь, думаю, пойду, рыбу продам, утром приду, на работу. Пошла, помолилась на церковь: «Михаила Архангел, поможи мне, Господи». Я иду оттуда утром: «Слава тебе, Господи, дошла». Смотрю, как ништо не так. Я перекрестилась, чтой-то такое! А я и в голову не взяла, грешница. Прихожу, мать-то моя плачет. «Что с тобой, маменька?» — «Пашенька, беда-то какая у нас. Михаила сожгли, Михаила Архангела нашего сожгли!» Вот как было, век не забуду, никогда! (Твер., Осташ., Глубокое, 1993).

№ 417. Легенда о старичке-предсказателе.

Вариант I.

Был у нас старичок, Максимушка. В лесу в изобке жил. Печечка маленька, иконки у него были, лампадочка теплится. А уж чем питался, уж не знаю. Старичок старенький, к нему ходили спрашивать, он присказывал. Жил в Ботове, болотничка там, досочки положены. А другие говорили, что не было у него печки. В избе камни большие. Если замерзал, начинал камни ворочать. И зимой тоже. Как холодно, он камни ворочал, ему и тепло. Жил-то он один.

Максимушка говорил не явственно, потом уж догадывались.

Отец болел, пошли к нему. А он говорит: «Поправится. У церкви стоит дом, от всего лечит. А там никакого дома не стояло, погост был. Отец и помер.

Спрашивали, жениться — не жениться, как неприятность али что. Два парня пошли к Максимушке, жениться или нет, какую судьбу скажет. Шли по дороге, один другому: «Что нам Максимушка поболтает?» Вот пришли. Максимушка говорит: «Проходи, ребята». «Ты, Максимушка, скажи судьбу». А он вышел в сени, потом входит с квашней, молчит и так ее болтает. Так они и ушли.

Я-то маленька была, не ходила, а сестра Катя ходила. Только уж чего спрашивала, не знаю. Катя собирается, говорит, ему заплатить надо. А мама (маму Марфой звали) говорит, нету у нас денег, вот возьми пять копеек. Раньше деньги были ведь настоящие, не то что

нынешние эти тыщи проклятущие, разве ж это деньги! Встречает хорошо: «Заходи, заходи, матушка, садись». Катя спросила, поговорил он, а потом говорит: «Денежку домой неси, мне не надо, нету ведь денег у вас дома». А пять копеек он не видел, так знал.

У нас на хуторах был мужчина, четверо детей у него, а жонка померши. В деревне была женщина, он посватался, она согласилась. Она уж пожилая такая была. Она пошла к нему, к Максимушке, прежде чем согласилась, выходить — не выходить, ведь все-таки четверо. Он ей говорит: «Ожерелье, ожерелье, ожерелье». А что это «ожерелье», мы и не знаем. Она еще трех или четырех от него родила, вот и «ожерелье».

Потом убили его. Пускай присказывал, зачем кумунисты убили. И присказывал всю правду, он никому худого не говорил, только хорошее. Церковь в городе, Илья-Пророк, теперь разрушена, там он похоронен. И все только хорошее присказывал (Твер., Осташ., Глубокое, 1993).

Вариант II.

У одного мужика в избушке в лесу одни камни были, ни стола, ничего, настоящая заимка.* Мать и одна баба пошли к нему спросить его, он судьбу говорил. Шли и думали, надо ему что дать или не давать. Мать не пожалела ему что дать, а другая пожалела. Пришли, мужик и сказал той: «Не надо мне ничего, уходи. Не надо мне твоего». Это такой гадатель есь (Тверь., Осгаш., Жар, 1994).

№ 418. Перед войной ходил Омеля. Где камень на камень положит, то шкуру на палку или венец из березки сплетет, а в войну сколько здесь погибло.

У кузнеца дочка была больная, бегала все по ночам, им было не удержать. Так она с ним, с Омелюшкой, и ушла. Много предсказывал, а открыто ничего не говорил.

Раз парень болел чахоткой. Надел новую шубу, пошел к Омеле, а тот взял веник, макнул в канаву да покадил, как поп, что умрет. А парень рассердился на него, пришел домой и говорит: «Никого он мне не сказал, только обрызгал меня грязью, шубу спортил». А через несколько дней парень и умер.

Много Омелюшка предсказывал, да понять его не каждый мог (Новг., Срарорус, Хорошево, 1990).

№ 419. Это было сто лет тому назад. В Маркове находят икону на сосне. Отнесли в другую деревню, она опять явилась. И так три раза было. Тогда решили, это Богородица хочет, чтобы храм здесь был. И построили нашу церковь, вот она и стоит с тех пор. В четырнадцатом году сто лет было.

Во время войны иконы по домам разбирали, чтоб от немца спрятать. А был церковный староста. Ему дали деньги для школы, а он их пустил в другое, ну, для себя что-то. Вот со Старорусы привезли икону сюда, старосту подвели под икону, а он как будто помертвел. Так и стоял долго, пошевелиться не мог. И деньги потом отдал (Твер., Осташ., Марково, 1990).

№ 420. Маленькая птица на окно садится — худая, бояться надо. Маленька птица гвоздей Иисусу Христу принесла, когда распяли. Никто не принесли, а она принесла.

А муха Исуса Христа спасла. Ему гвозди забили в руки и ноги, когда распинали, и в сердце хотели забить, чтобы кончился. А муха села на это место, как будто гвоздь. Видят, гвоздь будто забит уже, и не стали. Так муха Христа спасла (Арх., Мез., Жердь, 1986).

№ 421. Всегда надеюсь на Бога и его угодников. Уж как из-дома выхожу, обязательно скажу: «Спаситель впереди, Николай-Чудотворец позади, попугачики мне во всех путях-дороженьках. Верни меня, Господи, на родную землю, в родной дом живую и здоровую». Три раза надо сказать, а «аминь» говорить не надо (Волог., Череп., Григорьево, 1987).

№ 422. Привидение было. Когда мужика моего убили, я лежу и плачу. Ребенок спит. Взглянула — старичок небольшой, в кафтане, глаза красноваты, волосы пострижены. Мне говорит: «Ты не плачь, твоего мужа прямо осколком в голову убило». Сказал так и исчез. Я говорю Коли, сыну: «Сходи за огоньком». Он принес огоньку-то, зажег лампу. Так и лежали, все закрыто и заложено. Так и сказало. В самом деле бывает. Я потом послала за женщиной, что в Верколи в монастыре. Он пришел и говорит: «Это тебе, Анна, очень хорошо, он тебя утешить пришел, не каждому он показывается. Это Микола Милостивый приходил, он от

Бога к тебе приходил и утешил, сказал ведь, как мужик твой убит» (Арх., Карпогор., Лавела, 1985).

№ 423. Господь повелел нам животных кормить. Уж так-то я их жалею, не могу, как!

Одна бабка напекла блинов, ребенок покакал, она блином подтерла. Господь рассердился. Раньше-то колосок от самой земли в зернах был, а Господь стал его вверх по стебельку тянуть. Вот зернышки только наверху и остались. А кошка и собака взмолились: «Что мы есть будем!» Раньше-то они от земли зернышкам питались. Вот Господь и повелел человеку животных кормить (Твер., Осташ., Овинец, 1991).

№ 424. Осенью Ивану отсечение головы. То ли десятого, то ли пятнадцатого, ну, в этих числах. Нельзя капусту сечь, дрова рубить, ничего нельзя: считается, его голову отрубишь — большой грех.

А вот что люди-то говорят про Ивану отсечение головы. Жили два брата, и чего-то они не ладили, и один другому голову отрубил. Грех кочаны в этот день рубить, и суп с капустой есть тоже грех (Новг., Старорус, Кривец, 1990).

№ 425. Легенда о Михаиле Клопском

Преподобный Михаил, Михайло Клопский, тут жил, в этом монастыре. Он и строил. Он как святой. Он добрый был, все раздавал бедным. Давал меру ржи, а принимал на доньшке. Монахи и обиделись на него, мол, ты бедным раздаешь. Он сказал: «Миряне, не завистуйтесь, у вас не убудет». Его и погнали с дому, монахи выгнали его. Как он ушел, так их засеки * в монастыре пусты стали, в их засеках не хлеб, а угли. Дошел до Ильменя, там два мужика жали, Петр и Павел. Он им говорит: «Отдохните». Они говорят: «Мы пить хотим». Он взял да и торнул посохом землю, там вода и выкипела,* чистая такая, живая вода. И дошел до Раком, там тоже торнул. А два ключа, родника, есь до сих пор. Вода гораздо хороша, прыскали ее, И, главное, бежит вода с кряжа.* Там часовенка была, так теперь сожжена. Она сгнивши была, дак председатель нову поставил, чистеньку таку.

Не знаю, куда дошел. Он дальше был прошедце. И в Ильмене шел. Он в Ильмене в часовенке жил.

В монастыре пошел беспорядок. Его, значит, братья: «Что ж мы сделали!» И вернули с крестным ходом. С девяти церковей просили, чтоб вернулся, с херувимами,* и иконы брали с собой. И он вернулся, и пошло все по-старому. А потом он здесь до смерти. И так он здесь и похороненый. Прах евоный там, под плитой. Шестого июля он вернулся. Празднество теперь происходит, с херувимами и хорухлями.* Молиться ему тропарчик есть, и в церкви тропарь есть. А праздник — так прихоженье его (Новг., Новг., Песчаное, 1994).

ОЧЕРК ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ РУССКОГО СЕВЕРА (Комментарии к текстам)

КУЛЬТ ПРЕДКОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ

Одна из характерных черт духовной культуры Севера — сильное развитие и хорошая сохранность культа предков. Вероятно, это связано с общей ситуацией сохранения архаики в регионе, с влиянием соседствующих неславянских народов, довольно долго сохранявших язычество.

Былички, сюжет которых так или иначе связан с культом предков, больше всего распространены на Севере, но по своему содержанию они неоднородны, и представления о предках и потустороннем мире в них высвечиваются по-разному.

Культе предков и представления о загробном мире — древнейшая составляющая взглядов человека на мир и мироздание, отражающих определенные ступени развития общества. Этот комплекс взглядов имел несомненно положительное значение, поскольку обеспечивал духовную связь поколений, моральную и этическую ответственность одного поколения за другое.

Культе предков включает в себя ряд компонентов. Это похоронные и поминальные обряды, которые имеют целью в закодированной, символизированной форме обеспечить и облегчить переход в другой мир; представления о контактах двух миров — того и этого, — о влиянии, какое оказывают умершие, предки на жизнь очередного поколения людей.

Культе предков, может быть, даже больше, чем другие составляющие традиционного мифологического сознания, описан и изучен специалистами разных профилей — этнографами, археологами, фольклористами, лингвистами, поскольку и памятники материальной культуры, и письменные источники, и фольклор дают достаточно богатый материал (Митрофан 1880; Соболев 1913; Велецкая 1978; Векман 1983; Байбурун, Левинтон 1990; Иванов 1990; Невская 1990; Седов 1990).

Представления о потустороннем мире в быличках развернуты значительно меньше. Это объясняется отвлеченностью этих представлений, сложностью их образного воплощения даже для традиционного, все конкретизирующего народного сознания. Но все же совокупный материал наиболее архаичных пластов фольклора различных жанров дает сведения о том, что мир предков, по представлениям славян, может находиться или ниже земли — в подземном царстве, или на небе, или где-то на земле, но вне ойкумены человека — на краю земли, там, где садится солнце, в лесу, за лесом. Так, в № 44 мир теней находится, очевидно, на небе, так как туда приходится карабкаться по лестнице, в № 42 — в лесу, хотя в сюжете повествования это представление получает своеобразное преломление: в свой смертный час дед собирается на лесозаготовки; похищенные неведомой и нечистой силой люди оказываются за границей реального мира — в лесу (например, № 50¹, 51—53, 55, 57 и др.).

¹ Здесь и далее в комментариях могут делаться отсылки к текстам не только соответствующего раздела, но и других, так как: а) в повествовании может быть представлено несколько мотивов или образов (ведущий, который и обусловил отнесение текста к той или иной тематической группе, и один или несколько побочных), б) многие мотивы, образы генетически взаимосвязаны, переплетены один с другим, например, образ домового и генетически, и сюжетно связан с культом предков; бесовская тема присутствует в текстах различного содержания — в рассказах о мифологических персонажах, о явлениях покойников, колдовстве, и т. д.

Былички рассматриваемого цикла типологически неоднородны. В них отчетливо виден древнейший слой, где влияние христианства представлено минимально. В этих случаях предок обычно благодетелен по отношению к человеку, помогает ему, предсказывает будущее, имея при этом ипостась домашнего пената — домового или дворового (см., например, № 26, 28, 99, 100, 109 и др.). Воздействием христианства можно объяснить установление отчетливой связи между духом предка и нечистой силой в облике черта, беса. В быличках привидения умерших, появляющиеся до сорочин, часто понимаются как явление нечистой силы (№ 6, 9, 11, 20, 22 и др.). Недаром при всем сходстве с умершим у них могут

быть хвост, мохнатые ноги с копытами и под. (№ 23, 24, 25 и др.). Впрочем, эти различия в представлениях о предках объясняются не только влиянием христианства, но и онтологическими свойствами этого комплекса представлений.

Отношение к смерти и к умершим у человека всегда амбивалентно. С одной стороны, предки, все умершие родственники считаются охранителями и помощниками живущих, и поэтому сложилось почтительное и даже любовное отношение к ним. Но человеку свойствен инстинктивный страх перед таинством смерти, вследствие чего человек воспринимает враждебно многое из того, что связано со смертью, и даже идея загробной жизни не победила этот страх. Именно поэтому сложился комплекс ритуалов, направленных на то, чтобы снять страх перед покойником и всем, что окружает его. Так, чтобы не бояться покойника, надо заглянуть в открытое устье русской печи, ибо черное жерло печи имплицитно символизирует вход в потусторонний мир. Действенным средством является также прикосновение к мертвому телу, а именно к пятке покойного, так как пятка—это та часть тела, которой нет у представителей нечистой силы (ср. одно из наименований черта — Антипка беспятый).

Предки, умершие называются «родителями», причем все умершие взрослые — это «большие родители», а умершие в детском возрасте — «маленькие родители»; называют их также «деды», «скрытные», «мои (свои) умершие»; чаще же при рассказах о них избегают упоминать вообще какое-либо их наименование.

В быту сохранились многие элементы культа предков и врежде в,сего в погребальном и поминальном обрядах, а также в некоторых обычаях, например в обычае передавать родовое имя из поколения в поколение.

Былички, связанные по тематике с культом предков, неоднородны. В публикуемых материалах встречаются следующие сюжеты: о явлении покойников и об оставлении ими «заметок»; о «заложных» покойниках, т. е. об умерших не своей смертью; о предвещании смерти и о предсказаниях вообще; о передаче вещей на «тот» свет и о посещении его. С быличками этого цикла тесно связаны былички о домовом и некоторые былички о магии и колдовстве.

Самый частый сюжет — это посещение умершими живых. Приход покойного — это нарушение равновесия между этим и «тем» светом, нарушение границы двух миров, границы «жизнь—смерть». Явление умершего обычно страшно и нежелательно, хотя в другом фольклорном жанре, связанном со смертью, — похоронных причитаниях, покойного ожидают, зовут в гости:

Ты скажи нам да, светушко, пожалуйста,
Когда ждать тебя в любимое гостбище...
В понедельник по утрешку ранешенько,
Аль во вторник по вечеру позднешенько,
Аль в полдень во среду красного ждать солнышка.
Хоть чистым полюшком лети да черным вороном,
Ко селу лети ведь ты да ясным соколом,
Ко крылечку скачи да серым заюшком,
По крылечку скачи да горностаюшком.
Не убоюсь того белая лебедушка,
Выду стричу на крылечке перенем,
С тобою сдию тут доброе здоровьице (Невская 1990: 136).

Появляются, или «ходят», покойники до сорокового дня, после чего, в христианском представлениям, душа отлетает. До сорочин умершие являются чаще всего в своем облике, как, например, два Ивана в № 8, Федор в № 9 (см. также № 5, 6, 10, 19, 20 и др.), а после — в виде бабочки, птички (№ 12), могут принимать вид животного — кошки (№ 9), белки (№ 14), змея (№ 24).

В целом ряде быличек подчеркивается, как уже отмечалось, что приходят не умершие, а принявшие их обличье нечистые.

Являются умершие обычно тому, кто очень сильно убивается о покойном (№9, 20, 22, 25, 26), поэтому еще в древнерусских поучениях мы видим запреты слишком бурно оплакивать покойников, осуждения обряда тризны. В «Златой цепи» XIV в. по списку Троицкой библиотеки № 11 помещено «Слово святого Дионисия о желѣющих»: «а си приимше, святое крещение и вѣру правую, осквернишася скверными желями и дьяволу творять волю и похоть» (л. 27) (цит. по: Соболев 1913: 17—30). Слово против плача по умершим имеется в Измарагде XIV в. библиотеки Московской Духовной академии № 46, запрет неумеренного оплакивания содержится в «Стоглаве» XVI в. и т.д. Чрезмерное оплакивание, умершего противоречит христианскому пониманию смерти как отходу в иной мир, где человек должен предстать перед Богом и ждать дня Страшного суда и воскресения из мертвых. Очевидно, что связь мотивов оплакивания и явления умершего в быличках сложилась под влиянием христианства.

Для людей покойники, являющиеся до сорокового дня, опасны тем, что они стараются увести за собой живого, обычно близкого человека, того, кто убивается по умершему. Как правило, это не удастся. Спасти может крест, крестное знамение (№7, 9, 25), упоминание имени Бога, молитва (№ 8, 20, 23, 25), посещение церкви (№ 24), а также брань (№ 8) или даже просто осознание того, что явившийся образ — не тень покойного, а нечистая сила (№ 21). Но в быличках повествуется о случаях, когда увести за собой живого все-таки удастся, особенно умершему представителю старшего поколения младшего, например матери — дочь (№ 41).

Средства, предохраняющие от возможного появления привидения, — это некоторые заклинательные формулы (№ 41), а также определенные ритуалы похоронного обряда: моют пол в обратном направлении, т. е. от двери (№ 1), сжигают стружку, оставшуюся при изготовлении гроба, или кладут ее в гроб, «зааминивают» двери и окна, т. е. осеняют их крестным знаменем, произнося при этом «аминь», кидают в огонь «дверестяной камень», кладут под порог и на окна железные предметы и т. п. (№ 1, 7, 9 и др.). Почти каждый из представленных в быличках обычаев — осколок древних ритуалов с достаточно сложной семантикой. Например, сжигание стружек, бросание в печь песчаника, фейерверком рассыпающегося в огне, использование железных предметов, т. е. предметов, прошедших обработку огнем при ковке, — все это связано с представлением об очистительной силе огня. Мытье пола от двери — составляющая комплекса ритуалов в славянском погребальном обряде, связанных с переворачиванием предметов. Переворачивание покойника или предметов, так или иначе с ним связанных, обозначает переход умершего в иной мир. При этом значимыми оказываются любые пространственные перемещения: по вертикали (сверху вниз, с ног на голову, вверх дном и т. п.), по горизонтали (справа налево, с запада на восток и т. п.) или по линии внутри — снаружи (выворачивание наизнанку). В разных славянских традициях известно переворачивание лавок, табуретов или стульев, на которых стоял гроб (Толстой 1990: 119—128). На Севере также «перекубыркивали» или «валили» лавки. Южные славяне (черногорцы) до недавнего времени снимали с петель и переворачивали входные двери, если умирал молодой мужчина. В середине XIX в. в Вологодской губернии дровни, на которых везли покойника, оставляли лежать перевернутыми вверх полозьями и с обернутыми назад по отношению к баням оглоблями до сорокового дня. Известно также переворачивание посуды, выливание воды, тушение любого огня Э момент чьей-либо смерти. У предка в облике дворового переворачивание может быть средством выражения неудовольствия и нанесения вреда (№ 26).

Переворачивание вне ритуала нежелательно, может привести к беде. Именно этим можно объяснить запрет класть буханку хлеба на стол перевернутой, т. е. нижней коркой вверх.

Ситуация переворачивания появляется и в быличках о колдунах (№ 329), в родинном обряде (чтоб дальше не рождались девочки), в свадебном (чтоб обезвредить колдуна), в обрядах защиты от града и т. д. Во всех этих случаях переворачивание «есть действие, включающееся в более широкую семантическую и семиотическую сферу действий

преобразования, превращения, метаморфозы, принятия иного обличья, перехода из одного состояния в другое, наконец, в сферу общения «этого света» с «тем светом» (там же: 126).

Смерть понимается как переход из этого мира в иной, и, чтобы перейти в него, надо преодолеть определенный путь. В выражении собираться/отправляться в последний путь — эвфемизме глагола умирать — исконно имелся в виду отнюдь не путь на кладбище, а путь в мир предков. И сейчас иногда глубокие старики готовятся к этому пути. Развернутое описание таких приготовлений имеется в быличке № 42.

Очень важно при похоронах обеспечить все потребности покойного на первое время его пребывания в ином мире: одеть и обуть его по ритуалу, на поминках оставить ему еду и питье. Если это не выполнено или выполнено неточно, умерший может явиться с претензией, что ему холодно, голодно или ему чего-то недостает (№ 4, 45, 46, 47). Его просьбы надо выполнить. Например, недостающую деталь одежды необходимо передать с другим покойником, положив предмет в его гроб (№46, 47).

Покойник-предок может знаменовать свое незримое присутствие каким-либо знаком, «заметкой», например перемещением подушки на кровати, как в быличке № 15. Мотив общения предков с миром живых через «заметки», следы часто уже полустерт. Например, в тексте № 16 явно речь идет о следах, оставленных умершим на камне, и в рассказе должно быть продолжение — контакт умершей матери с дочерью через следы на камне и воду, которая накапливается в этих отпечатках следов.

Умершие могут обнаруживать себя какими-нибудь необычными явлениями в быту — стуками, скрипом, шорохами и т. и. (№,4, 35, 39 и др.). Отражение в зеркале, в воде—также одна из форм явления умершего (например, №41), потому что поверхность воды, как и поверхность земли, - граница двух миров, и в ней, как и в зеркале, отражается иной, перевернутый, «левый» мир. Именно поэтому существует обычай завешивать зеркало, если в доме покойник.

Умершие возвращаются в этот мир с целью увести за собой живых, так как у них «есть зависть какая-то» (№ 11). Еще один мотив появления привидения — это предвестие чьей-либо смерти или каких-либо других значимых событий. В этом смысле очень выразительна быличка, где покойник-старик пришел за своей старухой-женой звать ее на тот свет в сторожа, и они обсуждали бытовые детали потусторонней жизни: в чем на работу ходить, что нужно из белья, одежды, (№ 43). Старуха вскоре умерла. В тексте № 10 Егорушка, которому явилась «бабка померлая», скоро сам был зарезан.

Чаще всего умершие являются в сновидениях, которые в традиционном народном сознании воспринимаются как определенная мифологическая реальность. Мотив вещего сна известен практически всем народам.

Главный персонаж в этих вещих снах — предки. Явившиеся во сне предки могут не только предвещать смерть, но «заманивать» живых, стараться увести их за собой. Например, в быличке № 40, явившиеся во сне отец, мать и тетка звали женщину лечь вместе с ними. Но она отказалась, осталась вместе с сыном, и именно поэтому, как говорится в быличке, при пожаре, случившемся вскоре после этого вещего сна, сгорело все, осталась только она с сыном. «А если б я пошла к ним, так и я сгорела б», — резюмирует рассказчица.

Но столь распространенный мотив предвещения привидением-предком смерти или другого несчастья есть лишь остаток широкого спектра представлений о предке как о предопределителе судьбы человекам. В остаточном, свернутом виде мы видим это в быличках, где покойник-предок не только предсказывает смерть, но может распоряжаться и жизнью человека. Так, больной, которому все прочили смерть, на могиле матери просил ее о жизни и получил ее — выздоровел (№ 3).

Предок-рок, предсказатель судьбы предстает и в мотиве предопределения судьбы ребенка. Сообщить о судьбе ребенка может привидение покойника (№ 30), но чаще является образ обобщенного предка в виде старика, который нежданно-негаданно приходит невесть откуда: «пришел как-то в дом дедушка» (№ 32), «пришел старичок, посидел и говорит...» (№ 31) и т. п. Этот пришлый старичок говорит, когда, как, какой смертью в будущем умрет

ребенок, и избежать этого невозможно. Родители даже заколотили колодец, в котором, по предсказанию, должна была утонуть девочка, когда ей исполнится 7 лет, глаз с нее не спускали, но в назначенный срок девочка все-таки умерла на крышке заколоченного колодца (№ 31).

Универсальность мотива рока, судьбы легко увидеть, обратившись к мифологии различных народов, например к античным мифам. В славянской традиции это, среди прочих персонажей Судьбы и Доли, — Род и Рожаницы, упоминания о которых есть в древнейших славянских памятниках. На связь с культом предков рода и потусторонним миром указывает их наименование, а с другой стороны, это гении вегетации, плодородия. Эти образы славянской мифологии находят достаточно четкие аналогии в древнейших мифологических традициях, в частности в минойско-микенском культе Двух Владычиц и Владыки, в ханаанской (сиро-палестинской), финикийской, эллинской мифологиях и даже в древних охотничьих мифах Сибири — везде, где просматриваются дуалистические образы божеств или божеств двух поколений (Рыбаков 1981: 443—466).

Многочисленные былички о видениях покойников — лишь одна из сохранившихся форм проявления культа предков. Другая форма — это поверья и былички о домовом. Известно, что мировой мифологической традиции домашние пенаты онтологически предстают как души умерших, предки, которые не покидают полностью своего очага, но участвуют в жизни своих потомков, предопределяют их судьбу, нередко помогают им. Живущие же почитают предков, заботятся о них, должным образом снаряжают умерших для переправы в иной мир, в определенные дни поминают их, воздают им почести, поят, кормят их, приносят им жертвы и даже топят для них баню — «греют покойников». Известны родительские дни и у русских, например обычай посещать кладбище на Троицу; очень выразительны дни поминовения у поляков, белорусов (так называемые «деды»), у болгар. Существуют поверья о «дедках заплечных и бабках запечных», согласно которым мужской предок находится у человека на правом плече оберегает его; в христианстве это нашло отражение в образе ангела хранителя (ср. обычай плевать через левое плечо и запрет плевать в правую сторону). Предок по женской линии — это домовая хозяйка, «бабка запечная».

Домашний пенат, в славянской традиции — домовый и дворовый, имеет много черт предка-хранителя. Он может являться в облике старшего члена семьи, живого или умершего, он помогает в хозяйстве, предвещает несчастья и т. п. Слово, дедушка используется как табуистическое именование домового* оно обязательно в комплиментарных обращениях к домовому и дворовому, а к женскому персонажу — бабушка, матушка (например, № 84). В некоторых записях, сделанных в XIX в. встречается редкое именование домового словом навпа (или его трансформом павпа), которое этимологически связано с древнеславянским навь, навье 'покойник, мертвец'. В быличках, может совмещаться образ умершего (а любой умерший — уже «родитель», предок) и дворового или домового. В тексте № 26 погибший муж, которого горько оплакивала жена, приходил к ней в облике дворового (подробнее о домовом и дворовом см. в разделе «Народная демонология. Домовой и дворовой»).

Целый пласт быличек (связан с так называемыми «заложными» покойниками, т. е. умершими не естественной, не «своей» смертью. «Заложные» покойники — большая и важная подтема в общей мифологеме смерти. Представления о «заложных», как умерших не своей смертью, входят в большой комплекс мифологических представлений, связанных оппозицией, «свой» — «чужой». Умершие своей смертью почитались как предки, деды, родители, не своей (скоропостижной, насильственной, самоубийцы) — становились существами демонической, природы, что отражают и их наименования: блр. вупор, нечистик, полес, дводушник, двудомник, непритомник, пужайло, болг. вапер, лепир, ю.-слав. вовколак, вьрколак, укр. и ю.-рус. вурдалак и др. «Мертвенный канон» относит к заложным: «Иже покры вода и брань пожра, трус же яже объят и убийцы убиша и огонь попали; внезапно восхищенные, попадаемые от молний, измерзшия мразом и всякою раною» (Зеленин 1916: 1). Представление «своей» смерти распространялось у славян на все живое:

особым образом хоронили падший во время эпизоотии скот, для священных деревьев устанавливалось право на свою, «ветровую» смерть. «Заложные» становились опасными прежде всего потому, что они «не избыли своего века», т. е. не исчерпали своего жизненного времени и жизненных потенций, которые они после смерти могли обратить против живых. Самыми опасными в силу этого оказываются умершие дети, прежде всего те, которые не успели пройти обряд крещения, а также девушки, скончавшиеся незадолго до свадьбы. В народных представлениях те и другие могут превращаться в демонические персонажи — в русалок, шуликунов и т. п. (Зеленин 1916).

Среди «заложных» народная традиция особо выделяет самоубийц как тех, кто совершил тяжкий грех. Людей, наложивших на себя руки, нельзя хоронить на общем кладбище, их хоронят либо возле кладбища, вне кладбищенской ограды, либо на перекрестках дорог.² Самоубийцы не могут обрести покой, поэтому они особенно часто встают из могил (№34). Спасает от их появления лишь осиновый кол, забитый в могилу (№ 34). Кол должен быть именно осиновым, так как на осине повесился Иуда, и в этой детали мы видим отчетливое наслоение христианства. Привидения покойников-самоубийц особенно вредоносны для человека (№ 33), место, где было совершено самоубийство, проклято, там «кажется», «блзнит», «мерещится» (№ 36): то дом вдруг покажется с освещенными окнами, а в нем музыка играет (музыка — это бесовское), то кто-то поет или стонет на этом месте, то костер горит, и возле него кто-то сидит, то появляются и исчезают какие-то фигуры — и все это оказывается призрачным.

² Даже теперь можно видеть одинокие кресты возле дорог на могилах тех, кто погиб в дорожных катастрофах. Эти кресты свидетельствуют не просто о желании отметить место, где человек погиб. Их появление обусловлено глубинным, существующим на уровне подсознания традиционным запретом хоронить погибшего «не своей смертью» вместе с «почившими в Бозе».

Христианский компонент в поверьях о «заложных» покойниках очень велик. Он проявляется, в частности, в представлении, что души «заложных» поступают в распоряжение темных дьявольских сил, «на них дьяволы (черти, бесы) ездят, воду возят». В образной системе быличек этот мотив может расшифровываться с наивной конкретностью: женщина, в отсутствие которой повесился ее муж-пьяница, встречает мужиков на лошади, смотрит лошади в пасть и видит там своего мужа — «это дьявола ехали на нем» (№ 37).

В быличке № 38 к кузнецу приезжает человек и просит подковать коней, а у коней ноги человеческие: «это, видно, черт и приехал на утопленниках».

Мир темных сил заинтересован в «заложных» покойниках, черти стремятся довести человека до самоубийства и тем самым заполучить его душу. Для этого они могут прибегать и к обману, оговору (№ 289).

Представления о дьявольской, нечистой природе умерших неестественной смертью, особенно утопленников, — очень живучий элемент традиционных народных представлений, роль которых особенно возрастает в смутные времена истории. Когда был убит «старец» Григорий Распутин 30 декабря 1916 года, тело его, как известно, было найдено лишь спустя несколько дней подо льдом Невы у Крестовского острова. В народе, считавшем Г. Распутина, любимца царствующей семьи, злым гением страны, а не пророком и мудрецом, ходил слух, что Распутин еще дышал, когда его бросили под лед Невы.

Это очень дажно, потому что он, таким образом, не может быть причислен к лику святых мучеников, так как утопленника нельзя канонизировать.

В мифологических рассказах Севера есть отзвуки поверий об особой опасности для людей покойников-колдунов, которых «поднимают лукавый и черт» (№325), о вампиризме. Так, самоубийц нельзя класть в чужую могилу, так как плохо будет тому покойнику, с которым его положили (№ 34).

В более южных районах славянского мира известен комплекс мрачных по содержанию быличек о вурдалаках и упырях — привидениях колдунов, самоубийц, которые встают из могил и пьют человеческую кровь. На Севере таких быличек практически нет, а образ упыря

представлен в очень размытом виде, обычно под названием еретик. О том, что это весьма многозначное на Севере слово может обозначать вампира, говорит, например, отрывок из заговора от порчи и колдовства на свадьбе:

Заговорю я еретика,
Зубы, губы, глаза.
Ешь свое тело,
Пей свою кровь (Пек., Печ., 1988 — Карг. Латв. ун-та).

По многим мотивам, связанным со смертью и вхождением в мир теней, с упырем объединяется колдун. Царство пред ков — это сакральный мир, отторгающий от себя нечистое, вредоносное. Поэтому, чтобы перейти в мир иной, колдун должен передать кому-либо из живых свои колдовские знания и помощников, т. е. «сдать бесей (чертей, маленьких и т. д.)» (№ 305, 325, 326 и др.). Смерть колдуна требует определенных ритуалов — надо снять конек с крыши, разобрать потолок и др. (№ 324 и др.). Привидения колдунов так же, как и «заложных» покойников, беспокоят людей, пока в могилу не будет забит осиновый кол (подробнее см. раздел «Магия и колдовство»).

Народная фантазия строит образ потустороннего мира по образу мира обыденного: умершие так же, как и живые, могут испытывать чувства голода и холода, они нуждаются в еде и питье, для них топят баню. В уже упоминавшихся быличках (№ 43, 47) речь шла о работе на том свете, о свадьбе.

Былички, повествующие о контакте между реальным и ирреальным мирами, однотипны в том смысле, что в них рассказывается о посещениях этого мира умершими. Лишь иногда встречается мотив посещения людьми того света. Мотив этот достаточно древен и имеет широкий межэтнический ареал распространения. Ярким воплощением этого мотива является, например, греческий миф об Орфее и Эвридике. В славянском фольклоре имеются так называемые сны-«обмирания», в которых говорится о том, что человек как бы посещает иной мир. Сначала человек обычно получает предупреждение во сне посланцем с того света или Богом о предстоящем обмирании, а затем засыпает на достаточно длительный срок — 3, 5, 7 или 12 дней, и во время этого сна-«обмирания» попадает в загробный мир, где наблюдает мучения грешников. Описания мучений являются, как правило, целенаправленными и преследуют назидательные цели. Например, в быличке, записанной в Полесье (село Дубровица, 1975 г.) экспедицией Института славяноведения и балканистики АН СССР, мучения конкретизированы с ориентацией на грех колдовства: женщины мучились рвотой молоком — это те ведьмы, которые отнимали у коров молоко; крутили солому те, кто делал заломы на полях, месили кровавое тесто те, кто умертвил младенцев во чреве и т. д. (Толстые 1979). Путешествующий может встретить в загробном мире своих родственников, узнать дату своей смерти, но он там лишь сторонний наблюдатель.

В публикуемых материалах к этому жанру может быть причислена быличка № 44. В ней заснувшая женщина, вскарабкавшись по какой-то лестнице, встречает некую покойную Лизу — свою родственницу или знакомую, видит толпу теней, это «наказанные проходят», она знает, что будет также «муки отбывать». И, хотя в быличке нет развернутого повествования о муках грешников и она не содержит всех композиционных элементов жанра «обмирания», ценность ее достаточно велика ввиду редкости быличек о снах-«обмираниях», особенно на Севере.

Тексты «обмирания» повествовательного характера имеют аналогии в духовных стихах и вместе с последними генетически связаны с апокрифической литературой, причем с такими древними текстами, как «Хождение Богородицы по мукам» и «Сон Богородицы» (Срезневский 1863: 551; Апокрифические молитвы... 1878).

Как уже было сказано, былички, связанные с миром умерших и культом предков, сохраняются в народной мифологической и фольклорной традиции очень устойчиво. Свидетельство этому — былички, построенные по традиционной сюжетной канве, но наполненные вполне современным содержанием. В них действие происходит в наши дни, упоминаются реалии нашей жизни, (вокзал, ресторан, призыв в армию, авария на транспорте), значимые и трагичные для всего народа события, например, война в

Афганистане (№ 47, 48). Основной же мифологический мотив древен: изоморфность реального и ирреального миров, контакты между ними.

ПРОКЛЯТЫЕ И ОБМЕНЕННЫЕ

Значительный комплекс быличек связан с темой проклятия и похищения вследствие этого нечистой и невидимой силой людей или скотины. В этом сюжетном комплексе переплетается* ряд мотивов, что указывает, с одной стороны, на древность сюжета, с другой — на многочисленные наслоения различных сюжетных пластов.

Ведущий мотив этой темы—представление о параллельном: существовании двух миров — обыденного мира людей и трансцендентного мира неведомой, нечистой силы, мира предков — и о взаимной проницаемости этих миров, о контактах между ними. В этом смысле былички о проклятых и обмененных находятся в тесной связи с быличками об умерших «родителях»-предках.

Завязка сюжета в быличках рассматриваемого цикла обычно связана с проклятием. Кто-то, чаще мать, проклинает, посылает к лешему или черту или просто ругает ребенка, реже — взрослого, и того уносит некая сила. Сбывшееся, реализованное в событии слово — древнейшее представление о тождестве предмета или явления и его имени или чувственно воспринимаемого образа (например, изображения в зеркале, отражения в воде, портрета и т. д.). Произнесение имени предмета или явления, а также воздействие на изображение предмета считалось равносильным воздействию на сам предмет. Это одна из универсалий мифологического мышления, значительно более древняя, чем библейское «вначале было слово». Эта универсалия является мифологической основой заговоров, на ней основаны: многие приемы магии, ее используют современные экстрасенсы.

Многие современные бранные выражения — *к черту, черт побери, леший (или черт) тебя понеси, чтоб провалиться тебе (мне, ему...) сквозь землю, лопни твои (мои, его...) глаза* и т. п. — старые клятвы или заклятия. Число заклятий с отрицательным смыслом, направленных на зло, больше, но есть аналогичные выражения и с положительным смыслом: *здравствуй!, в добрый час, добрый путь, Бог в помощь* и др. В народной традиции подобного рода речений сохранилось больше, они детальнее специализированы по ситуациям: море под коровой — приветствует входящий хозяйку, если она доит корову; лебеди летели или беленько — говорят тому, кто моет пол или стирает; спорынья в квашню — приветствие тому, кто ставит тесто и под.

На признании действительности заклятий основывается их запрет. Известны древнерусские поучения, направленные против клятв и божбы. Православие боролось с произнесением клятв-заклятий как с остатками язычества. Результатом явилось почти полное отсутствие сквернословия в русской деревне. К сожалению, в настоящее время этот запрет перестал действовать, и традиция утеряна.

В быличках формы проклятий, приводящих к исчезновению людей, достаточно однотипны и содержат упоминание имени черта, сатаны, лешего: «а лешак тебя возьми» (№ 56), «понеси тебя леший» (№49), «побери тебя черт» (№ 55) и т. п.; иногда в быличке просто говорится, что ребенка обругали (№ 50), прокляли (№ 55, 57, 71). В некоторых текстах завязка с проклятием опускается и просто повествуется о том, что ребенок ушел в лес; иногда взрослые, родители, видя, что он убегает в лес, зовут его, но он не возвращается (№ 65, 66).

В быличках редко бывает «привязка» сбывающегося проклятия к определенному моменту времени (см. например, № 58), но память народная хранит представления о таких особых, положительно или отрицательно маркированных моментах. Есть «несколько моментов в сутках — полночь и полдень, утренняя и вечерняя заря, а также неблагоприятные дни и периоды, в которые недобрые пожелания сбываются. Поверье это имеет глубокие исторические корни, в средние века на Руси среди прочих отреченных книг была и магическая роспись «О часъхъ добрыхъ и злыхъ» (Памятники отреченной русской

литературы 1863: 382—384), где перечислялись все благоприятные и опасные часы суток и дни недели. Следы таких представлений сохраняются в языке: мы употребляем выражения: *в добрый (недобрый) час, черный день*; в говорах говорят: *благая (т. е. плохая) минута (Пек.), пухлый час* (Арх., Печ.) и т. п. Сейчас мы снова стали говорить о благоприятных и неблагоприятных для деятельности и здоровья человека днях, перечни таких дней даже печатаются в газетах, основой для таких раскладок являются физические и метеорологические условия, космические процессы, биоритмы человека и т. д.

«Прокленутые» люди оказываются в лесу. Лес — это царство лешего, но более глубокая мифологическая семантика леса — это запредельный, «тот» мир, поэтому люди, прошедшие какое-то время в лесу, это те, кто побывал за гранью реально-то, за чертой, разделяющей миры. По народным представлениям, уведенные, оказавшиеся в лесу или «за лесом» — «такой же народ, как мы, только, говорят, он прокленутый» (№ 50); они существуют где-то рядом с людьми, но как бы в другой плоскости, в другом измерении.

Те, кто оказался в лесу, обычно не жалуется на плохое обращение: их кормят, детей балуют лакомствами, дают яблоки, конфеты (№ 51), приносят хлеб и даже суп (№ 53), укрывают в холод (№ 53). Другой вариант утоления голода для тех, кто в лесу, — зайти в любой дом и взять еду, оставленную без благословения (№ 52), иногда даже они пользуются магазином (№ 56), невидимо берут из сундуков то, что им потребно (№ 59). Дети часто стремятся обратно в лес после того, как их вернут к людям. Есть, однако, упоминания и о тяжелой жизни в лесу, даже об угрозе жизни уведенного (№ 57, 59).

Параллельно* с повествованиями о похищении людей существуют рассказы о пропаже скота — коров, телят, реже лошадей и овец.³ Причиной исчезновения могут быть, как и в случаях с людьми, проклятия, ругань, а также нарушения запретов, несоблюдение пастухом условий «отпуска». Пропавшая скотина может находиться где-то рядом, но быть невидимой для хозяев (№ 68), появляться и снова исчезать. Те, кто похищает коров, заботятся о них, доят (№ 50). При выполнении определенных магических действий скотина обычно возвращается, но может пропасть и навсегда.

³ Былички о пропаже скота помещены преимущественно в раздел «Магия: колдовство и гадания», поскольку центром повествования в них является, как правило, колдун и его магические действия, а также в раздел «Народная демонология. Леший», так как пропажа скота связывается именно с лешим.

Кто же уводит в лес «проклёнутых» и скотину? В некоторых быличках прямо называется леший, вольный (№ 54, 59). Есть и косвенные указания на лешего: мальчик в лесу весь мохом оброс, одежда у уведенного зеленая, как и у лешего (№ 55, 57); при попытке выручить ребенка поднимается сильный ветер и шумит лес, как и при появлении лешего (№ 56); береза хлещет отца, который ищет ребенка (№ 56) и т. п. Иногда как замена лешему похитителями считаются шишки, т. е. черти (№ 51, 57). Скотину уводит чаще всего леший.

Однако в текстах быличек просматривается и другой, более глубинный пласт представлений. Неоднократны свидетельства того, что с уведенными детьми в лесу общаются их предки: Нюра Евланова узнала в том, кто водил ее, своего покойного дедушку (№ 56); Сергей Зеленцов, уже вернувшись домой, просится обратно в лес, ибо там его «дожидают дедушка и бабушка», уже давно умершие (№ 55).

Очевидно, что в быличках произошло совмещение двух мифологических пластов — культа предков, мотива посещения того света и поверий о локальных и стихийных пенатах (в данном случае о лешем). Этим объясняется возможная двойственность в сюжете, алогизмы в сюжете былички, амбивалентность неведомой силы по отношению к жертве, так как мифологический предок обычно благодетелен к человеку, леший же враждебен. Особенно непосредственное отношение имеет леший к скоту, ибо он является хозяином, распорядителем, мифологическим пастухом как диких зверей, так и домашнего скота.

Проклятые и уведенные в лес дичают: разучиваются говорить, обрастают мхом, даже кусаются, как, например, в быличках № 57, 58; они убегают, когда их зовут к себе люди. Оказавшиеся за чертой реальности приобретают черты и свойства ирреального мира:

появляются и исчезают, становясь невидимыми, их «как ветром уносит», их не догнать даже на лошади (№55).

Неярко, но высвечивается в быличках современных записей еще один древнейший мотив взаимопроницаемости миров — сожительство человека с нечистой силой. В быличке № 54 это-сожительство девушки, уведенной в лес, с вольным, т. е. лешим, в результате чего рождаются черти. Союз человека с существами божественной или демонической природы известен древнейшим мифологиям (например, античной), проник он и в сказки.

Еще более глубинный мифологический пласт нашел отражение в быличках, где человек превращается в животное, в частности, в змею. Колдун, к которому обратились за помощью в поисках пропавшего ребенка, велит матери взять то, что лежит под копной. Женщина находит под копной змею, в страхе убегает и слышит в лесу плач ребенка (№ 65, 66). Мотив превращения, изменения своей природы не чужд различным фольклорным жанрам, в том числе и сказкам (ср., например, сказку о Царевне-лягушке). Появление змеи в подобного рода сюжетах тоже не случайно. Змея — это хтоническое существо, связанное с подземным миром, тем самым с миром предков, и появление ее в быличках — еще одно свидетельство того, что-пропавшие люди оказываются в контакте с потусторонним царством теней.

По сюжетам быличек проклятые и уведенные в лес могут вернуться к людям. Иногда они выходят сами, их находят в лесу (№ 52, 53, 56), но чаще для их возвращения нужно вмешательство колдуна. Ворожули велят взять то, что под копной (№ 65, 66), идти не оборачиваясь и молчать (№ 55) — и молчание имеет здесь ритуальный характер, на расстани — перекрестке дорог — «ставить кресты» (№ 51). Крестная сила также помогает вернуться к людям: проклинает обычно мать, а возвращать должен крестный отец или крестная мать (№ 50, 55). Спасает нательный крест: его надо постараться надеть на уведенного, чтобы прекратить действие злых чар; вернувшиеся из леса дичатся людей, пока на них нет креста (№ 55, 57, 58, 60). Крест обычно используется вместе с поясом. Если крест— атрибут христианства, то пояс — элемент дохристианской языческой символики: как круг оберегает от нечисти, так и пояс как бы заключает человека в круг, переступить который нечистая сила не смеет. Пропавших людей спасает колокольный звон (№ 59), завет на икону (№ 59). Любопытное совмещение христианских и языческих мотивов можно видеть в быличке, где священник для возвращения пропавшего ребенка велит матери отстоять с молитвой з церкви три ночи и при этом в очерченном магическом кругу (№ 62).

Для уведенных нечистой силой, особенно для обмененных, одним из способов вернуться в мир людей является брак с человеком. Мотив этот, обнаруживается прежде всего в быличках о подмененных в младенчестве девочках, выросших до брачного возраста у нечистой силы (№ 60, 61). Один из вариантов брачного мотива — выбор невесты из целого ряда девушек, среда которых только одна, замарашка, изможденная дурнушка — человек, а остальные — нечистая сила (№60). Именно ее-то по подсказке матери или колдуна должен выбрать себе в невесты мужчина, надеть на нее крест и пояс и тем самым вернуть к людям. Модификаций этого сюжета много, он представлен в былине о Садко, отголоски его, но уже с ослабленной мифологической основой, видим в знаменитом сюжете о Сандрильоне-Золушке.

Но не только проклятие или брань матери могут стать причиной того, что ребенок оказывается во власти нечистой силы. В течение сорока дней после рождений и особенно пока ребенок не крещен, он может стать добычей злых сил. Чаще всего он может быть похищен в бане, так как раньше женщины рожали обычно в банях, а баня —это нечистое место, там нет икон (№ 62, 63). В народной традиции существует запрет оставлять младенца одного, а тем более в бане. В качестве оберега против похищения, как и в других случаях, могут служить металлические предметы, которые, кладут возле ребенка (№ 64). Случается, что мать сама отдает свое дитя в руки нечистому, помянув черта и тем самым призвав его

(№ 62), или нарушает какой-либо запрет, например, передает ребенка через порог, чего делать нельзя, ибо порог — это один из символов границы двух миров (№63).

При похищении ребенка нечистая сила может подкинуть своего, т. е. подменить ребенка. Эти подкинутые, обмененные дети, называемые обмен, обменш, обменённый и т. п., отличаются от обычных детей большим ростом, силой, но вялостью, иногда слабоумием. Поэтому их называют также «усилок». Но может быть и так, что подкинутое дитя не растёт вовсе, и мать лет двадцать качает колыбель (№61). Когда же чары рушатся, оказывается, что в колыбели не ребенок, а полено, голик, чурбан (№61).

Трогательна наивность некоторых рассказов. Например, черт, а вернее чертовка, пытается похитить человеческое дитя и подкидывает свое. И она уже утащила под кровать младенца, а своего положила в колыбель. В таком случае достаточно припугнуть ее, сказав, что выбросят ее чертенка, и испуганная заботливая мать-чертовка поменяет ребят обратно, так как «ну кака мать захочет, чтобы ейного ребенка убили...» (№ 64).

Вернувшийся в мир людей не должен рассказывать о своей жизни за гранью реальности. Сакральный мир хранит свои тайны. Стоит только заикнуться о том, что было в ирреальном мире, сразу же возникает угроза возвращения в него: человек умирает (№ 57) или некая сила тянет его за ту границу, которая разделяет миры, причем эту границу символизирует угол, стена, край постройки: «она немного сказала, так ее под амбар забило» (№ 56), «.. а как-то проболталась, так ее под анбар запихало» (№ 65).

Мотив стены, угла как границы миров достаточно древен. Он присутствует, например, в Житии Феодосия Печерского XII в., составляя почти полную аналогию быличкам: бесы, искушая иноков, также пытаются придавить их стеной. В одной из быличек неприятель, т. е. леший или черт, рассердившись на мальчишек, с которыми он играл, поднимает угол избы и сует туда одного из них (№ 258). В другом тексте говорится, что во время пребывания в лесу, т. е. в ирреальном мире, героиня повествования не могла «через перешагнуть... ноги ни до чего не достают» (№ 59); речь идет о невозможности преодолеть какую-то невидимую границу, рубеж, разделяющий миры.

Эта закрытость, непознаваемость для людей сакрального мира, наличие черты, границы, разделяющей миры, говорит о том, что структурной основой быличек о тех, кто побывал за гранью реального, являются представления о загробном мире, мире предков и временном посещении его людьми. Участие в похищении нечистой силы является позднейшим наслоением. В этом смысле былички о проклятых и обменных типологически и генетически связаны с циклом быличек о загробном мире и культе предков.

Тема похищения человека неведомой силой и посещения им таинственного фантастического мира устойчиво владеет умами людей. В середине и конце XX в. людей похищают не бесы, шишки или лешие в любом национальном облики, а инопланетяне; неведомый запредельный мир заменяется внутренним помещением летающих тарелок. Человеку и человечеству в целом по-прежнему неодолимо хочется, хотя и боязно, заглянуть за ту роковую черту, которая пролегла между видимым и осязаемым миром человека и природы и неизмеримым космосом, между бренным человеческим разумом и вечным разумом мироздания, между узким крутом известного и беспределом непознанного.

НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

Рассказы о мифологических персонажах достаточно популярны на Севере, хотя и уступают по распространенности быличкам о явлениях покойников или о колдовстве.

По традиционным представлениям северянина, весь окружающий его мир — дом, хозяйственные постройки, лес, поле, водоемы и т. д. — населен таинственными существами, распорядителями, пенатами определенных сфер, мест, стихий. Одно из самих распространенных высказываний на Севере, если речь заходит об этих фантастических существах: «везде есть свой „хозяин“» — в доме домовый, в поле — полевой, во дворе — дворовой, в бане—баенник, в воде — водяной и т. д.

О происхождении локальных пенатов сохранился ряд легенд. В самой распространенной из них говорится, что согрешившие ангелы были сброшены с неба на землю и кто из ангелов куда упал, хозяином того места и стал: «на дом — дак домовоюшко, в баню — дак баенник, в лес—дак лесовой» (№ 111). Легенда эта имеет очевидную связь с древними апокрифическими сказаниями о падших ангелах. В развитие этой-темы в тексте, записанном на Пинеге в 1985 г., говорится, что «сорок дней бесы падали на землю. Говорят, если бы они стенок [тень] имели, солнце бы его не пробило и землю бы не увидало» (Арх. Пин. Городец, 1985). Таким образом, тот факт, что, по народным поверьям, представители нечистой силы не имеют тени, оказался весьма полезным для человечества: в противном случае, свет солнца не пробился бы на землю, и это имело бы весьма печальные последствия для людей.

Рассказы о мифологических персонажах генетически восходят к дохристианским языческим представлениям о божествах различных сфер. Множественность языческих божеств и их связь с различными областями жизни хорошо известна по мифологиям различных народов.

Изучению языческого пантеона посвящена огромная литература (Срезневский 1855; Аничков 1913; Гальковский 1913; Niederle 1924; Moszynski 1934; Иванов, Топоров 1974; Urbanczyk 1974; Рыбаков 1981; 1987, и мн, др.), и на основании древних, памятников и археологических источников науке удалось составить представление, хотя и неполное, о языческих божествах у славян. Это известные бог-громовержец Перун, «скотий бог» Волос-Велес, бог солнца Хорс, богиня плодородия, судьбы Мокошь, божества рода и судьбы Род и Рожаницы и некоторые другие, а также менее значительные персонажи, такие, как берегини, упыри. Помимо этого, существовало множество-более мелких божеств и божков, распоряжающихся различными сферами жизни, почти каждым природным объектом, каждым хозяйственным действием и событием. По данным, например, мифологии балтийских народов были божества, обеспечивающие хорошее вызревание колосьев, обильный опорос свиней, хороший прирост телят, охрану границ владений, богатый сбор меда и под. (Ковалівський 1926). В науке таких мифологических хозяев-распорядителей иногда называют «актуальными божествами» (Черепанова 1983: 38).

Совершенно очевидна связь современных мифологических персонажей с древними языческими божествами. Например, в средней России и на Севере известен персонаж мокоша, мокуша — мифическое существо, появляющееся в домах по ночам, прядущее оставленную без благословения пряжу, остригающее шерсть у овец. С древней Мокошью образ мифического существа объединяет не только имя-наименование, но и устойчивая связь с прядением, которое в свою очередь в мировой традиции связано с идеей судьбы, прядения «нити жизни». Скотий бог Волос имеет ряд общих черт с лешим, например, их объединяет мотив пастьбы скота (см. № 140, 141, 142, 147) и диких животных (№ 138). Специфическую черту божества Рода - вредоносность для детей (ср. характеристику Рода в памятнике XIII в. «Моление Даниила Заточника»: «дѣти бѣгают рода, а господь пьяного человекѣ») — находим у ряда современных персонажей, в том числе у полудницы, удельницы, мамуны, которые тоже опасны для детей и даже для еще не рожденных младенцев.

Падение язычества привело к уничтожению верховного языческого пантеона, включавшего главные божества — Перуна, Волоса, Хорса и др., но малый пантеон — локальные пенаты, актуальные божества — оказался очень устойчивым, хотя и претерпел существенные изменения под воздействием христианства. Произошло переплетение христианских и языческих черт в сущностных и функциональных характеристиках персонажей. С одной стороны, древние языческие божества под влиянием официального христианства превратились в демонические, бесовские силы. В древних памятниках мы неоднократно встречаемся с трактовкой языческих локальных пенатов и божеств как бесов. В «Слове св. Василия о посте» из «Златой цепи» XIV в. домовый называется «бѣсом хороможителемъ», в памятниках упоминаются «водянии

бѣси», «бѣсь полуденный» и др. С другой стороны, многие христианские святые взяли на себя функции древних языческих персонажей. Илья-Пророк в народном сознании совместился с языческим богом-громовержцем став своего рода аналогом Перуна; св. Власий, отчасти по созвучию с именем Волос, стал пониматься как охранитель скота; св. Георгий Победоносец, день которого 23 апреля совпадает со временем первого весеннего выгона скота, также стал покровителем животных, как домашних, так и диких. Многие христианские святые взяли на себя роль «актуальных божеств», став покровителями-распорядителями хозяйственных процессов и сезонных погодных явлений, причем эта функциональная трансформация сказалась и на их именовании. В народной традиции к имени святого часто прибавляется приложение-определение, указывающее на предмет патронажа и функции персонажа: Агафья-коровятница является покровительницей коров, Анастасия-овечница — соответственно овец и т. д. (ср. Онисимы-овчары, Савватий-пчелятник, Федосья-колосава и др.). Именование Анкудин-разжигай овин указывает, что в день этого святого наступает время сушить хлеб; в день Еремея-запрягальника надо начинать пахоту; около дня Алексея-пролей кувшин, Марьи-запали снега начинается бурное таяние снегов и т. п. (ср.: Акулина-задери хвосты — время, когда много оводов и скот мечется в беспокойстве; Петр-полукорм — к этому дню должна остаться половина запаса кормов; Палей-паликоп — время гроз во второй половине июля, когда часто от удара молний загораются койны в полях и др.).

Наделение христианских святых функциями языческих божеств-покровителей отразилось и в народных духовных стихах, особенно распространенных у раскольников, как, например, в следующем:

Мати Божья Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница!
Заступи, спаси и помилуй
Сего дому господина
От огненной пожоги,
От водяной потони,
Попаси же ему Господь Бог,
Хлор, Лавер лошадок,

Власий коровок,
Настасий овечек,
Василий свинок,
Мамонтий козок,
Терентий курок.
Зосим Соловецкий пчелок,
Стаями, роями,
Густыми медами
(ЖМНПр. 1863. Т. 117, отд. IV.
С. 49).

В результате длительного и сложного взаимодействия христианства и остаточных языческих представлений сложился христианско-языческий синкретизм, многие черты которого можно видеть в современном пантеоне мифологических персонажей. Главное его следствие — переводение всех или почти всех персонажей, за исключением домового, в ранг нечистых, демонических сил, а также частое совмещение в народном сознании локальных пенатов с чертом, бесом, что наблюдается в значительном числе быличек. Синкретизацию древнего языческого пантеона с христианским демоническим миром и отражает традиция именовать эту область мифологических представителей народной демонологией.

Мифологические персонажи Севера по своим основным характеризующим признакам образуют определенную систему. По своим самым ярким чертам они могут быть подразделены на персонажи локальные, темпоральные и функциональные.

Локальные персонажи — это самая многочисленная группа. К ней должны быть отнесены те мифологические образы, для которых главным признаком является связь с определенным локусом, патронаж определенной локальной сферы: *леший* распоряжается в лесу, *полевой* — в поле, *водяной* — в воде и т. д. (ср. также: *домовой*, *дворовой*, *овинник*, *рижник*, *конюшник*, *банник*, *болотяник*, *кустица*, *подкустовник*, *боровой*, *луговик* и др.).

Основная характеристика темпоральных персонажей — время появления или функционирования: это полудницы, ночницы, святочницы, удельница, которая появляется, когда зреет или «удит», рожь, во время «уденья», т. е. в полдень (Карелия, Медв., 1976).

Для ряда образов основной чертой является их функция, характер того действия, которое персонаж оказывает на человека и окружающий мир: обдериха страшна тем, что «задирает», душил человека в бане; змей-носак приносит своему хозяину - колдуну деньги, съестные припасы — молоко, творог, зерно и под.

Приведенная классификация мифологических персонажей не является единственно возможной и исчерпывающей, к тому же она отражает позднее состояние мифологических представлений, известное нам по материалам XIX—XX вв.

Многочисленные фольклорно-этнографические записи (Ефименко 1864 а, б; Иванов 1893; Барсов 1894; Дилакторский 1905; Костоловский 1916) и исследования этнографов, фольклористов и языковедов прошлого и нынешнего столетий (Афанасьев 1865—1869; Ефименко 1864 а, б; Сумцов 1890; Георгиевский 1902; Максимов 1903; Зеленин 1916; Токарев 1957; Померанцева 1975; Мифы народов мира 1991—1992, и др.) показывают, что система образов, которую исследователь находит на Севере, является частью общерусской и общеславянской, т. е. общей для всех славянских народов, мифологии. Большое число персонажей, представленных в северных материалах последних двух столетий, может быть, возведено к нескольким древнейшим архетипам, обнаруживающим себя и в новейших записях. Например, русалки, которые появляются из воды (№ 167, 179), шишичиха на ветвях дерева (№ 184), лесные девки (№ 159), росомаха (№ 183), полудница (№ 224, 228—230) — это все позднейшие видоизменения древнего божества растительности, вегетации, которое в зависимости от сезона обитало в воде или на суше, среди растительности. Именно поэтому славянской мифологии известны русалки водяные и лесные, или полевые (ср. у А. С. Пушкина: «.. русалка на ветвях сидит»). В разных региональных традициях, в разное время может оказаться актуальным какой-либо один признак архетипа, например, связь русалки с водой или, наоборот, с сушей. В результате с течением времени образ-архетип обычно распадается на несколько отдельных образов, генетическая связь которых постепенно перестает осознаваться.

Кроме того, каждый мифологический персонаж обычно имеет ряд табуистических имен (например, есть около 100 наименований домового). Эти названия даются по каким-либо признакам персонажа. Так, домового называют гнеток, гнетке, потому что он «гнетет» по ночам; *лизун*, потому что зализывает волосы у любимой скотины и у милых ему людей; его называют *навпа*, хотя связь с древнерусским *навь* 'покойник' давно забыта. Эти многочисленные наименования постепенно могут потерять связь с основным образом, оторваться от него, а затем, наполнившись дополнительным понятийным содержанием, стать наименованием особого персонажа. Этот процесс приводит к парадоксальному явлению — на Севере, как и в некоторых других регионах, несмотря на общее угасание мифологических представлений, происходит некоторое увеличение числа мифологических персонажей. И материалы каждой полевой экспедиции, каждый новый текст, даже самый краткий, могут содержать упоминание о новых персонажах, имеющих большую или меньшую мифологическую глубину, как, например, № 396 или следующий: «Любое дело под воскресенье надо закончить. Если работу оставят, придут семеро, запутают» (Новг., Батецк., Черная, 1988).

Изложенные обстоятельства следует иметь в виду при обращении к текстам, повествующим о различных мифологических персонажах.

Домовой и дворовой

Образ домашнего пената — домового или дворового — распространен на Севере повсеместно, рассказы о нем можно слышать почти в каждой деревне. Это привычный, свой, домашний персонаж, с которым не связаны какие-либо особенно страшные происшествия, поэтому былички о нем не имеют обычно сложного развернутого сюжета. Большая часть из них построена на нескольких повторяющихся мотивах, но варьирование деталей описания практически неисчерпаемо.

Очень часто домовый и дворовой — это один персонаж. Обычно они просто не различаются, иногда же их тождество специально подчеркивается (№ 72), или, наоборот, они могут быть противопоставлены друг другу по сфере патронажа.

Домашний пенат— обобщен ли он в образе домового, или дворового — в северных материалах является в антропоморфном или зооморфном виде. Антропоморфный образ может обнаружиться в любом районе Севера, зооморфный имеет территориальную привязку. На востоке региона обычная ипостась дворового — ласка, зверек из семейства куньих (№ 79, 111— 114, 121, 122 и др.), который действительно появляется в хлевах и курятниках и причиняет неприятности скоту. Мифологизация животных из семейства куньих — самой куницы, ласки, хорька — широко распространена у финно-угорских народов и возможно, от них пришла к русским, что облегчилось реальным присутствием ласки рядом с хозяйством северянина. Чем далее на запад, тем чаще домашний пенат является в облике змеи (№ 120, 123, 124)—хтонического существа, осуществляющего связь с подземным миром теней. Предстает персонаж также в облике жабы (№ 116), крысы (№ 115, 117), kota или кошечки (№ 119), собаки (№ 75, 110). При частом тождестве домового и Дворового имеются все же различия: всё животные, обитающие вне дома—жаба, змея, ласка, — понимаются лишь как дворовой, домашние — кошка, собака — как домовый. Всех этих животных, если они появляются возле дома или в хлеву, убивать нельзя. Это может привести к несчастью.

В разделе о быличках, связанных с культом предков, уже шла речь о том, что в своём генезисе домашний пенат — это мифологизированный предок-охранитель, в нем в образной форме воплощается идея рода, преемственности поколений, незыблемости домашнего очага. Именно поэтому антропоморфный домовый-дворовой обычно имеет облик кого-либо из умерших предков по мужской линии (№ 90, 117) или здравствующего члена семьи, старшего по возрасту, хозяина (№ 72, 84, 98, 99). У домового такая же семья, как у хозяина (№ 84, 109), в ней происходят те же события, что и в хозяйской семье, например, свадьба, похороны, родины. Интересен в этом отношении контекст, записанный 70-х годах на Печоре: «Поляхи, скажите домахе, что кустица родила». В нем содержится просьба к женщинам, работающим в поле, передать домовый хозяйке весть о прибавлении в семействе у другого мифологического персонажа — кустицы. На Пинеге рассказывают, что если в день свадьбы хозяина или кого-нибудь из членов семьи встать на дворе, наклониться и посмотреть назад промеж ног, то можно увидеть свадьбу домовых, их свадебный поезд.

В быличке № 91 женщина ночью видела как бы самое себя, домовую хозяйку в виде своего Двойника. Эта быличка —достаточно редкое для несказочной народной прозы проявление мифологической темы двойничества, нашедшей различные формы выражения в литературе и искусстве.

Предстает домовый и гномом, маленьким человечком, «немного от пола» (№ 74), и, наоборот, высоким человеком (№ 96), он может быть лохмат, может показаться знакомым человеком (№103) и т. д.

В некоторых рассказах облик домового неопределенен, говорится, что его никто не видел (№ 76). Позднейшим наслоением следует считать характеристики домового, свойственные черту: у него может быть хвост; он свищет и т. п. (№80). Но совмещение домового с демоническими силами исключительно редко. Он не принадлежит к нечистой силе, он «свой» (*свой*—одно из наименований домового), он участвует в жизни семьи, к нему обращаются комплиментарно, он может находиться в помещении, где есть икона. Обитает за печкой (№73), под порогом, на чердаке, в подполье (№ 83) и на повети. Все эти места мифологически маркированы: печь — организующий центр дома, очаг, и к тому же связанный с огнем; порог—мифологическая граница дома; подполье и чердак — аналоги нижней и верхней сфер в мифологической семантике дома как космогонической модели мира.

К человеку домовый в целом доброжелателен. Его основные функции обусловлены генезисом образа, тем, что по истокам своим это родовой неيات. Наиболее устойчивыми оказались две функции домового-предка: функция предсказания и оберегания скота.

С функцией предсказания связан мотив «гнетения» — едва ли не самый распространенный мотив в быличках о домовом. Если человек испытывает чувство тяжести ночью, стеснение дыхания, как бы чье-то прикосновение — это, считается, наваливается и «гнетет» домовый (№ 75, 90, 92 и др.) При этом домового надо спросить, к добру это или к худу. Пыхтенье «кху, кху» означает приближение несчастья - болезни, смерти, чьего-либо ухода из дома (например, дочери, которая выйдет замуж и покинет семью (№ 90). Предвещать несчастье домовый может плачем (№ 110). Если кто-либо ощущает прикосновение как бы голого тела — это к плохому, а если коснется что-то мяконькое, мохнатенькое, это хорошо (№ 93, 118). Различными шумами в доме, звуками, например, кошачьим мяуканьем, иногда просто словами Домовой может предупредить о каком-либо важном событии, например, об окончании войны (№ 74). Если на теле человека без видимой причины появляются синяки, считается, что это к несчастью, к смерти и что это «выкусывает» домовый. На Мезени домовый, который «выкусывает» синяки, называется мардос, мардус, мартос (№ 94, 95 и др.). По мифологической семантике синяк — это знак смерти, беды, потустороннего мира, след прикосновения «синего мужика», т. е. покойника.

Домовой-дворовой почти постоянно связывается со скотом. Если скотина нравится «хозяину», он ее холит, кормит, лошадям расчесывает гривы и заплетает в косы (№ 72, 96, 98); если же, не нравится — мучает, гоняет по двору до того, что лошадь или корова становятся взмыленными, может даже и вовсе известить скотину (№ 90, 96, 97, 107, 112, 120, 121, 122). Причин, почему домовый-дворовой недоброжелателен к скотине, обычно две: или скотина пришлась «не по шерсти», «не ко двору», или нарушен этикет в отношении человека к домашнему пенату. Маркированность масти скотины в отношении домового к скоту есть выражение остаточных, видоизмененных родовых отношений, ибо цвет волос, шерсти — знак кровной близости, признак принадлежности к одному роду, племени. Так же и в колдовстве чары могут быть действенными только в том случае, если они приходятся «по крови». Иногда есть упоминание, что масть скотины должна соответствовать цвету волос хозяина, и в этом опять проявляется генетическая сущность домового-дворового как предка, хранителя рода, единства крови, преемственности поколений.

Такое же избирательное отношение домовый может проявлять и к членам семьи. Он может высказывать недовольство, если вновь вошедшая в семью невестка ему не нравится; у членов семьи, к которым домовый особенно благосклонен, он может тоже заплетать косы (№ 109), зализывать волосы (№ 3), «засушивать» их (№ 109), отчего в некоторых местах (например, в Бабаевском р-не Вологодской обл.) одно из наименований домового — *лизун*. Отъезд любимых домочадцев заставляет домового плакать (№ 104).

Функции хранителя домашнего очага выполняет домовый и при переезде в новый или другой дом (№ 102, 110). Его необходимо пригласить вместе с собой, иначе он может обидеться; иногда видят, как он перебегает в новое жилище, а прежние невидимые обитатели дома уходят (№ 102).

Еще одна функция домового как предка-покровителя — это охрана и накопление имущества. Эмплицуруется она в двух моментах, один из которых связан со скотоводством, второй — преимущественно с земледелием. На Севере, где в крестьянском хозяйстве скотоводство преобладает над хлебопашеством, актуальны былички, где домовый выступает как охранитель скота.

Когда покупают и приводят в дом новую скотину, обязательно нужно «попроситься» у домового-дворового. Если этого не сделать, он может не принять скотину (№ 101, 114, 122). Заклинания, с которыми обращаются к домашнему пенату в этих случаях, весьма разнообразны по форме и часто поэтичны, как, например, следующие.

«Дедушко-модовеюшко, привела тебе скотинку двухкопытную, холь, корми гладко, место стели мягко, сам ложись на край него вали в середочку. Сам не обижай и дитям не выдавай» (Арх., Пин., Веркола, 1984).

«Дедушко-доможирушко, полюби мою скотинушку, люби своей дорогой ласкоточкой, гладь своей золотой лапочкой» (Арх., Мез., Лампожня, 1986).

Чтобы задобрить «хозяина», ему кладут в хлеву угощение (№ 82), произносят специальные заклинания, что следует расценивать как остатки ритуала жертвоприношения: «Милый хозяин и хозяйка, с малыми детушками, с дедушкой и бабушкой, с тетушкой и дядюшкой, примите мой дар во имя Отца и Сына и Святаго духа. Аминь» (Лён., Тихв., 1974).

Связь домашнего пената — хранителя имущества с земледельческими формами хозяйствования на Севере проявляется слабее и преимущественно в западных районах. Домовой пенат, покровительствуя своему хозяину, может носить ему добро например, зерно овса, как в быличке (№ 117). В северо-западных районах и в Белоруссии обогащению хозяина способствует летучий змей — «змей-носак», который может приносить хлеб, всяческие припасы и даже деньги. В более южных районах упоминаются коллолозы (т. е. те, которые находятся, «лазают» возле, около хозяина) — фантастические существа, похожие на зайца, с большим зобом, в котором они и приносят добро. Во многих случаях эти персонажи-накопители потеряли связь со своим генетическим корнем — образом домашнего пената — и стали связываться в народной традиции с колдунами, стали помощниками колдуна. Образ персонажа-накопителя имеет очень глубокие корни и распространен значительно шире славянского ареала. Весьма отчетливо представлен он, например, у балтийских народов — и тоже в облике змея. В публикуемых материалах мотив змея-накопителя отражён в текстах № 123, 124.

Упоминания о других функциях домового единичны. Он может проказить — есть оставленную еду, уносить и прятать вещи, передвигать стулья (№ 72), заставлять хозяина плутать в собственном дворе (№ 76) и т. п. Именно такие действия домового находят аналогии в современных рассказах о полтергейсте.

Домашний пенат на Севере имеет очень много наименований, значительная часть которых коннотирована положительно: *баканушко, большак, большачок-доброхот, буканай, буканушко-соседушко, дедушка, дедушка-домовеюшко, доможир, дедушко Романушко (и бабушка Доманушка), домовик, домовейко и модовейко, жихарь, жировой, избной; домовой, доможитель, домовитель* и многие другие. Внутренняя форма большей части этих наименований ясна. Например, *большак* — это старший в семье, хозяин; наименования *доможир, жировик* имеют корень *жир*, который на Севере может означать 'жилье, помещение для жилья' (ср.: *двужирный дом — это двухэтажный дом, жировать — жить*); *модовейко* образовалось из *домовейко* в результате перестановки звуков; слово *домовитель* имеет два корня: *дом-* и *вит(ать)* 'жить' (ср. *обитать* из **obvitatī*) и т. д. Некоторые названия имеют ярко выраженный табуистический характер: *тот, другая половина, сам, свой, запечный* и т. п. Довольно много наименований, в основе которых лежит указание на функции, свойства, формы проявления домового: его называют *стенъ, пастенъ* (диал. 'тень'), так как появляется в виде тени на стене; *гнетке, гнеток, жма, заженик* (так как он гнетет, жмет, наваливается во сне на человека), *лизун* (так как он зализывается, мусолит волосы) и др.

Лишь отдельные именованья домового коннотированы отрицательно и связывают его с нечистой силой, бесовским миром: слова *шишко, шишок запечный, худенький*, иногда применяемые к домовому, служат также наименованием черта.

В совокупности всех характеристик складывается образ домашнего пената, некоего мифического существа, невидимо живущего рядом с людьми, с семьей, оберегающего дом, домашний очаг и уют, как бы невидимого члена семьи, для которого не чужды людские заботы, который печется о людях, но требует от них соблюдения определенных норм жизни и поведения. Устойчивость такого взгляда на образ доброго и уютного домашнего пената

отражает современная песенка «Домовой», где говорится, что в Доме царит мир и покой, когда дом хранит «в мягкой шляпочке и теплых тапочках» домовой. Он живет на чердаке за трубой, возится там с мышами, а когда кто-нибудь из домашних уезжает, он плачет и сует в карман кусочек пирога (песенка исполнена была, например, в радиопередаче «С добрым утром» 23 сентября 1990).

Леший

Мифологический хозяин леса, который имеет множество имен, основные из которых *леший, лесной, лесовик, лесник, лешавик, лешйк, лес, лес праведный, вольный, лесной дедушка, лесной житель, лесной хозяин* и др., является едва ли не самым распространенным и ярким образом народной демонологии на Русском Севере, сплошь лесном крае еще в XIX в. Естественно поэтому, что и рассказы о лешем также занимают большое место в корпусе севернорусских быличек.

В фольклорно-этнографической литературе много сведений об этом персонаже как в уже указанных общих работах, так и в специально посвященных лешему (Андроников 1859; Анучин 1859). Публикуемые былички отражают многие устойчивые черты образа и в своей совокупности дают обобщенное представление о хозяине северных лесов.

Чаще всего Леший — это существо человеческого облика, но наделенное ирреальными чертами. Он может быть «выше леса» (№ 126, 143), выше домов (№ 125) или, наоборот, иметь небольшой рост (№ 130), является как маленький старичок, который «выходит с-под корней или из земли» (№ 131), иногда равен ростом человеку (№ 132) или меняет свой рост, становясь то выше леса, то ниже травы. Связь с лесом является основным признаком лешего и может обнаруживаться в различных его характеристиках; например, о нем говорят, что он «весь еловый» (№ 136). Именно таким «еловым» чаще всего изображают лешего художники, как, например, В. В. Васнецов (эскиз костюма лешего к опере Н. Римского-Корсакова «Снегурочка»). Такой «древовидный» облик лесного повелителя имеет очень глубокие корни. Так, в старом народном стихе о Егории Храбром этот эпический христианско-мифологический герой, устроитель земли «светлорусской», в своих странствиях наезжает на мифических пастухов, очевидно, лесных повелителей:

И пастят стада три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы ...
На них тѣла, яко словая кора,
Влас на них, как ковыль трава... (ЖМНПр. 1963. Т. 117. С. 30).

Леший антропоморфен, и одежда у него вполне людская — армяк, кафтан, балахон, сапоги, ботинки, шляпа, кепка, колпак (№ 129, 140, 144). Описание одежды лешего варьируется в быличках, но почти всегда цвет и детали одежды мифологически релевантны. Обычен зеленый цвет одежды, цвет леса (№ 129), могут присутствовать черный и белый цвета (№ 127, 132), а это, как известно, цвета ирреального мира, а также их смесь — серый (№ 140, 144). В одежде лешего могут быть детали красного цвета — красный кушак (№ 127), красные штаны (№ 127, 147). Появление красного цвета не случайно. Символика красного цвета в народной мифологии различна, на глубинная семантика красного это связь с огнем, и с огнем как небесным, так и огнем подземного царства. Отсюда своеобразная энантиосемия красного цвета в мифологической символике: это цвет жизни, солнца, но это и цвет потустороннего мира, демонических сил. Именно поэтому красный цвет часто присутствует в описаниях мифологических персонажей — это «красные шапочки» — чертенята, помощники колдунов (ср. пол. *Khasneta, Krasnoludki*), это лешачихи-русалки в красных сарафанах, это «баба в красном казане», появление которой служило предвещением пожара (№ 159, 231) и т. п.

Кроме цветовых примет, в одежде лешего есть и другие детали, обнаруживающие его принадлежность к нездешнему миру: полы одежды у лешего заложены не так, как у

мужчины, а наоборот, колпак на голове, пуговицы могут быть медными (№ 126), что опять-таки манифестирует причастность к ирреальным сферам.

По связи с лесом леший может иметь также зооморфный вид — облик птицы, особенно филина, зайца (№ 139) и др. Лесной хозяин может представлять и неким чудищем огромных размеров, одна нога которого находится на одном берегу реки, другая — на другом (№ 147). В ряде быличек внешний облик лешего вообще не описывается (как это часто бывает в отношении почти всех мифологических персонажей), так как эта образ, недоступный восприятию, неуловимый, к тому же опасный, особенно если всуе упоминать его имя и тем более красочно живописать его облик.

Как следует из содержания быличек, леших в лесу может быть несколько или даже целая «артель»: «Глянул я в окно, да так и обмер от ужаса. Идет артель лесных, все в шляпах, а ростом выше избы. Разговор идет об том, как бы пойти в кабак выпить» (Олон. АМЭ, Тен., 1887, л. 13—14). Множественность леших в этой быличке и особенно их разговор о кабаке и выпивке указывают на совмещение образа лешего с образом черта. Это же можно сказать и о тех случаях, когда леший в быличке предстает в облике военного, солдата, ибо это также одна из ипостасей черта (№ 152).

Сближает лешего с чертом и медный колпак на голове (№ 126). Остроконечные металлические шапки или голова, заостренная вверх, — признак бесовской, дьявольской природы персонажа. Например, на иконах бесы обычно изображаются с головой остроконечной формы, шапки или головы шишом — характерная черта шуликунов (см. раздел «Шуликуны»), связь с чертом у которых достаточно прозрачна. Медный колпак на голове у лешего оказывается не случайно. Желтая по цвету медь, как и золото, имеет мифологическую связь с огнем, под земной стихией. В то же время мифологическая символика связывает медь и с солнцем и его животворной, благодетельной силой, опасной для темных сил. Поэтому в одной из быличек (№ 146) говорится, что лешего нельзя поразить свинцовой пулей, возьмет его только медная дробь. Внешний облик лешего нередко дополняют предметы, подчеркивающие его связь с лесом и функцию патронажа домашнего скота и лесных зверей: корзина, батог, плеть.

В описаниях лешего особняком стоит одна вологодская быличка (№ 161). Таинственное существо, испугавшее возвращающегося домой зимой на санях крестьянина, характеризуется двумя признаками: оно «ревит» и издали выглядит «как стог сена», а вблизи, когда крестьянин поровнялся с ним, — «такой дед, что ль», в армяке, и «все в лицо заглядывает». Отсутствие точной квалификации таинственного персонажа — характерная черта быличек, но облик деда в быличке № 161 и громкий рев, издаваемый чудищем, Сближают этот образ именно с лешим. Возможно, в этой быличке нашел своеобразное преломление мифологический мотив, известный по материалам XIX в. в более восточных районах: в Предуралье есть упоминание о лешачихе, называемой тюркским словом албаства, которая появляется перед путниками в виде стога сена со множеством глаз.

В быличках появление лешего, как и других демонических сил, сопровождается внезапно налетевшим ветром, шумом деревьев (№ 135, 143, 144), иногда он громко кричит и «гейкает», хохочет (№ 136), а хохот, как известно, действие бесовское.

Основная функция лешего отражена в его названии — лесной, лесной хозяин: это патронаж леса. Он «бережет, сторожит лес» (№ 131), распоряжается лесными зверями, перегоняет их стадами, «пасет зайцев, волков, лисиц», может увести у охотника собак (№ 144). Может также обеспечить охотнику хорошую добычу, если тот ходит «со статьей», т. е. имеет определенное соглашение с лешим (№ 144). Является патроном не только диких животных, но и скота (отчасти потому, что на Севере скотину часто пасут в лесу). Именно к нему обращаются за помощью пастухи, леший дает им «отпуск» или «статью», магические предметы, помогающие собирать скот, например, дудочку или поясок (№ 141); иногда пасет скот сам вместо пастуха. Вместе с тем леший похищает скотину, и тогда ее приходится «доставать» с помощью колдуна (№ 140, 147 и др.). Об уведенной скотине леший заботится, пасет, доит коров, но может и погубить, о чем узнается также с помощью колдовства.

Есть упоминания о том, что у различных участков леса свой хозяин, т. е. у каждого лешего свой «приход», о котором он заботится. В тексте № 150 вольный заступает перед вольным другого «прихода» за «своего» рыбака, который неосмотрительно расположился ночевать прямо на дороге.

У лешего может быть семья: жена — лешачиха, дети-лешенята. Впрочем, по своей глубинной мифологической семантике лешачиха принадлежит к другому классу мифологических, существ — вегетативным божествам, трансформировавшимся прежде всего в русалку.

По отношению к людям леший амбивалентен, хотя в основном вредоносен. Зло, которое чаще всего леший приносит людям, заключается в том, что он заставляет людей блуждать по лесу. Достаточно чем-нибудь нарушить «этикет» поведения в лесу или наступить на «худой след», «лешеву тропу», «лешачий переход», чтобы сбиться с дороги (№ 134, 136 и др.).

Считается, что именно леший уводит проклятых детей (о чем уже говорилось) и вообще опасен для ребят. Мотив вредоносности лешего для детей имеет широкий межэтнический ареал. Достаточно вспомнить широко известную балладу И. Гете в переводе В. А. Жуковского «Лесной царь», в которой младенец был похищен лесным царем прямо из рук, отца. Не только сюжет в целом, но и частный мотив соблазна, призыва ребенка объединяет балладу с северными быличками. Например, в архангельской быличке, как и в произведении И. Гете, лесной дух, оставаясь невидимым для взрослых, является ребенку (№ 133).

Встреча с лешим, особенно если он пересечет дорогу, предвещает несчастье, смерть (№ 126). Чревато несчастьем и нанесение какого-либо вреда лешему (№ 146), нарушение запретов. (№ 140), например, леший является женщине, которая черпала воду ночью, т. е. нарушила древнейший запрет трогать воду после захода солнца, так как вода «спит» (в этом обнаруживается мифологическая связь солнца и воды как основных источников жизни); ср. также запрет купаться после захода солнца известный практически повсеместно. Наряду с известным запретом обрабатывать весной землю до определенного дня, когда бывают «земли именины», этот запрет отражает древнейший, языческий культ стихий, в том числе культ земли и воды.

В отдельных ситуациях леший оказывается благодетельным по отношению к человеку: помогает женщине рубить дрова (№ 143), помогает пасти скот (№ 141). Неоднократно встречается сюжет, когда леший нянчит забытого в поле, на опушке младенца. Рассказы о забытых на меже младенцах вполне жизненны, так как раньше, уходя, в поле работать, женщины нередко брали грудных младенцев с собой. Обычно леший отдает ребенка матери, которая в ужасе прибегает, вспомнив о забытом малыше, и видит, как леший качает зыбку. Именно поэтому одно из табуистических имен лешего — зыбочник. Считая младенца, которого он нянчил, своим крестником, леший, может сделать ему подарок — пригоняет к дому скотину (№ 149).

Древняя сущность лешего как видоизменившегося языческого божества проявляется и в мотиве принесения жертв: ему выносят ушат пива (№ 148); отыскивая скотину, кладут на перекрестке дорог яйца; яйца же дают колдуну, который, тайно, знаясь с лешим, помогает найти пропажу (№ 292). Но в древний образ языческого божества, как уже отмечалось, вплелись демонические черты христианского беса, которые отдельными штрихами обнаруживаются в быличках: от лешего спасает ребенок — ангельская душа (№ 143), леший подпирает дверь осиновым стволом (№ 144), его можно заставить выполнять бесовские действия — петь и плясать. Последний сюжет, достаточно редкий, но все же неоднократно повторяющийся, интересен тем, что имеет точки соприкосновения с известной былиной об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Как в былине от посвиста Соловья-разбойника деревья к земле пригибаются, с церковью маковки валяются, так и в быличке от пляски лешего все кругом может повалиться (№ 148). Интересна и до конца не ясна еще одна деталь в мотиве пения лешего и вообще шума, производимого лешим. В Вологодской и

Архангельской областях рассказывают, что если сказать лешему: «Как на эти-то на ны надеть красные штаны», он запоет песню или зашумит (№ 127, 147). Напрашивается аналогия с детской игрой у коми, называемой «горд гача» 'красные штаны', в которой дети вызывают из подполья страшное существо в красных штанах. Детали игры, прежде всего упоминание подполья — в мифологической модели дома символа нижнего мира предков — и красный цвет штанов говорят о том, что страшный герой игры является из потусторонних сфер. Пестрая собака, которую в припевке, к игре просят не выходить вместе с «красноштанном», наводит на мысль о связи чудища в красных штанах с лешим, так как последнего нередко сопровождают собаки (ср. также пословицу: «Куда леший сучки не заганивал», т. е. очень далеко). Возможно, именно под влиянием персонажа «красные штаны» в мифологических представлениях коми и появился упомянутый мотив северных быличек. Что такое ны, сказать трудно, возможно, просто рифмовка слова *штаны*. Но не исключено, что это тоже воздействие языка коми, где формант *ны*, образующий неопределенную форму глагола, очень частотен (*кортавны* 'связать', *люкавны* 'бодать', шуны 'сказать' и т. д.).

Таким по совокупным своим характеристикам вырисовывается образ лешего — самого популярного персонажа севернорусской мифологии; эклектичным по своим древнейшим чертам, имеющим аналогии с христианской бесовской силой, нашедшим неожиданные выходы в эпическую фольклорную традицию и даже в романтическую поэзию.

По некоторым деталям с народными рассказами о леших соприкасаются современные повествования о встречах со «снежным человеком» в лесах Севера, главным образом в районе Архангельска и Каргополя. В «Известиях» за 20 декабря 1991 г. в заметке «Встреча со «снежным человеком» рассказывается, как огромное гориллообразное существо, все покрытое густой коричневой шерстью, спасло архангельского профессора медицины Н. Алеутского от разъяренной медведицы. Более того, ночью это существо подкинуло к месту ночлега людей кузовок, брошенный в панике на месте происшествия, наполнив его отличными боровиками. На мысль о лешем наводит также упоминание об огромном росте лесного существа, о шерсти на его теле, а также тот необъяснимый факт, что люди, так или иначе имевшие отношение к происшествию, через некоторое время тяжело болели. Как говорится в заметке, коренные жители этих мест издавна знают о существовании этого лесного чудовища, а также о том, что каждого, кто его увидит, ждет болезнь или смерть. Этот же мотив звучит и в некоторых быличках о лешем (№ 126, 146).

Водяной, русалка, фараоны

Былички о демонических персонажах воды не столь характерны для Севера, как, например, о лешем или домовом, и содержание их несколько однообразно. Главные водяные персонажи Севера — это водяной (водяник, дедушко водяной), водяниха (водяная), русалка.

Как и другие персонажи, водяной чаще всего предстает в антропоморфном виде (№ 163, 173), в облике старика, «волосатый да черный», «старый с плешью» (Карелия, Медв., 1976), «как в черной шубе» (№ 162), «зеленый весь» (№ 173), иногда он огромного роста: «стоит он, расширены ноги, можно между ними пройти» (Лен., Тихв., 1982). В северных быличках водяной или водяниха сидят у воды или на камне посреди воды и моются, водяниха расчесывает волосы. Также ведет себя и русалка (№ 172, 174, 177). Любимое место водяных демонов — мельница (№ 168). При появлении человека бросаются в воду. Образ водяной девы на камне традиционен для всего европейского ареала: из народно-мифологической среды он перекочевал в литературу, в элитарное искусство. Всем известны изображения русалки на камне в море в Копенгагене, в Мисхоре в Крыму.

Водяной иногда характеризуется как «чудо водяное», без уточняющих характеристик (№ 165), может иметь вид рыбы, рыбы с крыльями (№ 164). Может являться в виде свиньи, коровы (Волог., АМЭ, Тен., № 798), собаки (Петерб. АМЭ.Тен., № 1468), черной кошки (Волог., АМЭ, Тен., № 204). Мокрый теленок, которым пугают детей в Вологодской обл. и

который может преследовать в воде купающихся, — это, по-видимому, тоже одна из ипостасей водяного. Может являться даже в виде бревна, обнаруживая при этом свою демоническую природу хохотом (№ 173).

Водяные и русалка опасны тем, что могут утащить, а русалка заманить в воду (№ 169, 173 и др.), причем не только человека, но и скотину (№ 165). Считается, что если человек утонул, его взял к себе водяной, когда же не могут найти тело утопленника, обращаются к водяному, выменивают тело у водяного на что-нибудь, например, на полено (№ 166). Видеть водяного, водяниху или русалку — к беде. Особенно опасен и даже выступает в виде рока водяной для тех, кто «по судьбе» должен идти «туда», т. е. в воду, кому на роду написано утонуть. Это, например, люди, родившиеся на русальной неделе (№ 173). Может водяной и пророчествовать — сказал одной женщине: «Судьба есть, а головы нет» — и на этом месте утонул человек (Карелия, Медв., 1976).

Обитает водяной в любом водоеме — реке, озере, пруду, даже в глубоком колодце (№ 163). «Водяники есть в каждой воды. Чого у нас небольшая копань [пруд], а и тут е водяник» (Петерб., Новолад., АМЭ, Тен., № 1468).

Несмотря на свою вредоносность, водяной может помогать человеку, например, обеспечивать хороший улов рыбы. Очень древним мотивом жертвоприношения языческим богам следует считать упоминание обычая делать подарки водяному, чтобы «не трогал никого этим летом». Весной, в апреле (обычно 14-го), когда вода освобождается ото льда, в воду бросали муку, другую еду, табак (последнее — табак — мифологически маркировано как бесовское). При этом произносилось охранительное заклинание: «храни, паси нашу семью» (№ 173).

У водяных, как это было отмечено и в быличках о леших, есть свои наделы, территории, которыми они управляют. По легенде, записанной в конце XIX в. в Пудожском крае, перемещение плавучего острова на Водлозере было вызвано тем, что Ильинский водяной, выдавая свою дочь за Пречистенского водяного (любопытно, что прозвища водяных соответствуют названиям церковных приходов), дал этот остров ей в приданое и теперь перегнал его во владения своего зятя-водяного (Шайжин 1909).

В народных представлениях Севера водяной даже больше, чем другие персонажи, ассоциируется с чертом, поскольку черт в этих местах обитает в воде.

Женский персонаж на Севере обычно называют водянихой, водяницей, водяной и лишь иногда русалкой. В отличие от девы с рыбьим хвостом — русалки, известной по европейскому эпосу и литературе, северная водяница имеет полностью антропоморфный вид (№ 163, 168 и др.). Упоминания о рыбьем хвосте очень редки и являются скорее всего книжным влиянием. Полная антропоморфность русалки часто достаточно очевидна: она моет ноги, сидя на камне или у мельничного колеса (№ 168, 177).

Севернорусские русалки-водяницы черноволосы в отличие от золотоволосых русалок юга (№ 172, 178, 179, 183). Длинные, распущенные волосы — почти постоянный признак этого персонажа. Кроме того, что распущенные, неприбранные волосы являются признаком бесовства, указывают на связь с демоническими силами (ср. традиционный запрет ходить женщинам с непокрытой головой), волосы вообще имеют очень древнюю и сложную мифологическую семантику, связанную с идеей рода, судьбы, символизируемой нитью жизни, волосом, шерстью, с идеей плодородия. Волосы, будучи инвариантным признаком русалки, указывают на большую древность и сложность этого-образа, мифологическая семантика которого не разгадана полностью и в настоящее время, несмотря на большое внимание которое уделяется русалкам в специальной литературе (Афанасьев 1865—1869; Sumcow 1891; Niederle 1924; Померанцева 1975). Полагают, что по своей древней мифологической природе русалка — одна из модификаций древнего солнечного божества, сущность которого — связь с животворящей силой природы в разных ее проявлениях: растительность, животные, человек. Являясь носителем жизненной, производительной силы, это божество было связано как с появлением, так и с исчезновением жизненной силы, т. е. связано и с жизнью, и со смертью. Оно считалось необходимым для появления человека на

свет, но и опасным для рожениц и младенцев. Поскольку жизнь невозможна без влаги, это божество связано с водой, что отразилось в образе русалки.

В этнографических материалах Севера встречаются упоминания о том, что русалки обитают не только в воде, но и на суше: «Русалка — нагая женщина, груди большие, живет в лесу, бежит, так на лошади не догонишь... Едешь, особенно зимой, вдруг сзади нагой человек бежит. Но сделать ничего не может» (Вят. —АМЭ, Тен., № 442).

Сохраняется память о сезонной смене места обитания русалками, о появлении их на ржаном поле во время созревания хлебов, о выходе их из воды на русальной неделе (№ 173), в ночь на Ивана Купалу, когда они особенно опасны. С течением времени сложность мифологической семантики архетипа привела к расщеплению единого образа на ряд самостоятельных персонажей, для каждого из которых превалирующей является одна из характеристик прежнего архетипа. В славянской мифологии «потомками» этого древнего архетипа — божества вегетации и плодородия — являются древнеславянские *берегини и рожаницы*, болг. *вилы, самовилы, самодивы*, пол. *boginki, tatusy*, чеш. *serpnice*, укр. *мавки, мамуны*, рус. *полудницы, ржаницы* и мн. др. На Севере это также *полудницы, удельницы*, часто — *лешачихи, лесные девки, красные* (т. е. в красной одежде) *девки*, персонажи, именуемые *росомахой, выдрой, шестихой, шошчихой*.

Какое название у славян имел в древности этот персонаж-архетип, имел ли он вообще единое название, мы не знаем. Слово же *русалка* является достаточно поздним по происхождению и восходит к лат. *rosalia*, означавшему праздник весны, плодородия и розы как символа цветущей жизни.

Именно мифологической сложностью архетипа объясняется наличие многих, как нам сейчас кажется, противоречивых характеристик водяного персонажа в материалах XIX и XX вв. Могут быть русалки-женщины, русалки-мужчины, встречаются упоминания о русалках-детях, русалки могут показываться даже в виде скотины (№ 170). Нередко есть эксплицитная или имплицитная связь русалок с утопленниками. Особенно красочны легенды об утопленниках-русалках на юге (например, повесть «Майская ночь, или Утопленница» Н. В. Гоголя), но и на Севере русалкой может стать всякий утонувший, утонувшие дети (№ 178), девушки, умершие перед свадьбой (№ 172), проклятые люди (№ 174). Древен мотив заманивания или насильственного затаскивания человека в воду русалками (№167, 169, 175). Косвенным знаком того, что человек, обычно мужчина, погублен русалкой, является то, что тело утопленника не могут найти (№ 172).

Античные сирены — полудевы-полуптицы, которые своим пением завораживали моряков и губили их, восходят к тому же древнейшему архетипу, что и русалки. Пение русалки и обольщенный ею моряк фигурируют и в северной быличке (№ 176). Вообще мотив супружеских отношений с русалкой на этом свете или на том неоднократно представлен в фольклоре и является отражением общего мифологического представления о русалке как о персонаже, связанном с загробным миром. В отношении же былички № 176 можно подозревать и литературное влияние.

Нередко приходится удивляться живучести мифологических мотивов. Античный миф о медузе-горгоне, крылатой женщине чудовище, связанной с водной стихией, взгляд которой все живое превращает в камень, находит отзвук в быличке, где говорится, что «русалка как посмотрит на кого, так застывши человек стал, так и будет стоять» (№ 172). Отголоском древних представлений можно считать и запрет купаться после дождя» так как в это время моются русалки. В этом запрете реализуется представление о связи русалки с дождем — той животворящей влагой, которую посылают небеса, чтобы оплодотворить землю и дать начало всему живому (ср. миф о браке между небом и землей) (№ 167, 179).

Встреча с русалкой не к добру (№ 170), и сама русалка может предсказывать дурное, пророчествуя: «Год года хуже, а этот год хуже всех» (№ 178). «Год от года хуже, а платье все уже», — сетует русалка на изменения нравов и моды (Новг.). (Даже в современной деревне узкие, облегающие и короткие платья осуждаются людьми старшего поколения и считаются признаком порочной жизни.)

Хотя рассказы о водяных и русалках относительно немногочисленны на Севере, вера в них сохраняется. В начале 70-х годов во время диалектологической экспедиции в Пудожский край мне пришлось одной плыть на лодке по Корбозеру. Посередине озера, на глубоком месте, лодка вдруг остановилась. Я гребла изо всех сил, вода бурлила под веслами, а лодка стояла. Перегнувшись через борт, я пыталась нащупать в воде, что держит лодку, но там ничего не было. Весло до дна также не доставало. Так продолжалось минут сорок, и мне стало жутко. Когда на берегу показался человек, я закричала и стала жестами объяснять ему, что не могут сдвинуться с места. Он прокричал мне, чтобы я пересела с кормы на нос. Как только я это сделала, лодка пошла. На берегу мне сказали, что лодка зацепилась за кол, воткнутый рыбаками в дно озера и немного не достающий до поверхности воды. Происшествие обсуждалось всей деревней, и общее мнение сошлось на том, что кол в озере совсем не там, где плыла я, а что его мне подставил водяной, так как я чужачка, одна, без разрешения водяного поплыла на лодке.

В деревне Княжая губа Мурманской области Анна Фоминична Лобенкова рассказала нам, как в молодости плыла в лодке по губе Белого моря вместе с мужем, и они видели русалку. И не просто видели, а плыли за ней и разглядывали ее примерно в течение пятнадцати минут. В полуметре от поверхности воды они видели белое лицо женщины, черные глаза и сложенные на груди руки. В подтверждение того, что русалки существуют, нам принесли номер газеты «Мурманская правда», где на сером, достаточно неясном снимке двое мужчин держали вроде бы под руки какое-то существо с рыбьим хвостом. Надпись не сохранилась, была оборвана. Наши разъяснения, что на фотографии моряки демонстрируют свой улов - большую рыбу или морского зверя — во внимание приняты не были. Присутствующие искренне верили, что на фото изображена русалка. Через некоторое время мы оказались в Кеми в краеведческом музее и, когда остановились перед витриной с чучелом детеныша нерпы, поняли кого разглядывала в воде Анна Фоминична. Мордочка, покрытая короткой белой, лоснящейся шерсткой, большие выразительные черные глаза с поволокой, похожие на руки ласточки — все это вполне могло родить образ женского лица и сложенных на груди рук в сознании, подготовленном к такому восприятию передающейся из поколения в поколения мифологической традицией.

Еще один мифический обитатель воды, который появляется в быличках — это фараон (№ 186—191). Нетрудно заметить, что этот образ имеет книжное происхождение и является фольклорно-мифологической интерпретацией библейской легенды о переходе иудеями, преследуемыми египтянами, Красного моря (подробнее см. с. 187—188). Рассказы о фараонах в относительно недавнее время засвидетельствованы на северо-западе европейской части России и у русскоязычного населения Эстонии; хотя слова *фараонка*, *фараончики*, по материалам XIX в.; известны и в центральных районах России, где тоже связываются с мифологическими образами.

Из содержания быличек ясно, что фараоны мыслятся как люди с рыбьим хвостом, причем бывают мужчины, женщины и дети, как существа фантастического образа или как люди. Они и ходят в один ряд с такими персонажами, как слав. *русалка*, укр. *мавка*, *мелюзина*, *люзона*, *морские люди*, пол. *meluzina*, *ludzie wodny*, словен. *morske deklisce*, *jungfry* (Sumcow 1891: 580—581; Cerny 1893: 330—331), болг. *вила*, белорус. и зап.-рус. *навпа* и др.

Баенник, обдериха

Рассказы о мифических обитателях бани распространены по всему Северу.

Баня занимает очень существенное место в крестьянской жизни. И так было с древнейших времен. Описания бань и некоторых обычаев, связанных с ними, имеются в наших первых летописях. Особенно важна баня в суровых условиях Русского Севера. Она не только моет, но и лечит, доставляет удовольствие. Омовение в бане есть очищение, поэтому баня и мытье в ней — элемент многих обрядов и ритуалов. В бане рожали женщины. Зимними вечерами в натопленную баню собирались на супрядки. Вместе с тем баня — место

нечистое, «хоромина погана» (№ 196, 198), «без креста», так как в ней нет иконы. В бане совершают бесовские, нечестивые действия: колдуют, гадают, играют в карты (№ 268). Там появляются и хозяйничают черти, бесы (№ 199, 247, 254), строят людям разные подвохи, особенно если нарушить запрет мыться в третьем пару (№ 248), ночью (№ 254).

Есть в бане и специально банный дух. Это либо один мужской персонаж (*байник, банник, баенный, баеницик* и др.), либо —чаще — один женский (*байница, байтха, баянная бабушка обдериха* и др.), редко два, составляющие пару (*байник и байница*). Баенный персонаж враждебен людям, строит им всяческие козни: может затолкать в бочку из-под воды (№ 195), в каменку (№ 202), не давать выйти из бани, мучить (№ 193) и даже задрать до смерти (№ 200). Злые проделки банника обычно являются ответом на нарушение запретов: нельзя ходить в третий пар, когда моются черти или сами банники, после 12 часов ночи (№ 200), нельзя топить баню в праздники (№ 194), перед заходом в баню надо не забыть «попроситься», а перед уходом поблагодарить банного хозяина (№ 200). Является банник кошкой, собачками (№ 192), конской головой (№ 198), женщиной в сарафане (№ 192), «кому страшно совсем покажется» (№ 192): «волосами завесилась, зубы-то длинные, глаза-то широки» (№ 196).

Особенно красочны рассказы о банном персонаже в Архангельской области, на реке Пинеге. Там и в некоторых других районах в банях обитает обдериха. Название этого персонажа порождено поверьем, что обдериха может «задрать»: «Вышла она, соседка [рассказчицы], из байны-то, спина вся изодрана. Это обдериха драла. Под полком в бане, там, бывает, обдериха сидит. Они людей задирали. В полночь они могли кошкой повидеться, глаза широкие!» (Арх., Пин., 1970).

Главное же зло, которое могли причинить банные персонажи, — это похитить ребенка или подменить его. Они могла сделать это, если новорожденного или роженицу оставляли в бане без присмотра (№ 202), если ходили в баню с некрещеным младенцем (№ 200). О том, что происходит с похищенными и подмененными детьми, говорилось в разделе о проклятых и обмененных. Об этом же повествуется и в быличке № 203.

Существует поверье, что в бане столько обдерих, сколько в ней вымыли новорожденных младенцев (№ 200), а также, что обдериха появляется в бане только после того, как в ней вымоют сорокового младенца (№ 200) или невесту (№ 199).

Обращает на себя внимание быличка № 205. Ее сюжет включает несколько основных моментов: встречу с нечистой силой, уговор не перебивать рассказ, продолжающееся до первых петухов повествование обо всех этапах выращивания и обработки льна, избавление от злого действия нечистой силы с помощью этого длинного повествования. В различных модификациях этот сюжет хорошо известен фольклору, и не только славянскому. Условие не перебивать рассказчика, оказавшееся спасительным, составляет основу, например, всемирно известных арабских сказок Шахрезады «1001 ночь».

Повествование о всех этапах «жизни» какого-нибудь предмета или продукта, значимого в крестьянской жизни, — это тоже особый фольклорный жанр, получивший название «житие». Помимо «жития льна», включенного в текст № 205, известны «житие хлеба», «житие горшка» и некоторые другие.

Шуликуны

Шуликун — это сложный и интересный мифологический образ. Рассказы о шуликунах в настоящее время уже достаточно редки и встречаются лишь в отдельных районах. Наиболее полные сведения о них удалось собрать в Архангельской области, на реке Пинеге. Сохранились также сведения, собранные в XIX в.

В народных представлениях время от Рождества до Крещения, т. е. Святки, — это время «без креста», когда только что родившийся Иисус еще не был крещен. Народная мысль связала с этим временем разгул всякой нечистой и неведомой силы, боящейся крестного знамения. У славян и других европейских народов существует ряд специально

святочных персонажей, появляющихся и действующих именно в это время. Это *святке* (Олон.) — нечистый дух в облике человека или животного; святочицы (Калуж.) — некрасивые, покрытые волосами духи, появляющиеся на Святках в банях и неосвященных избах; святоша — нечистый дух, который является тому, кто рядится на Святки (Орл.); аналогичную мифологическую семантику имеет и украинская *святеха*. На севере в Святки ходит Варвара со сковородкой и пугает детей (Мурм., Тер., Варзута, 1979), и образ этот непосредственно смыкается с рядом европейских персонажей, называемых чеш. *Perychta*, *Berchte*, морав. *Sperechta*, словен. *Perhta baba*, нем. *Berchte*, франц. *Berthe* и т. п. Эти персонажи появляются перед Рождеством или перед Новым годом. Ими пугают детей. Того, кто не постится в Щедрый вечер, они могут выпотрошить, для чего у них есть нож, раскаленная кочерга и сковорода. Во время Святков, особенно перед Рождеством, активизируется и вся прочая бесовская сила, на чем построен, например, сюжет повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством».

Шуликуны также принадлежат к рождественско-святочным персонажам, что неоднократно подтверждается в быличках (№ 206, 207, 209, 213, 214). В отличие от других славянских персонажей святочного цикла, шуликуны появляются из воды (№ 208, 209), из проруби (№ 214), из болота (№ 207). Хотя мотив появления из воды сближает шуликунов с чертями, которые также часто, особенно на Севере, живут в воде (см., например, «Сказку о попе и его работнике Балде» А. С. Пушкина), происхождение этого образа сложно, о чем речь пойдет ниже, а аналогия с чертями является вторичной.

Шуликуны появляются из воды на конях, в санях (№ 214), на железных ступах (№ 208, 209), на каленой печи (№ 210), на коже (№ 206). В последнем случае имеется в виду шкура сдохшего (а не забитого человеком) животного, обязательно с хвостом, которая использовалась и в гадании (№ 206), так как с ее помощью осуществлялась связь с ирреальным миром. В руках у них может быть каленый крюк (№ 214). Огонь «в роте» (№ 211, 214), остроконечные шапки, как у чертей, изображенных на иконах и лубочных картинках (№ 206, 208), головы, сужающиеся кверху (№ 214), нога без пятки, напоминающая копыто («на ципочках ходят» — № 212), — все это традиционные признаки черта. Вместе с тем шуликуны «в ступе летают», что вызывает ассоциации с образом Бабы-Яги. Подобно Мокоше, они связаны с прядением (№ 206, 209). Все это указывает на объединение в образе шуликуна черт и признаков многих персонажей. Появляются они обычно «артелью», т. е. во множестве. В некоторых материалах говорится, что они разноцветные, пестрые (№ 206).

По отношению к человеку вредоносны: могут завести пьяного в сугроб, ночью ходят по деревне, заглядывают в окна, пугая детей (№ 207, 208, 215, 216), самое же страшное, что они могут сделать — это утащить человека в прорубь: «Два года тому назад на реке у нас они девку утопили — заманили в прорубь» (Якутия — Зензинов 1913: 49). Появление большого числа шуликунов — плохое предзнаменование: год будет плохим. От шуликунов, как и вообще от нечистой силы, спасает крест. Но сохранились рассказы и о более специфическом средстве избавиться от шуликунов: во время водосвятия устраивали езду на тройках по льду реки, вокруг деревни, чтобы «давить шуликунов».

Несмотря на синкретичность образа, шуликуны имеют инвариантные признаки: связь со святочным или предновогодним периодом, с водой, вредоносность, множественность.

Поиски истоков образа и слова заставляют обратить внимание на то, что образ шуликуна появляется там, где русское население соприкасается с финно-угорскими и тюркскими народами (Русский Север, Якутия и Алтай в Сибири, Камчатка), в мифологиях которых подобный персонаж также представлен. У коми *шулейкины* — это маленькие злые подводные духи, которые выходят из воды под Новый год. В башкирской мифологии *шулгэн* — это злой дух, один из сыновей первочеловека, впоследствии подводный царь, который имеет под водой бесчисленные стада скота (Башкорт хал к ижады 1972: 302), у чувашей — это *сюлюсюн*, у мари — *шулюш* (Смирнов 1889); якутские *сюлюканы* — хозяева подводного мира, которые разводят скот и выходят в канун Нового года из воды.

О неисконном для славян происхождении слова и образа говорят многочисленные фонетические варианты наименования персонажа, которых засвидетельствовано более 30. Среди них: шиликун (Арх., Вят., Олон., Перм., Сиб., Камчат.), шилыхан (Волог.), шуликон (Арх.), чиликуны (Арх.), селиканы (Якут.), шелюканы (Якут.), шилкун (сев.) и др. Этот персонаж может иметь и иные, отличные наименования. Сведения из материалов XIX в. о персонажах, именуемых шолышны, показывают, что типологически это тот же образ: «Под Крещенье выгоняют из домов шолышнов, выгоняют святой водой из домов, овинов, баней... Окропляют каждого человека, окропят, а лотом квартиру — крестообразно.... Будто у шолышна шапка железная штыком, в руках носят железную сковородку с горячим углем и, бегая по-на уличу, выговаривал: „На кол девку, на копыл парня"» (Богатырев 1918: 48). Очевидно, вологодские кулиши — «маленькие чертенята разных цветов, которые появляются во множестве в деревнях на святках» (СРНГ, 16, 69), также имеют непосредственную связь с шуликунами.

Поиски истоков слова шуликун шли в разных направлениях. Д. К. Зеленин еще в 1930 г. достаточно определенно высказался в пользу неславянского происхождения слова (Зеленин 1930а). Н. И. Толстой сделал предположение о связи слова шуликун со славянским шуии 'левый', т. е. принадлежащий нездешнему, «левому» миру темных сил (Толстой 1985). Понятие и слово левый действительно актуальны для обозначения всего бесовского, но все же наиболее соответствует действительности предположение, сделанное в книге Р. Г. Ахметьянова (1981). Автор приводит ряд соображений, показывающих, что образ шуликун идет с востока, корнями своими уходит в глубь мифологии древних алтайских народов, которые в свою очередь имели достаточно тесные культурные и материальные связи с древними китайцами и корейцами и восприняли от них много мифологических мотивов. Так, у народов Восточной Азии и у древних алтайцев в новогодних обрядах участвует дракон — хозяин воды. Культ дракона в Китае развит весьма широко, в китайских мифах, легендах, сказках он присутствует почти неизменно. Общее китайское название дракона *лун*. Главным драконом является *шуй-лун-хуан*, буквально 'император водных драконов'. Башк. *шулгэн*, чуваш. *сюлюсюн*, тат. мифическая птица *шулгэн*, дочь подводного царя, коми *шулейкин*, якут. *сюлюкюн*, рус. *шуликун* — звенья одной цепи: истоки этого мифологического ряда уходят в глубины алтайской и китайской древности. Наиболее вероятный источник, из которого русские непосредственно заимствовали слово шуликун, это коми язык. Совмещение древних славянских мифологических мотивов с заимствованными наслоениями и создает тот сложный и противоречивый образ, который сохранили этнолингвистические материалы Русского Севера.

Наименование шуликуны (и варианты) перенесено на святочных ряженных, в первую очередь на тех, которые назвались «страшными» ряженными и наряд которых был рассчитан на то, чтоб не рассмешить, а напугать зрителей. Оснований для такого переноса много: приуроченность ряжения к Святкам, появление ряженных, как и шуликунов, группами, «артелями», функция устрашения, капюшон остроконечной формы — куколь, — которым ряженные нередко закрывали голову, а главное — отношение к ряжению, переодеванию, изменению своего облика как к действию нечистому, бесовскому. Недаром участники святочного ряжения должны были по окончании Святков очищаться от скверны купанием в крещенской иордани* даже в самый лютой мороз.

Прочие персонажи

В разделе, посвященном водяным и русалкам, речь шла о том, что многие мифологические персонажи, известные по поздним материалам, восходят к единому архетипу — древнему божеству вегетации и плодородия, связанному с солнцем и водой, с детьми и деторождением. В характеристиках этих «потомков» солярного божества с течением времени стала преобладающей какая-либо одна черта, например, у русалки —

связь с водой, у полудницы, ржаницы — с полднем, у удельницы — вредоносность для детей.

Полудница — достаточно хорошо известный на Севере образ. Она появляется в полдень (№ 229, 230) или в самую жаркую пору лета (№ 224), от 6 до 19 июля (№ 228). Рассказывают, что полудница может защекотать (№ 224), похищает людей, особенно детей (№ 229), ходит по деревням, наказывая тех, кто работает в полдень, заглядывает в окна, из-за чего стараются закрывать в полдень окна, двери, ставни (№ 228, 229).

Рассказы об удельницах/кудельницах известны лишь в Заонежье, Обонежье и на западе Вологодской области. В наше время сделаны лишь отдельные записи об этом персонаже, в которых не содержится практически никакой характеристики образа, лишь говорится, что кудельницами пугают детей. Однако 100 с небольшим лет назад в тех же местах, где работала экспедиция Ленинградского университета 1976 г., т. е. в Заонежье, Е. В. Барсовым были сделаны более подробные записи. По его материалам, удельница вынимает младенцев из утробы матери, мучает и уродует их, а на родильниц насыляет «жильне-трясучий удар, или родимец»: «Если поносная женщина спит навзничь, нараспашку, пояса нет, а случится на столе ножик, удельница вынимает им младенца. Оттого рожают уродов, или женщина понесет, а живот окажется пустой» (Барсов 1874: 88—89).

Этот же персонаж упоминает поэт 20-х годов XX в. Н. Клюев, который был родом из Обонежья и в своем творчестве отразил многие фольклорно-мифологические мотивы этих мест:

В семик-день веника не рядят,
Не парятся в парной парусе,
Нечистого духа не смывают,
Опосля Удилену не кличут:

«Матушка ржаная Удилена,
Расчеши солому — золото волос,
Сдобри бражкой, патокою колос...»
(Н. Клюев 1919: 251).

Наименование полудница вполне прозрачно по своей внутренней форме. Слово удельница связано с глаголом *удить* 'зреть, наливаться (о зерне)' (Олон. — Фасмер 1974: IV, 149), существительным уденье 'жаркое время', 'полуденный отдых'. Слова кудельница и кадельница — поздние трансформации наименования, возникшие в результате затухания прежних этимологических связей и установления новых корреляций с корнями *куд-* (ср. *кудесник*) и *код-* (ср. *кадить*).

Персонаж сходных характеристик может иметь на Севере название *ржица*, *ржаница*. И когда А. Блок, используя поверье, слышанное им в селе Боблове, пишет: «она мчится во ржи» — он имеет в виду тот же персонаж — полудницу, удель-ницу, ржаницу (Блок 1919: 37).

Современные северные материалы о полуднице и аналогичных персонажах довольно бедны. Уже забыты основные функции полудницы как «потомка» древнего солярного божества, уже лишь иногда упоминают об атрибутах полудницы — железном крюке или раскаленной сковородке, которой она может накрыть хлебное поле и тем погубить урожай (упоминаются лишь резиновые клещики у кудельницы, однако без указания их функционального назначения — ср. мотив изымания плода у женщин). Однако совокупный материал по всему славянскому ареалу делает этот образ выпуклым и ярким, помещает его в межэтнический цикл *daegaonium meridianum*. Более полные сведения о персонаже собраны и представлены в интересной статье Э. В. Померанцевой (1978).

В публикуемых материалах достаточно отчетлив образ полевого, хотя рассказы о нем встречаются теперь уже далеко не на всем Севере, а преимущественно в Новгородской и Вологодской областях. В былинках, записанных в наше время, полевой по своим функциям и облику переплетается с лешим, т. е. живет в лесу (№ 218, 219), заводит в лес (№ 218), бережет скотину (№ 221), к нему обращаются, когда выпускают скот на пастбище (№ 222, 223). Лишь иногда он отчетливо связывается с полем и полевыми работами (№ 221). Обычно это мужской персонаж (№ 217, 218, 221), реже — женский (№ 220), иногда — парный (№ 219, 222).

В материалах XIX — начала XX в. есть развернутые описания полевого: «Вдруг витер такой хватил с поля. Господи, думаю, что это? Как оглянулась на поле и вижу, стоит кто-то весь в белом и дует, так и дует, да свищет. Я испугалась и про коров забыла, убежала скорей домой. Алена говорит: „Коли в белом видела, значит, полевой это"» (Новг., Белоз.— АМЭ Тен. № 703. Л. 16). По другим материалам, полевой — молодой мужик с очень длинными ногами. Очень быстро бегаёт. На голове у него рожки, глаза навывкате, хвост. На конце хвоста кисть, которой он поднимает пыль, если не хочет, чтобы его видели. Покрыт шерстью огненного цвета, поэтому при быстром перемещении кажется человеку промелькнувшей искрой. Он наблюдает за травой и хлебными растениями. Ему приписывают изобретение спиртных напитков. Полевика бывают видимы в летние лунные ночи и в жаркие летние дни, когда воздух бывает сильно раскален (Волог., Никольск. — АМЭ Тен. № 296. Л. 18—19). В последнем описании, как нетрудно заметить, присутствуют характеристики черта. В одном случае — в быличке № 220 — полевая хозяйка предстает в облике аиста. В быличках находим отголоски очень древнего и весьма значимого в мифологическом сознании славян персонажа, одним из главных признаков которого была связь с прядением, шерстью, покровительство женщинам, домашнему очагу. В языческом пантеоне древних славян это была Мокошь (Мокоша). Глубинная семантика образа давно забыта, устойчивым оказался лишь мотив прядения, нити, шерсти. Именно он объединяет целый ряд дошедших до нашего времени персонажей, указывая на их принадлежность одному архетипу. Прежде всего это кикимора, шишимора. Быличек о ней в наше время записать не удалось, есть только отдельные упоминания образа, а также само слово сохранилось в бранном употреблении. Но из совокупных материалов XIX—XX вв. вырисовывается определенный образ этого персонажа на Севере. Появляется кикимора обычно ночью (Волог., Новг.), может допрясть за хозяйку, но чаще путает, рвет, мусолит кудель, оставленную на ночь без благословения (Новг., Волог., Карелия), при этом нитки сучит не справа налево, как обычно делает пряха, а, наоборот (Костр.), прядет подпрыгивая (Яросл.). Ходит по дворам и стрижет овец (Олон., Новг.), может выстричь прядь волос и у хозяев (Олон.), пересчитывает скотину, но считать умеет только до трех (Волог.). Наносит ущерб хозяйству, причиняет всякие мелкие неприятности: ошпыливает кур, бросает и бьет горшки, портит хлебы и пироги, кидается луковицами из подполья или из-за печки, мешает спать детям, стучит вьюшкой, крышками коробов и т. п. (Волог., Новг., Олон.). Если кикимора заведется в доме, то хозяевам в нем уже не жить — выживет (Перм.); кикимору могут «посадить» печники, если они недоброжелательны к хозяину. Предвещая беду, кикимора выходит из подполья и плачет (Волог.). Обычно предстает в облике безобразной, скрюченной, одетой в лохмотья старухи маленького роста: смешна, уродлива, неряшлива (Волог., Яросл., Вят., Арх., Перм.), так мала и суха, что не выходит на улицу, боясь быть унесенной ветром (Волог.). Очень редко имеет облик девушки в белой или черной одежде (Волог.), в красной рубахе, иногда ее видят голой.

Народное представление о внешнем облике и поведении кикиморы раскрывает описание одного из элементов святочного ряжения: «старухи на святках являлись на беседу наряженными шишиморами — одевались в шоболки, т. е. в рваную одежду, и с длинной заостренной палкой садились на полати, свесив ноги с бруса, и в такой позе прями. Пряху (копыл) они ставили: меж ноги... Девушки смеялись над шишиморой, хватали ее за моги, а она била их палкой» (Костр., Вят. — КСРНГ).

Первые упоминания о персонаже именно с таким названном относятся к XVIII в. В лечебнике XVIII в. приводится средство, как избавиться от кикиморы: «...отъ кикиморъ въ домѣ положить верблюжью шерсть, когда сусѣдка (тож кикимора) давить — лѣчба та же, шерсть съ ряснымъ ладономъ класть подъ шестокъ» (Змеев 1895: 225).

Древнее наименование *мокоша*, *мокуша* сохраняется и в современной традиции (Новг., Волог.). О ней также говорится, что она прядет по ночам кудель, стрижет овец. Непонятность наименования вызвала трансформацию слова *мокоша*, в результате чего

появилась *мокруха* (Новг., Волог. — СРНГ, 19, 212), а новое название обусловило и новый признак у персонажа: *мокруха* оставляет мокрое место там, где посидит.

В быличках персонаж, связанный с прядением, имеет еще ряд названий: *мара* (ср. *кикимора*) (№ 239), *пряха* (№ 240), *огибошина* (№ 241), *самопряха*.

Столь упорно повторяющийся мотив прядения нити имеет исключительную древность и известен с античных времен. Глубинная семантика этого образа — это идея судьбы, рока, плетения нити жизни. В греческой мифологии нить жизни пряли Мойры — девы судьбы, и осколок этого мифа дошел до нас на славянской почве в облике мокоши — кикиморы.

В той или иной форме на всем Севере представлены духи хозяйственных построек, в первую очередь тех, которые предназначены для сушки и хранения хлеба. Особенно часто упоминается *овинник*, хотя былички о нем немногочисленны. Это страшный персонаж, добра от которого человеку ждать не приходится: «В овине овинник живет, зайдешь туда, он тебя в каменку запишет» (Волог., Вашк.). Столь же страшен амбарник, и шутки с ним плохи, как явствует из былички № 235.

В языческие времена овин был священным местом, где совершалось поклонение огню. В овинах любого устройства — в виде ямы с настилом, в которой разводился огонь, для сушки хлеба, или в виде одно- и двухъярусного строения с очагом, печью — везде огонь был необходим и опасен, так как мог легко вспыхнуть пожар и погубить не только само строение, но и урожай. Еще в древнейших памятниках говорилось, что язычники «молятся огневи подь овиномъ, виламъ, Мокошьи, Симоу, Рьглу, Пероуноу, Волосу, скотьемоу богу, Хърсоу, родоу и рожаницамъ и всѣмъ проклятымъ богомъ ихъ («Слово некоего христороубца» — Гальковский 1913).

Овинный хозяин предстает как мужской персонаж (овинник, подовинник), как женский (овинница), в заговорах — как парный (подовинник батюшка и подовинница матушка). В быличках упоминаются и другие персонажи хозяйственных построек: *рижник* (№ 238), *именуемый*, очевидно, по созвучию *рыженьким* (№ 237), *рижная баба* (№ 236) и др.

ЧЕРТ, БЕС

Черт, бес, дьявол, этот единый и многоликий, грозный и злокозненный, хитрый и лукавый, порой проказливый и веселый персонаж зла, являющийся непременной составляющей европейской культуры многих веков, присутствует и в народной мифологической традиции. Это и бестелесная абстракция зла, и почти неисчерпаемое многообразие его материализации в облике то человека, то животного, то фантастического существа* то даже предмета. Очень трудно распутать сложное переплетение мотивов, черт, наслонений различных эпох, образующих этот образ. В нем и следы язычества, и раннехристианские представления о злой силе — антиподе благого божества, и отзвуки демонологического шабаша средневековья; в нем народная мифология, и влияние литературных источников, как церковных, так и светских. Злая сила то разъединяется на множество ипостасей, образующих определенную иерархию (дьявол, вельзевул, антихрист, князь тьмы, демоны, бесы, черти), то является единым образом, который может быть назван и дьяволом, и бесом, и чертом.

В народных представлениях издавна существовали свои, отличные от официальной традиции, образы мирового зла. Это и змей, отнимающий у людей воду, и страшный одноглазый великан Верлиока, «на одной ноге, в железном сапоге», и Баба-Яга, первоначально женщина-змея, и Немал-человек и др. Однако теперь это персонажи сказок, некоторые сохранились в заговорах. В мифологической прозе преобладают черти и бесы.

Исторически черт является непосредственным преемником беса, так как слово черт известно в русском языке не ранее XV в.

Бес славянской христианской традицией унаследован из Византии, хотя и слово, и образ злой силы были у славян в еще более давние времена. В древнейших произведениях христианской литературы на Руси бесы предстают либо как бестелесная духовная сущность,

либо как сущность ирреальная, но материальная. Обе эти трактовки находим, например, в произведениях Кирилла Туровского, писателя XII в.: «Но Авраам телесную створи побѣду видимым воем, а си в духовнѣи съдолѣша рати и невидимыя побдиша бѣсы» (НИК. СОБ, 344/14). В этом отрывке бес — ирреальная сущность, почти абстракция зла. В другом контексте — это материализованные духи, наделенные свойствами земных существ — способностью двигаться, говорить и т. д.: «Къ ним же оцѣпѣвъше бѣсе въпияху: Кто есть цесарь славы, с толикою на ны пришел власто?» (МИР, 424/12).

Именно интерпретация второго рода оказалась более соответствующей народным представлениям и отразилась в конкретно-образном, часто антропоморфном облике черта в быличках.

Черт нередко предстает в облике красивого, «как портрет», молодого парня в костюме и галстукѣ (№ 344), даже в джинсах (№ 51); это может быть некто в шляпѣ (№ 254). Черти в облике женщины, чертовки, также обычно красивы (№ 60). Мотив щегольства, внешней красоты черта популярен в разных национальных традициях. Щегольство, красота — одна из форм соблазна, а также свидетельство чуждого русскому аскетическому христианству пристрастия к удовольствиям жизни и развлечениям. Музыка, пляски, пение — это бесовское. Именно поэтому черти в быличках предстают парнями с гармошкой или балалайкой (№ 267), устраивают «танцованье» на мосту, игрища. В пустых домах, где нет иконы, они устраивают ночные сборища, там «по ночам ломота, свет горит, пляшут, поют, в гармонии играют» (№ 341). Призывом для чертей является свист или громкий крик (№ 51), именно поэтому народный этикет осуждал, даже налагал запрет на свист и крик.

Черти играют в карты (№ 268), имеют пристрастие к спиртному (№ 257), табаку (№ 271, 274). Именно поэтому жертвой, нечистых сил чаще всего становятся пьяные (№ 245, 251, 255 и др.). По христианской морали, с давних пор пьянство, курение, игра в карты считались бесовскими, греховными, строго осуждались, что, несомненно, положительно сказывалось на моральном облике христианина, крестьянина. От черта исходит соблазн богатства. Традиционен сюжет, когда черт помогает человеку выиграть в карты золото, деньги, которые потом оказываются прахом — мусором, сухими листьями и т. д. (№ 268). Черти катят с горы бочку с золотом, соблазнившегося богатством мужика заводят в реку, где он едва не утонул (№ 281).

В мировой традиции от черта могут исходить эротические соблазны, но в быличках этот мотив представлен не столь ярко. Лишь в одной речь идет об ухаживаниях черта за женщиной (№ 256). Но неоднократно повторяется сюжет о кознях нечистого при выборе невесты: некий бедный человек, мечтая о женитьбе, опрометчиво помянул беса: «Хоть бы мне бес невесту дал». Явившийся на зов бес предлагает ему на выбор целый ряд нарядных красавиц, под соблазнительным обликом которых скрываются чертовки. Но мать научила сына не брать в невесты красавиц, а выбрать самую некрасивую замарашку, которая оказалась после снятия заклѣтия дочерью богатого человека (№ 60). Сюжет легко узнаваем: достаточно вспомнить девку Чернавку из былины о Садко, русские сказки; определенные сходжения имеются и с межэтническим мотивом Сандрильоны-Золушки.

Достаточно часто черт является в облике военного. В народном сознании военный, солдат старой армии, ушедший из дому практически на всю жизнь, соединился с образом черта.

Причиной этого стали, вероятно, его кочевой образ жизни, странствия по разным землям, жизненный опыт, превышающий опыт крестьянина-землепашца, выработанная жизнью смекалка и оборотистость. Возможно, определенную роль сыграла и причастность военных к смерти, оружию, огню (Волкова 1979).

Когда женщине ее умерший сын является в облике военного, это знак того, что явился не сын, а черт (№ 7), в тексте № 271 приехавший военный — «проверяющий» — исчезает так, что и следов не остается; у горки, где повесилась девушка, появляется видение — «дядька идет в шинели» (№ 36); бабушке, проснувшейся среди ночи, на шкафу привиделся военный, очень красивый (№ 275).

В произведениях мировой литературы черт, бес, как известно, нередко присутствует среди людей, оказывая заметное влияние на судьбу одного человека и общества в целом. Литература дает нам образцы глубокого философского осмысления образа мирового зла, его роли в развитии человеческой цивилизации, психологии человека, показывая его разрушительное, а иногда и благотворное воздействие. Это и Мефистофель И. Гете («Фауст»), и Воланд М. Булгакова («Мастер и Маргарита»), мерзостный Передонов и его жуткая «недотыкомка» Ф. Сологуба («Мелкий бес»); это осмысление ряда социальных изменений в обществе последней трети XIX в. как бесовщины в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», «черный человек» С. Есенина, Роберт-дьявол А. В. Амфитеатрова и др. Тема участия дьявольских сил в жизни людей является одной из основных в переизданной в 1992 г. книге М. Н. Орлова «История сношений человека с дьяволом».

Социальный опыт России последних десятилетий показал, что развитие бездуховности, потеря религиозности затрагивает прежде всего положительное начало веры. Теряя веру в благотворную силу христианства, Бога, общество склонно видеть причину общественных и социальных потрясений в разгуле бесовских, дьявольских сил.

В быличках все гораздо примитивнее, но и там черт может являться среди людей, влияя на их поведение и судьбу. Обычно он принимает облик знакомого человека (№ 255, 272), является для того, чтобы сделать пакость: омрачив сознание человека, завести его в болото (№ 279), толкнуть в воду (№ 278), огонь (№ 277), в куст (№ 251), мучить, бить (№ 274), заставить играть на гармонии (№ 251), заморочить человека так, что он сугроб или камень принимает за горячую печь и чуть не замерзает (№ 245, 280), и т. д.

В очень редких случаях фольклорный черт предстает как ипостась мирового зла, главный антагонист благой божественной силы. По сути с этим мы сталкиваемся только в одной быличке, где говорится, что когда бывает гроза — это Илья-Пророк сердится на черта, «в его-то молнию и пускает» (№ 244).

Быличка эта интересна еще и тем, что отражает основную мифологическую антиномию — борьбу доброго и злого начал, при этом в роли бога-громовержца выступает Илья-Пророк.

Черт в быличках может фигурировать в единственном числе (№ 256, 271, 272, 280 и др.), может быть упомянуто неопределенное множество чертей (№ 271, 273, 274 и др.), может идти речь и о целом «сонмище чертей» (№ 266); бесы же за очень редким исключением появляются во множестве (№ 247). Есть в быличках особая категория чертей, — которые действуют всегда во множестве — это помощники колдуна — маленькие, красные шапочки и под., о которых подробнее говорится в разделе о магии и колдовстве.

По внешнему облику черт в быличке часто традиционен. Даже при антропоморфном облике у него может быть хвост (№ 245, 259), рога (№ 245, 250), мохнатые ноги с копытами (№ 260), это существа «шерстнатые, с рогами, с хвостами, с копытами» (№ 266). Есть зооморфные образы черта: фантастическая собака в ряде быличек может быть понята и как черт, и как леший (например, № 278), но «свинья страшная, пламень изо рта» (№ 305) — это несомненно нечистый.

Для Севера актуальна связь черта с водой, а в Архангельской области, на реке Пинеге черт вообще живет только в воде (№ 261, 264). Именно поэтому черт заводит свою жертву в воду (№ 278, 281). Общеизвестна связь черта с болотом (ср. У черта на куличках, т. е. на болоте) (№ 279). Источник этой связи, вероятно, в том, что вода как источник жизни была предметом борьбы «за власть» между благодетельными и злыми силами, повелевающими миром.

В публикуемых быличках есть несколько редких и очень ценных с точки зрения мифологии и фольклора характеристик персонажа зла. Это, например, мотив запихивания человека бесом под стену, под угол дома в быличке № 258 и в древнейшем «Житии Феодосия Печерского» (XI в.), мотив «заключенного беса», известный памятникам и фольклору (куда, впрочем, он попал скорее всего из литературного источника) (подробнее

об этом см.: Приложение. Мифологические мотивы в памятниках древней славяно-русской письменности и литературы).

Как известно, у старообрядцев существует запрет на пользование зеркалом. И дело тут не только в аскетизме, но в представлении о бесовской природе двойника в зеркале. И в тексте № 244 повторяется известная рекомендация завесить зеркало во время грозы, «а то черт в нем объявится». И у современного цивилизованного человека сохраняется несколько мистическое отношение к зеркалу и «Зазеркалью», о чем свидетельствуют, например, книга Л. Кэролла «Алиса в стране чудес», сказка о девочке Яло (зеркальное написание имени Оля), обычай завешивать зеркало, когда в доме покойник, и т. п.

Представление о крестьянском доме как космогонической модели мира отражается в сообщении о том, что черти не могут подняться выше матицы. Очевидно, выше матицы начинается верхняя, соответствующая «небесной», сфера жилища (№ 266).

В мировом образе черта нередки мотивы плутовства, веселья. Публикуемые материалы содержат только одну быличку, в которой «неприятель», т. е. черт, выйдя из леса, развлекается вместе с мальчишками (№ 258).

Разнообразие образа черта в быличках исторически обусловлено и порождено переплетением различных традиций.

В свое время Ф. И. Буслаев в историческом развитии образа беса в древнерусской литературе выделил два периода — период византийско-русского беса до XVII в., когда бес имел самый общий вид, «передавая только одно отвлеченное значение зла и греха», и период западного беса, имеющего более изощренный образ, беса, испытавшего влияние всплеска суеверий и демонологии в средневековой Европе (Буслаев, 1886).

В публикуемых материалах и вообще в русской фольклорной традиции предстает более поздний образ беса, черта — конкретно-образный, приближенный к человеку. Лишь отдельные именованья черта, такие, как нечистый, грех (ср.: Бох и грех, их два вешшества, бох на хороше дела учит, а грех на благие.* Пек., Палк.— ПОС, 8, 19), указывают на обобщенно-моралистическую природу беса Древней Руси. Вместе с тем всплеск демонологии в средние века на Руси не был столь бурным, как в Западной Европе, где в позднее средневековье появились многочисленные демонологические трактаты, в которых образы бесов получают специализацию и конкретизацию, расцветаются, многими деталями. В средневековых западноевропейских представлениях под монархическим управлением Вельзевула соединены воедино высшие и низшие сановники с титулами, соответствующими графам и баронам, гражданским чиновникам разных классов, даже с орденами. Каждый из них получает свое имя. Великий устроитель праздников и удовольствий называется Ниббас; директор театров — Кобаль; начальник тайной, полиции - Нергаль; главный медицинский инспектор при дворе — Раммон; главный истопник, которому поручено поддерживать огонь в адских печах, — Ксафан; смотритель над кухнями - Нисброк; надзиратель за хлебопечением — Дагон и др. (Зотов 1884: 166).

Ничего подобного на Руси и в России не было, хотя имена «силы бесовской» встречаются в различных источниках. Это, например, демоны Ардун, Пореастон, Коржан, Купалолока из Любовного заклинания из следственного дела 1769 г., Акфенес, Факфиял, Еремиорка, Сенахия, Елизда, Маркидия, Измаил Измаилович, Гайка, Тагайка и мн. др. (всего около 100) в Киприановой молитве от силы бесовской (Виноградов 1907: 53— 56). В публикуемых быличках, только в одном случае помощники колдуньи из демонического мира наделены именами: это Гараська, Климка да Трофимка (№ 345).

Хотя традиция специализации злых демонических сил на Руси развития не получила (за исключением демонических модификаций болезней, прежде всего лихорадок), древней славянской христианской мыслью эта идея была воспринята. Когда христианство стало переводить в ранг демонических сил языческих божеств и божков, в древних славяно-русских текстах появляются немощный бѣсъ глаголемый тряся (Паисиевский сб. XIV в. 198, Измарагд XV в. — Срезневский, III 1030), пьянства самовольный бѣсъ (Изборник 1076 г. — СДР, I, 367), бѣсъ блоудный (Пандекты Никона Черногорца I, XIV в. —

СДР, I, 367), сладколюбивый бѣсъ злой (Сборник: молитв, XIII. — Там же), бѣсъ хороможитель (Златая цепь, 1400. — Срезневский, III, 1387), бѣсъ во дворѣ (Змеев 1895: 197), бѣсъ полуденный (Кирилл Туровский, Моление Даниила Заточника — СДР, I, 367). Приведенные клишированные сочетания, повторяющиеся в ряде текстов, — именованья бесов, с одной стороны, отражают трактовку бесов как персонификаций пороков, с другой — указывают на совмещение образа беса, черта с языческими локальными и темпоральными божествами. Например, бес полуденный имеет прямые аналогии в таких персонажах позднего народного пантеона, как *полудница*, *ржаница*, пол. *potudniowka*, с.-х. *rohенице* и др., о которых шла речь ранее.

Такое же переплетение образов демонического персонажа и локальных пенатов, духов-предков находит отражение и в публикуемых материалах. Поэтому в одном и том же или близких сюжетах может фигурировать то черт, то леший, банник или даже домовый: ср. ребенка в бане похищает не только банник (№ 202), но и черт (№ 270), лен уберегает и от обдерихи (№ 205), и от черта, беса (№ 259), пастуху помогает леший (№ 300) или черт (№ 253); в некоторых быличках черт и леший приравниваются друг другу (№ 249, 250).

Наименование черт является самым распространенным в быличках. Как уже отмечалось, оно известно в русском языке с XV в. Происхождение слова не совсем ясно. Праславянское **čьgtь* рассматривается как причастие на -to 'проклятый', родственное лит. *Kugėti*, 'злиться', *arkugėti* 'надоедать', *kerėti* 'сглазить, околдовать'. В укр. и блр., чеш., пол. слово имеет то же значение, что и в русском, кроме того: словен. *črt* 'черт, ненависть, вражда', *čfiti* 'ненавидеть' (Фасмер 1987: IV, 347).

В отношении происхождения слова бес также нет единого, полностью достоверного мнения. В свое время Ф. И. Буслаев (1886), позднее К. Мошинский (Moszynski 1957) связали слово *бес* с санскритским *bas* 'светить'. По их мнению, оно первоначально означало светлое существо, перешедшее потом в христианских верованиях в духа тьмы. Сомнительность этого предположения обнаруживает древнейшая семантика славянского корнеслова, где идея света, светлости не присутствует.

Распространено сравнение с лат. *bestia* 'зверь', имеющим к тому же стилистически сниженное значение 'скот, тварь'. Наиболее детально обсуждается связь с санскр. *bháyate*, *bibhėti* 'бояться', *bhisáyate* 'приводить в страх, пугать', связанным с лит. *baisus* 'отвратительный, мерзкий, страшный, ужасный', *baisa* 'страх'. Если принять изложенные реконструкции, то слово бес оказывается родственным слав. *běda*, *bojati se*. Все эти этимологические изыскания убеждают в том, что слово и понятие существовали у славян и в дохристианскую эпоху (Vondrak 1906—1908).

В русском языке, включая говоры, очень много табуистических наименований черта. Д. К. Зеленин (1930 б) собрал их более сотни. Это, например: анчибил, анчутка, аред, аполлон, благой, враг, елс, долгий, игрец, неприятель, еретик, зеленый, лукавый, некошной, задав, лайтай, лемор, лембуй, чемор, шиш, куд, багаль, корнахвостик, голенький, черный, тяжкой, поганый, пекельник и многие другие. Каждое из этих наименований не случайно, и происхождение его может быть установлено: например: еле — это заимствование из финно-угорских языков, аполлон происходит от ветхозаветного имени князя тьмы Аполлѣион и т. д.

В публикуемых быличках для обозначения персонажа зла, помимо названных слов черт и бес, встречается дьявола (именно во мн. ч.), окаянные, нечистый, небаские; в бранных выражениях: сатана, чемор. Особенно же распространено на Севере название шишок, шишко, шишки. Этимологически слово шиш(ко) связывают или с коми *šyšš* 'лесной бродяга, разбойник' (Марков 1915: 102), или с тюркским *şiş* 'опухоль, вертел', шишмек 'пухнуть, опухать' (Дмитриев 1958: 36). Есть сторонники и славянского происхождения слова (Строгова 1969: 90).

МАГИЯ. КОЛДОВСТВО И ГАДАНИЯ

Былички на тему колдовства и гаданий составляют самый мощный пласт как в новых записях, так и в материалах XIX в. Это вполне естественно, поскольку в науке давно существует мнение, что с древнейших времен, может быть и изначально, различные формы магии занимали главенствующее положение в мифологическом сознании человека. К тому же на Севере устойчивость магического элемента в традиционном сознании поддерживалась языческим инородческим окружением.

В корпусе публикуемых быличек представлено большое разнообразие мотивов, связанных с магией и колдовством, среди которых: наведение порчи на человека или скотину и избавление от нее; порча свадьбы, порча урожая; поиск пропавших людей, скотины, вещей; присуха и отсуха, наказание за измену; магия пастушества; связь с нечистой силой, накопление добра колдовскими способами, оборотничество, предсказания, гадания.

Магические действия в быличках связываются с фигурой колдуна и колдуньи, ведьмы и ее мужской ипостаси — еретика; это также «бабки» и «деды». По силе своих способностей эти персонажи образуют своеобразную иерархию. Выделяются особенно «сильные» колдуны, опасные ведьмы, самыми безобидными являются дед и бабка, действия которых направлены обычно во благо человеку.

Источником колдовского вреда, порчи некоторые люди могут стать непроизвольно, особенно если они имеют в своей внешности какие-либо заметные черты: черные глаза, рыжие волосы, очень смуглую или, наоборот, очень белую кожу и т. д. Этот мотив особенно ярко представлен в заговорах, многие из которых должны уберечь от плехатого, бородатого, горбатого, наперед поклятого, от красноволоса, черноволоса, беловолоса, от однозуба, двоезуба, троезуба и т. п.

В быличках колдун часто физически неполноценный человек: глухонемой (№ 326), слепой (№ 287), хромой (№ 331), инвалид, с одной левой рукой (№ 342). Физический недостаток противопоставляет колдуна всем остальным, помещает его как бы в иную плоскость бытия, удаляет от реального мира, приближает к ирреальному. Сакрализация людей с физическими или умственными недостатками — давнее и традиционное свойство человеческой психики. Достаточно вспомнить отношение к юродивым и уродам на Руси. Отмечаются и другие формы сакрализации людей с физическими недостатками. Это, например, вологодский бадя, которым пугают детей: «Не балуй, вот бадя придет! Вот бадя заберет!» В одних контекстах это хромой нищий бродяга, в других — сухорукий, в третьих — гугнивый. «Он говорит плохо, все бадя да бадя» (Волог., Чаг., Новинка, 1986). По некоторым своим характеристикам бадя приближается к мифологизированным персонажам: неопределенен по облику, функционально ирреален.

У мужчин сакрально маркирована борода, в ней заключена чудодейственная сила (ср. Черномора из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина, сказочного Мужичка — сам с ноготок, борода с локоток). Ф. И. Буслаев в XIX в. написал исследование о типах, видах и сакральной семантике бороды в древнерусской иконописной традиции (Буслаев 1908). Помимо волос, во внешности и сущностной характеристике колдуна значимы зубы, в них также заключены магические способности колдуна. В быличке о состязании в силе двух колдунов один стремится победить другого тем, что чарами лишает его зубов, т. е. его магической силы (№ 329). Колдун перед смертью может передать свое колдовское знание лишь тому человеку, у которого целы все зубы.

Вопреки тому, что женщина в мировой истории колдовства и ворожбы считается главным действующим лицом, в имеющемся корпусе быличек в качестве лица, причастного к колдовству, чаще упоминается мужчина (см. № 286, 292, 294, 311, 329, 342, 365 и др.). И в этом есть некоторые различия по территориям; в западной части северного региона мужчина-колдун упоминается чаще; роль женщины в ворожбе и колдовстве возрастает в восточных частях региона.

Описаний внешности колдуна практически нет, как и вообще портретных характеристик в быличках. Наоборот, иногда подчеркивается отсутствие каких-либо примет: «Колдунья, она бабка как бабка» (№ 307). Впрочем, колдунья, особенно ведьма, отличительным признаком имеет прежде всего растрепанные неприбранные волосы, неопрятный вид (№ 324). Ее атрибутами являются метла и еще два каких-нибудь предмета, обычно металлические, острые (№ 324). Часто подчеркивается преклонный возраст колдунов и ворожей (№ 309, 311). Имя их редко упоминается в быличках, а если и называется, то обычно не имеет подтекстового значения (например, дед Василий, баба Феня), но иногда оно маркировано: например, оборотень-еретик, превращающийся в волка, назван Триха Волчиных (Триха — уменьшительное от Трифон) (№ 338).

Нередко колдун бывает маркирован профессионально. Колдовские способности проявляются у кузнецов, мельников, особенно же часто у пастухов (№ 140, 302, 341), коновалов (№ 329, 331).

Сакрализация пастушества основана на существовании определенного параллелизма между лешим и пастухом. Каждый из них распоряжался скотом, один на уровне реальности, другой — в ирреальных сферах. Чтобы сохранить скот, пастух может вступать в контакт с лешим, приносить лешему жертвы хлебом, яйцами, скотиной — обычно одной головой из стада, давать и исполнять обеты, например, не стричь волосы, пока продолжается сезон пастьбы, не есть ягод, не подпоясываться. Если запрет есть ягоды имеет-утилитарный характер — не от влекаться от дела, от стада, то растрепанные нестриженные во лосы, пояс указывают на связь с ирреальными силами. Взамен пастух получает определенный заговор — обход, отпуск, — иногда какие-либо магические предметы. У пастуха, имеющего обход, не пропадает скотина, волк, оказавшийся в стаде, ходит среди коров, не видя их (№ 302), коровы хорошо кормятся и дают много молока, слушаются пастуха: например, достаточно пастуху развязать пояс, как коровы расходятся, завязать — они идут к нему (№ 141).

Представления, связанные с пастушеством, — это большой и интересный раздел этнографии и фольклора, которому посвящена значительная литература (Дилакторский 1905; Шаповалова 1974; Гуляева 1986; Криничная 1986; Финченко 1986). Есть публикации и пастушеского заговора-обхода (Бобров, Финченко 1986).

Колдовские способности мельника и кузнеца обусловлены их связью со стихиями воды и огня, составляющими основу мироздания в мифологической космогонии. Коновал, человек специализирующийся на лечении скота, как и всякий деревенский знахарь, лекарь, обладает, по народным представлениям, магической силой и может быть связан с сакральным миром. Не только своим занятием, аномальностью каких-либо характеристик противопоставляется колдун остальным людям. Он и живет обычно в отдалении от людей, уединенно, вне деревни, у леса, т. е. на границе ойкумены человека, там, где начинается запредельная сфера (№ 303, 315), в нечистых местах, где нет икон, например, в бане (№ 311), колдовство совершается у леса (№ 320).

Виды и типы магии различны. Существует деление на черную и белую магию. Первая построена на контактах с демоническими силами и направлена во вред человеку; вторая опирается на помощь божественных и ангельских сил, направлена на борьбу с черной магией и благодетельна по отношению к человеку.

Колдун, колдунья — герои быличек — творят и зло, и добро. Часто в основе былички лежит коллизия действия и противодействия двух колдовских сил: одна причиняет вред, другая зло ликвидирует. Нередко колдун является носителем справедливости: с его помощью добро торжествует, и наказывается зло (№ 286, 587, 308 и др.).

Идея противоборства черной и белой магии развивается в сюжете о состязании колдунов (№ 327, 329). Наиболее отчетливо мотив выражен в быличке № 327, записанной в Усть-Цилемском р-не Республики Коми: противопоставление черной и «белой магии» подчеркивается даже цветом буханки хлеба, подвергаемой колдовскому эксперименту: она становится то черной, как уголь, то белой. Характерно, что сильнее оказывается черная вредоносная магия.

Воздействие словом, т. е. вербальная магия, почти всегда присутствует в магическом действии. Тот, кто совершает магические действия, обычно шепчет (№ 309, 324), наговаривает (№ 310), ворчит (№ 324), кричит (№ 341), читает волшебные книги (№ 320, 338), стихи (№ 305), делает что-либо с наговором, приговором (№287, 308). Магические слова-заклинания можно «спустить по ветру», т. е. передать колдовство на расстоянии по воздуху, по ветру (№ 331). Малые жанры фольклора донесли до нас большое число заклинательных формул, которые произносит колдун или обычный человек, не обладающий колдовскими способностями, в определенных ситуациях и для достижения определенных целей. Чтобы не дать сдвинуться с места свадебному поезду, на стручок с девятью горошинами говорят: «Три-девять пудов горох, три-девять пудов жених три-девять пудов невеста, не взять коням с места» (№ 329). Формула-присушка звучит в быличке № 309: колдун, чтобы приворожить к себе девушку, отер платком свое лицо, потом ее, сказав при этом: «Как платок этот сохнет, так и ты по мне сохни» (№ 309). Здесь, как и в других случаях, вербальная магия сопряжена с акциональной, т. е. слово сопровождается действием, и наоборот. Некоторые коллизии быличек указывают на приемы имитационной магии, когда совершается действие, имитирующее ожидаемый результат (см., например, упомянутые действия колдуна: как сохнет платок, так же должна сохнуть и девушка).

Традиционный народный быт сопровождался различными заклинательными формулами, соотнесенными с самыми разными жизненными ситуациями. Когда сажали в печку пироги, говорили: «Матушка печка, укрась своих детушек»; окончив жатву, кувыркались на поле со словами: «Жнивка, жнивка, отдай мою силу»; если кто-нибудь чихнет, говорили: «Вчера приди», имея в виду нездоровье. Наши общеупотребительные бытовые этикетные формулы типа: здравствуй, спасибо (из «спаси Бог»), день добрый, в добрый час, с легким паром, будьте здоровы и другие по происхождению своему стоят в одном ряду с приведенными выше заклинательными формулами. Сакральное значение имеют и ругательства.

Магические действия, совершаемые колдуном, — это акциональная магия. Колдун обходит, иногда оползает объект колдовства, чаще всего скотину (№ 300, 324), как бы очерчивая магический круг, в границах которого действуют его чары. Магическое действие могут оказывать некоторые необычные, аномальные способы передвижения: при гадании иногда перекатываются по дороге от одной заранее поставленной вехи до другой, приговаривая: «Девятая веха, покажи жениха» (Новг., Пест.); осенью катаются по жнивью, кувыркаются при первом громе; когда уходят в солдаты, пятаются, чтобы быть лицом к дому и после службы вернуться в него и т. д. Чтобы уберечься от нечистой силы, плюют; чтобы выйти из леса, переворачивают стельки в обуви и выворачивают наизнанку одежду и т. п. Каждое из этих ритуальных действий имеет определенную мифологическую семантику, часто весьма примитивную. Так, считается, что движение поперек чьего-либо пути может оказать неблагоприятное воздействие, остановить движение. Колдун, чтобы испортить свадьбу, рассорить молодых, ходит «поперек свадьбы», т. е. пересекает путь свадебного поезда (№ 331). О глубине этих представлений свидетельствует устойчивое выражение современного языка: «она мне дорогу перешла» («дорожку перебежала»), т. е. помешала в достижении каких-либо целей. Мы не любим, когда определенные животные и особенно черная кошка перебегают нам дорогу.

В народном представлении для успешного действия магических чар необходимо физиологическое сходство, близость субъекта и объекта колдовства. Воздействие окажется действенным только в том случае, если нет магического противоречия между цветом волос, глаз того, на кого направлены чары, и того, от кого они исходят, если колдовство приходится «по крови». Особенно опасными оказываются чары в том случае, когда они исходят от близких, особенно от родственников: от сватьи (№307), от бабки «из родни» (№ 324), от бабушки (№ 306), свекрови (№ 349), деда снохи (№ 286) и т. д. Именно об этом говорится в быличке № 306: бабка не берется помочь женщине, от которой в результате колдовства, наговора собрался уходить муж, «ето сделано у ближнего, у своего». Заговоры

оберегают от материнской и отцовской «черной думы». Вообще заговорное искусство требует строгого соблюдения всех тех соответствий, о которых идет речь. В наше время мы склонны говорить в подобной ситуации о соответствии биоэнергетических полей у объекта и субъекта магических действий.

Предметы, вещества и средства, используемые в магии, достаточно традиционны. Прежде всего это вода, вообще любое питье, включая чай и водку, а также хлеб, соль. Вода по своим свойствам, как и многое другое в магии, амбивалентна. Испить воды, над которой пошептала колдунья, вымыться ею или даже просто иметь бутылку наговоренной воды (№ 295) — верный путь подвергнуться действию колдовских чар (№ 309). Особенно опасна та вода, которой обмывали покойника, — «мертвая вода» (№ 308), колдовство с ее помощью делается «на смерть», поскольку она приобщает человека к царству мертвых. С помощью воды узнают, кто является источником злых чар (№ 288, 290). Даже влага, выделяемая человеческим телом, — пот, слюна — имеет магическую силу (№ 309). Элементом ворожбы, заклятия, гадания нередко является плевок (№ 27). Но вода обладает прежде всего очистительными свойствами, она снимает порчу, избавляет от «насланных» болезней и «притч» (№ 297, 306, 307) и др. Очистительные свойства воды восприняты христианством и используются в обряде крещения. Хорошо известны сказочные сюжеты о живой и мертвой воде. В наше время «живой» и «мертвой» называют воду, испытавшую воздействие электролиза и обладающую определенными лечебными свойствами.

В качестве магических предметов могут быть использованы яйца (№ 291), шерсть, птичьи перья (№ 295), подкова (№ 295), досочки от гроба (№ 290), кости человека или животного (№ 313). Особо обращает на себя внимание в общем-то невыразительная быличка (№ 314): на месте, где разбился мотоциклист, были найдены три куриных ноги. Трудно полностью вскрыть мифологическую семантику этих трех куриных ног, но она несомненно есть и при этом весьма глубока. Достаточно вспомнить сказочную избушку на курьих ножках, в которой обитает Баба-Яга. В изображении художников избушка стоит обычно именно на трех ногах.

Магические наговоренные предметы подкладывают человеку так, чтобы он ими пользовался, ел или пил, если это что-то съедобное, а также закапывают во дворе, под столб ворот или ограды, кладут под порог (№ 286, 287). На Севере издавна существует слово *кудес*, обозначающее всякого рода колдовские предметы. Свидетельство этому — «Челобитная и явка... о неправедных делах вдовы Марьи» 1635 г., т. е. донос на некую вологодскую вдову Марью с обвинением в колдовстве: «И в гѣпоры та Маря пришед подложила под подвальное бревно кудес и землю загребла, а онъ тотъ Дмитрей Таинъ сказал мнѣ посмотреть чтото въ завалину Маря к вам положила и яз гсдрь посмотрел в завалин? ажио обявилося под бревном кудес всякой» (Хрестоматия по истории вологодских говоров 1975:20).

При всем многообразии сюжетов быличек о колдовстве и магии в них есть ряд мотивов, повторяющихся достаточно устойчиво. Прежде всего это мотив связи колдуна с демоническими силами. Иногда эта тема находит очень конкретное, примитивно-образное выражение: колдун, когда не знает, как поступить, открывает подполье и спрашивает об этом черта, сидящего там (№ 289).

Разнообразны и выразительны рассказы о чертенятах — помощниках колдуна, целых «отрядах», «командах» чертенят, которые на него работают. Существует очень много табуистических названий этих помощников. На Севере это *шутки, маленькие, мальчики, кузутики, красные шапочки, солдатики, шишки, работники, солдатики и даже сотрудники и гимназисты*. За пределами Севера это *кололозы* (т. е. те, кто «около лазают»), *коловертыши и коловерши* (т. е. те, кто «около вертятся»). Они изображаются чаще всего как маленькие человечки, ростом с аршин, в одинаковой одежде, напоминающей униформу, в красных остrokонечных шапочках (№ 341, 343). Остроконечная форма головы или шапки — признак бесовской породы. Именно так изображаются черти и бесы на иконах и древних миниатюрах. Но эти помощники могут иметь облик человека, обычно молодого, в пиджаке и

шляпе, иногда даже в джинсах, «красивого, как на картине» (№ 344, 345). Про бабу Феню, которой в 1986 г. был 101 год и с которой разговаривали девушки-студентки, собирательницы быличек, говорили, что она с маленькими зналась и у нее их было трое — Гараська, Климка да Трофимка (№ 345). Помощники могут являться в облике собаки, кошки, иногда же это неопределенные по своей природе существа, которые у одной женщины возились ночью как мышата, а утром она нашла их утонувшими в ведре с помоями (№ 340). Вот такие бытовые детали, соотносимые с конкретной деревней, конкретным домом и даже конкретным помойным ведром, накладываемые на древние, универсальные, почти всечеловеческие мифологические схемы и мотивы, и составляют одну из главных прелестей быличек.

По распоряжению колдуна его помощники могут делать всякие мелкие гадости — затолкать в лужу и обрызгать грязью (№ 342), участвовать в добывании пропавшей скотины (№ 341), проверяют, все ли сделано так, как велено колдуньей (№ 344). Но чаще рассказывается о тех трудностях и даже опасностях, с которыми связано владение «маленькими». Хозяин должен постоянно обеспечивать их работой, пусть и бессмысленной, своего рода «антиработой» бесовского «антимира»: посылать их считать пеньки в лесу, иголки на елях, вить веревки из песка, подбирать льняное семя, рассыпанное хозяином, и т. д. (№ 340). Если колдуны не дают им работы, они могут «затерющить» хозяина (№ 341), «раскубырить» пол в доме (№ 340), мешать в работе, как это случилось с одной женщиной, которой они настолько мешали, когда она пилила дрова, что ей пришлось отпихивать ногой этих невидимых бесенят (№ 326).

Колдуны перед смертью должны передать маленьких кому-то еще вместе с передачей всех своих колдовских знаний, иначе им трудно придется умирать (№ 343). Иногда же они хотят сделать это, устав возиться со своими надоедливими помощниками. Кроме всего прочего, их надо еще и кормить (№ 341). Обладателем маленьких можно стать случайно, если нарушить запрет и взять найденную вещь, на которую кто-то специально посадил маленьких, чтобы избавиться от них (№ 340, 341).

Помощники другого типа занимаются тем, что собирают у хозяев добро — хлеб, надоенное молоко — и приносят его своему хозяину-колдуну. Это делают коллолозы — фантастические существа, похожие на зайцев, но с большим зобом, в котором они и приносят добычу, а чаще — летучий змей, который в некоторых источниках называется змей-носак (№ 319).

С колдунами и ведьмами связан также мотив оборотничества. На русском Севере он представлен не столь широко, но по мере продвижения на запад и на юг звучание этой темы усиливается.

Ведьмы и колдуны обычно предстают в облике человека (№ 289, 303 и др.), однако они могут являться в облике жабы (Ш 294), свиньи (№ 305, 315), медведя (№ 336, 338); но в первую очередь — волка (№ 320, 338), при этом они не только сами могут изменять свой вид, но превращать в животных и других людей. Обратной на Севере называют *овертун*, *юбертыш*, *еретик*, редко *упырь* и *волкодлак*.

Нередко оборотничество совершается на свадьбе; это называется «портить свадьбу». Если, например, колдуна не пригласят на свадьбу, он может сделать так, что кони или молодые, а то и весь свадебный поезд — все превратятся в волков и убегут в лес (№ 320, 329, 332, 335). Иногда делают «собачью свадьбу», т. е. превращают ее участников в собак. (№ 334).

Очень популярен мотив доказательства ведьмовства и оборотничества. Рана, увечье, полученные колдуном в облике животного, если его застали за его магическим действием, обнаруживаются у него и в человеческом обличье. Так, чтобы избавиться от колдуньи, подстерегли жабу и ударили ее по лапам и языку. На следующий день колдунья «ходит и языком и руками трясет» (№ 294); свинью ударили пряжкой от ремня по лбу, на следующий день вдруг входит в магазин «эта ведьма, а у ней на лбу сияет от пряжки» (№ 315) и т. д. При обращении в волка «на спине вырастает волчья шерсть, как долонью хватют» (№ 329), под

шкурой волка находят человеческую одежду (№ 335). Широко распространенное на многих славянских территориях название оборотня *волкодлак* (*волколак*, *вовкулак*, книжное *вурдалак*) включает в свой состав два корня — *волк* и болг. *длак-а* 'шерсть'.

Только в одной быличке колдун, как можно понять, принимает облик змеи (№ 292), хотя сам по себе сюжет превращения в змея — дракона — чудовище — весьма популярен в славянской и мировой мифологии и фольклоре. Его отражение находим в цикле сказок «Муж-уж», в сказке «Аленький цветочек», в средневековой легенде и романе по ее мотивам «О деве-змее Мелузине» и т. п. Вообще представления об оборотничестве очень древние, и связанные с ним сюжеты рассеяны по произведениям различных фольклорных и литературных жанров. Достаточно вспомнить Волха Всеславьича из былины «Вольга и Микула», описание бегства князя Игоря из плена в «Слове о полку Игореве», где за поэтической метафорой кроется скорее всего идея максимального единения беглеца-князя с природой, выражающаяся в оборотничестве князя. Древние имена-прозвища типа Волк, Заяц, Медведь, Лось, Осетр и т. д. и даже дендрологические имена-прозвища Береза, Трава, Осина и подобные имеют отношение к оборотничеству и тотемизму — явлениям различным, но имеющим общую исходную идею полного единения человека с природным миром, существовавшую на определенных ступенях эволюции человеческого сознания и духа.

В хозяйственной деятельности самый большой вред, который может причинить колдун, — это порча урожая и лишение коровы молока. Порча урожая совершается путем «пережина», «залома» и изъятия «спорыньи». В поле потихоньку от хозяев выжинали полосы, обычно крестообразно, это называлось «пережин». Залом — это связывание пучков растущего хлеба и надламывание их. Совершает и то и другое колдун, чаще женщина, ведьма, и при этом ночью, нагишом, с распущенными волосами. Могут быть испорчены и огородные посадки. Отнять спорынью — значит сделать так, чтобы зерно наливалось плохо и урожай был невысоким. Но может быть и по-другому: в быличке № 294 у одной женщины «тесто терялось и терялось», т. е. не подходило, не поднималось в квашне. В таких случаях также считалось, что из муки вынута спорина. Слово спорынья, связанное со словами спорый 'быстрый и успешный', спориться 'быстро и хорошо удаваться, получаться', в старом языке означало производящую, творящую силу, обеспечивающую прирост, увеличение чего-нибудь. У древних славян существовал культ животворящей силы плодородия и даже было божество Спорыш.

Считалось, что с помощью заломы может быть причинен вред и человеку. Если случайно сжать залом, то будет «ломать», «перекорезит» руки. В возникновении этого представления несомненно сыграл роль и лингвистический фактор; связь заломы с ломотой в руках могла появиться только на основе языковой метафоры, когда в результате метафорического переноса боль в суставах стала называться глаголом ломать.

Весьма популярен и достаточно разнообразно представлен в быличках мотив запрета. Запрет, налагаемый при магических действиях, его нарушение и следующее за ним возмездие — это существенные структурные элементы мифа, воспринятые затем фольклором. Например, условием возвращения скотины, уведенной в лес, является запрет оборачиваться. Женщина же обернулась, увидела, как на ее лошади проскакал «человек в вострой шапке (т. е. нечистый)... и только хвост мелькнул. А если бы она не отвернула, то нашла бы лошадь-то» (№ 293). Другой женщине колдун велел не говорить ни слова, когда она увидит, как леший гонит ее корову. Женщина не удержалась, позвала свою Красулюшку, за что леший, хотя и «отхлестнул» ей ее корову, но в наказание выхлестнул глаз, отчего она навсегда осталась кривой (№ 140). Упоминается также запрет на смех; мужик-колдун взялся вывести клопов, только не велел смеяться. Но, увидев, как клопы стали уходить прямо в окошко «поездом», наблюдавшие не выдержали и захохотали. И клопы «тут же обратно побрели, все поворотились» (№ 310). В этих простеньких сюжетах на бытовые темы отразились очень древние представления о ритуальном значении слова, молчания, смеха. С запретом оборачиваться, оглядываться мы сталкиваемся уже в хорошо известном античном мифе об Орфее и Эвридике. Орфей, получивший возможность спуститься в подземный мир,

чтобы увидеть и вернуть в мир живых свою жену Эвридику, нарушил запрет, обернулся и навсегда ее потерял. Запрет оборачиваться при соприкосновении с ирреальным миром есть символ недоступности этого мира взору человека, закрытости его для людей.

Помимо сказанного, в быличках повествуется еще о ряде магических действий колдунов. Они могут «испортить» человека или скотину (№ 288, 299, 307, 313, 348), наслать болезнь даже смертельную (№ 291, 295, 308), «посадить» икоту — болезненное истерическое состояние (№ 362—365) — или килу т. е. грыжу, сделать так, что скотина не идет домой (№ 288, 357), куры не несутся, коровы не дают молока (№ 303, 313), у овец не растет шерсть и т. п. Благотворные действия колдунов направлены прежде всего на то, чтобы нейтрализовать злые чары, а также на лечение болезней, поиски пропавшей скотины и т. п. (см. № 290, 292, 295).

Весьма существенный компонент народной магии составляют гадания. От других видов магии они отличаются тем, что имеют целью не воздействие на людей и обстоятельства, а лишь получение сведений о них. Со структурно-семантической позиции гадание можно определить как «действие по воссозданию некоторой ситуации с целью выработки стратегии поведения для достижения конечной цели» (Байбурин 1977: 124). Ко времени регистрации основного корпуса восточнославянских народных гаданий в XIX—XX вв. большая часть их потеряла свою древнюю сложную структуру, упростилась, сузилась функциональная направленность гаданий, ослабла связь с ритуалом. Но все же в корпусе сведений, собранных в XIX—XX вв., представлены гадания с различной целевой задачей — гадания при выборе места для нового жилья, об урожае и приплоде скота, о числе детей, но ведущее место занимают гадания в рамках основной по значимости для человека оппозиции «жизнь — смерть». При этом компонент «жизнь» связан прежде всего с браком как условием появления новой жизни. В материалах, которые собраны на Севере за последние десятилетия, гадания о браке, преимущественно о замужестве, являются абсолютно преобладающими (№ 371, 376, 377, 378, 379 и нек. др.). Ответы, которые предполагаются при гадании, полюсно противоположны — либо свадьба, либо смерть, болезнь, несчастье (№ 378). Правда, сейчас эта роковая противоположность часто снимается. В самых примитивных гаданиях ответ сводится к тому, будет свадьба или нет. Например, если девушка захватит из поленицы четное число поленьев или в частоколе четное число кольев, значит выйдет замуж, нечетное — нет (№ 376). Лишь в редких случаях гадают о том, богат или беден будет муж, злая или ласковая будет свекровь (№ 377, , 378) и т. п.

В дошедших до нашего времени гаданиях ответ, ожидаемый в результате ритуала, бинарный: да — нет. Более сложным видом гадания является такой, где набор ответов разнообразен: например, это гадания по полету птиц, по расположению каких-либо линий, рисунка или, например, внутренностей жертвенного животного, как при гаданиях в старые времена. В публикуемых материалах в этом отношении интересна, быличка № 375, где гадают с помощью иглы, помещенной между жерновами. Эта игла своим скрипом между движущимися камнями жернов как бы пророчествует, «выговаривая» слова. Правда, игла может «произносить» слова, включающие только три звука.

Сами же способы гадания достаточно просты, часто даже примитивны. Наиболее популярный вид гаданий — это «слушать на росстанях», т. е. на перекрестках дорог — в какой стороне залает собака, туда отправится свадебный поезд, если же раздастся стук — ждать беды.

О ЗМЕЯХ, ПОКЛОНЕНИИ СТИХИЯМ, КЛАДАХ И ДРУГИЕ (разного содержания)

В подборку текстов этого раздела включено ограниченное число повествований, но значительную их часть объединяет большая хронологическая глубина, просматривающаяся в их содержании. Эти тексты уводят нас почти к истокам мифологического сознания, когда

правлящими миром силами почитались стихии, природные объекты и явления — вода, земля, камни, гром и др. В текстах отчетливо проявляется культ воды, которую нельзя обидеть, обругать (№ 400), потревожить во время отдыха (№ 398); вода обладает животворящей силой (№ 399). Указанные тексты обнаруживают отношение к воде непосредственно как к сакральному объекту, хотя о магической силе воды неоднократно шла речь в быличках на тему магии и колдовства.

Тема почитания воды уже звучала в быличке № 332, но в ней она представлена в «перевернутом», трансформированном с позиций христианства виде: еще во времена полигамных отношений брачные союзы совершались у воды — «и брака у нихъ не бываша, но умыкиваху у воды двѣица» (Повесть временных лет 1950: 15), позже освящались у источников, рек и озер; в быличке же древний языческий обычай связан с вмешательством колдуна и становится смешным неприличным действием.

Небезынтересно отметить, что в советское время, когда общество отказалось от церковного брака, в народе подсознательно возродились обычаи, имеющие непосредственную связь с далеким языческим прошлым. Новобрачные пары, обычно вместе с гостями, или, как сказали бы раньше, всем свадебным поездом, на машинах или пешком приближаются к вечному огню в память погибших, к памятнику какому-нибудь деятелю или герою, к фонтану и т. д. За простым, казалось бы, желанием сфотографироваться на фоне местной достопримечательности скрывается неосознанное, рожденное глубинной генетической памятью желание освятить свой брак, соприкоснувшись со стихиями огня, воды, с миром предков.

Сакрализация камней проявляется в приписывании им свойства расти (№ 402). Представление об этом устойчиво сохраняется во многих районах Севера. В тексте № 401 человек был наказан за то, что разбил и переместил камень.

Глубинные мифологические воззрения на основы мироздания, стихии, самого человека стерты, размыты временем, поэтому содержащие их тексты обычно кратки и отрывочны, но несколько слов в них могут указывать на целый комплекс представлений, характеризующих духовный мир наших предков. Так, в маленьком тексте — «Не тронь лягушку, это старые люди. Погляди, у них пять пальчиков. Лягушку убьешь — мать умрет» (Новг., Батецк., Черная, 1988) — содержится представление о переселении душ умерших в животных.

Легенда о змее из озера Игорьь и другие тексты о змеях отражают очень древний мотив змея как олицетворения злой силы, представленный почти во всех мифологиях.

Мифологический змей — это хтоническое существо, связанное с подземным миром, что проявляется в легенде в описании жилища змея. Представление о связи змея с подземными богатствами (ср. сказы Бажова) нашло свое проявление в легенде в виде упоминания о разноцветных камешках, которыми была выложена пещера — жилище чудовища. Эти камешки, очевидно, приносили богатство и благополучие, поскольку, по легенде, их клали под печь строящегося дома. Отразилась в легенде и функция змея как похитителя воды. В первоначальных вариантах мифа о змее он отнимает, «запирает», воду, следовательно, лишает людей урожая, приплода скота. В этом смысле змей выступает как главный антагонист верховного божества. Чтобы вернуть влагу и плодородие, человеку приходится вступать в борьбу со змеем. Мотив змеборства представлен и в публикуемой легенде. Он знаком и античной мифологии (легенда о Лаокооне, Персее и Андромеде и др.), русским былинам (борьба со Змеем-Горынычем), некоторым древним повестям и сказаниям, в частности Житию Феодора Тирона, часть текста которого приведена далее (с. 188—191).

Упоминание в легенде князя Игоря следует рассматривать как позднейшее наслоение литературного происхождения, хотя на Новгородчине обнаруживаются следы глубокой исторической старины. Так, членам экспедиции, в 1976 г. был указан Юриков холм, курган, первоначальное название которого, вероятно, Рюриков. Происхождение княгини Ольги из Северо-Западной Руси (Псковские земли), что подтверждено историческими источниками, в народном сознании приблизило к Северу и ее супруга князя Игоря.

Хтоническая природа мифологической змеи видна во всем цикле текстов о змеях. Осенью в день Воздвиженья креста Господня змеи уходят в землю (№ 383, 385, 389), при этом они могут затащить под землю человека, который нарушил запрет и пошел в лес в этот день (№ 389), есть у змей и свой «царь-бог» (№ 388).

День Воздвиженья креста в народе обычно именуется как Здвиженье (№ 388, 389), Здвижев день (№ 387). В таком произношении отразилось не только фонетическое упрощение, но и народное переосмысление слова, которое оказалось связанным с понятием перемещения зверей и особенно змей на зиму—они «сдвигаются», уходят.

Рассказ о кобре, которая всюду следовала за солдатом, свела его в могилу, а затем и сама умерла от тоски (№ 390), принадлежит к почти универсальному по распространению сюжету о превращении людей в змей и о любви между человеком и змееподобным существом.

Сюжеты о змеях наиболее часты в Новгородской области, отчасти Псковской, Тверской, т. е. в западной части северного региона. Как уже отмечалось, именно в этих местах домашний пенат предстает в облике змея. По «змеиным» сюжетам указанные области смыкаются с балтийским регионом (в мифологии литовцев и латышей змее принадлежит очень большая роль) и с Польшей, где сохранены повествования о легендарном Краке, который победил змея-дракона, жившего на горе и пожирившего людей и скот (ср. легенду о змее из озера Игорьь, также требовавшем себе прокорма), и основал замок Вавель (Иваягов, Топоров 1974: 175). В современном Кракове у стен Вавеля стоит изображение этого змея Смока (Smok wawelski), который периодически изрыгает дым и огонь, что вызывает восторг детей и туристов.

Сближение по мифологии змеи районов Северо-Запада России с балтийским и западнославянскими ареалами может быть принято во внимание при уточнении этногенеза славянского племени кривичей, которых, по последним данным разных наук—лингвистики, археологии, этнографии, все чаще объединяют с западными славянами.

Рассказы о кладах в целом не характерны для Севера, встречаются они опять-таки преимущественно в Новгородской земле. Мотивы, обнаруживающиеся в рассказах о кладах, достаточно традиционны: клады появляются в нечистых местах, например, там, где похоронены умершие неестественной смертью (№ 394), их стерегут нечистые силы («привидения» — № 395), страшные животные (№. 394) клады могут являться в виде животных — собаки (№ 395), мертвой собаки (№ 394); их ищут в день Ивана Купалы (№ 395); при нарушении каких-либо условий клад исчезает (№ 394).

Тема кладов и кладоискательства устойчиво сохраняется на северо-западе региона отчасти потому, что это район с большой глубиной исторической и мифологической памяти. Но мотив кладов поддерживается также фактами относительно недавней истории края. В начале XVII в. в Смутное время и время польско-литовской интервенции по Новгородским землям проходила граница проникновения отрядов польско-литовского войска. Уходя от них, русские купцы и зажиточные крестьяне закапывали деньги и драгоценности. Часть этих кладов сохранилась, и их находили в более позднее время, находят иногда и сейчас. Так, члены диалектологической экспедиции Петербургского (тогда Ленинградского) университета в 1972 г. в Вытегорском районе Вологодской области видели в крестьянской семье клад серебряных монет времен Ивана Грозного весом в 1,5—2 кг, который хозяева летом того же года выкопали у себя в огороде. Он состоял из кованых серебряных монет неправильной округлой формы с изображением Георгия Победоносца с копьем в руке (откуда и название копейка) и надписью на одной стороне: «Великий князь Иван Васильевич», на другой «Осподарь всеа Руси».⁴ Были в нем и монеты, выпущенные в Великом Новгороде, очевидно, еще до присоединения его к Москве. Мифологические рассказы о кладах нередко переплетаются с легендарными, о чем пишет и Н. А. Криничная, подготовившая издание «Северные предания» (Л., 1978. С. 20).

⁴ Надписи приведены с упрощением графики

В публикуемых текстах нашла отражение персонификация некоторых понятий, связанных с болезнями, недомоганиями, бедностью. В тексте № 393 это

персонифицированная Нужда, в текстах № 396 и 397 — персонификация недугов, которые могут появиться у ребенка, если нарушить запрет не ставить и не сажать его на стол — Упиры и Столоватик. Такого рода персонификации весьма значимы в мифологической традиции: они являются потенциальным источником появления новых мифологических персонажей. Например, слово памха в северо-западных районах Севера имеет значение 'болезнь, немочь' (Лен.), 'повальная болезнь, эпидемия', 'слабость', 'беда, напасть' (Новг., Лен.). Вместе с тем несомненна мифологизация слова в таких контекстах, как «Памхи, нечистая сила. Памхи носят, так это ругаются: чтоб тебя памхи унесли. А идола это» (Нов., Пест. —КСРНГ).

Особенно часто персонифицируются понятия, обозначающие то, что неблагоприятно для человека, то, что связано с его судьбой, долей. Например, у славян, в частности у украинцев, получили статус персонифицированных мифологических образов «злые», т. е. неблагоприятные, дни, когда могут случаться всякие неприятности (ср. современные представления о неблагоприятных в геофизическом и геомагнитном отношении днях, о чем уже шла речь ранее). Персонифицированные злыдни ← злы(е) дни приносят с собой вечную нужду и беды. Они сидят под печкой, но, выходя оттуда, суются во все хозяйственные дела, забирая и портя добро: в горшки с едой могут подсыпать песка, в молоко долить воды, крадут яйца у кур и под. (Сегпу 1893; Sumcow 1891; Срезневский 1890; Niederle 1924). Слово злыдень 'злой человек' образовалось, вероятно, как форма единственного числа от злыдни: злы(е) дни→злыдни→злыдень.

В указанных текстах (№ 396, 397) обращает на себя внимание мотив сакрализации стола. Стол, как и печь, — это главные предметы в крестьянской избе. Говорят «стол — престол»; он должен определенным образом и в определенном месте располагаться в избе, на нем режут хлеб, на него нельзя класть шапку и т. д.

НАРОДНЫЕ СЮЖЕТЫ ХРИСТИАНСТВА

Мотивы христианства в той или иной степени присутствуют почти во всех текстах, представленных в книге, знаменуя собой ту силу, которая противостоит как стихии народной демонологии, так и воинству Сатаны. Крестное знамение, благословение, молитва, посещение церкви, имя Бога и его святителей выступают как основное противодействие темным силам (см. № 24, 2?, 33, 52, 55, 233, 251 и мн. др.). Вместе с тем существуют мифологические и легендарные повествования, где основными действующими лицами оказываются христианские персонажи. Из районов, материалы которых публикуются в настоящей книге, они особенно характерны для Тверской области. Здесь уже истончается тот мощный пласт народной демонологии, который характерен для более северных регионов. Отмечается также концентрация повествований на христианские темы в местностях вокруг монастырей или церковных святынь (например, вокруг Ниловой пустыни в Тверской области).

В повествованиях на христианские сюжеты так же, как и в основной массе текстов, остается мотив помощи со стороны христианских сил, только в них он является основным и развернутым (№ 407, 408, 411). При этом высшие христианские святители нисходят до мелких бытовых забот крестьян: св. Николай помогает найти пропавшую корову (№ 409).

Для повествований на христианские темы характерно нравоучительное начало. В этом отношении интересен неоднократно повторяющийся рассказ о том, как Господь приходил в гости к старушке в облике нищего по ее настойчивому приглашению. Не уделив должного внимания скромному человеку, просящему подаяние, старушка лишилась благодати созерцать Господа (№ 410).

В приведенных текстах обнаруживается перекрещивание и взаимоналожение собственно мифологической и христианской тематики. Так, в текстах традиционной структуры пропавшую скотину помогает найти колдун, реже леший, в быличке № 409 ях функции выполняет Николай Угодник. Как было показано выше, функция предсказания,

сообщения о случившемся традиционно принадлежит мифологизированному предку (№ 10, 17, 27, 40 и др.), однако в подобной роли выступает также св. Николай, старичок Максимушка (№ 417), который «присказывает» именем Божиим, Омелюшка (№ 418).

Ярким примером синкретизма христианских и языческих представлений, выразившегося в совмещении христианского Бога с языческим многобожием, является высказывание, прозвучавшее в годы Великой Отечественной войны в Пермской области, где из-за плохой погоды был неурожай на огородах: «Христос-то на фронте занят, а боженята разве знают, какую погоду надо». Мотив политеизма на христианской основе звучит в тексте № 415.

Легенду об исходе иконы Михаила Архангела из церкви перед пожаром (№ 416) можно датировать концом 30-х годов нашего столетия. Она представляет собой любопытный факт сложения легенды в новейшее время, при жизни ныне здравствующего поколения. Имея традиционные черты рассказов о чудесном спасении икон, достаточно частых в древнеславянских памятниках, легенда несет в себе дух традиционных народных воззрений, когда друг другу должны быть противопоставлены благие, светлые силы и злые, темные. Эта антитеза светлого и темного начала отчетливо обнаруживается в легенде.

В текстах находим отзвуки «всерусского» мотива об уходе из этого мира под землю или под воду церковей, монастырей для спасения от поругания. Как ушел под воду и стал невидимым град Китеж, спасаясь от никонианских нововведений во времена раскола, так и церковь уходит под землю, чтобы избежать осквернения со стороны литовцев (№413, 414). Эта легенда является отголоском событий начала XVII в., которые нередко находят отражение в севернорусском фольклоре. Как и в легенде о граде Китеже, можно услышать из-под земли колокольный звон или хор певчих (№ 413).

Обращает на себя внимание частое упоминание в текстах св. Николая, который именуется как Николай Чудотворец -(№ 407, 421), Никола Угодник, Никола (№ 409), Микола Милостивый (№ 422), святитель Николай (№ 407), Путеводитель (№ 407). Хорошо известно, что св. Николай занимает совершенно исключительное место в русском религиозном сознании. Это самый чтимый святой, особенно на Севере. Почитание его приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа. Б. А. Успенский, который посвятил культу Николая Мирликийского книгу «Филологические разыскания в области славянских древностей» (1982), пишет, что в фольклорных текстах Никола может смешиваться с Богом и имя Николы сочетаться с именованим Господа, как бы объединяясь с ним в одно целое. Именно это можно видеть в тексте № 409, в котором: рассказчица, молясь перед сном, обращается к Николаю Угоднику: «Никола-Кристе, Господи, Боже...»

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ряд мотивов, образов, сюжетов, которые имеются в опубликованных легендах и быличках, находит параллели в древних славяно-русских памятниках. Это объясняется несколькими причинами. Древние славянские верования, относящиеся к дохристианской поре, а также суеверия более позднего времени проникали в памятники письменности, несмотря на закрытость их к тому, что противоречило духу христианства. С целью борьбы с остатками язычества в церковно-учительной литературе нередко перечислялись и даже описывались языческие божества, ритуалы, а также приемы магии, ворожбы, приметы, способы гадания и т. д. Народные повествования о фантастических происшествиях — легенды, былички — очень древний жанр, поэтому естественно, что элементы народных рассказов и даже целые повествования на мифологические темы проникали в литературно-письменные тексты, ведь, как известно, всегда существовали контакты между литературой и фольклором, хотя в разные эпохи интенсивность взаимовлияния была различной. Но и сюжеты, и образы церковно-книжной литературы, проникая в народную среду, своеобразно преломлялись, получая черты фольклорного произведения. Наконец, многие сюжеты, образы, темы параллельно бытовали в литературной и устно-поэтической традиции, развиваясь сходными, но все же различными путями.

Народно-мифологические мотивы в памятниках письменности собирались и изучались. В этом плане наиболее значительными являются труды А. Н. Веселовского (1883), Е. В. Аничкова (1913), Н. А. Гальковского (1913), Ф. А. Рязановского (1915), написанные в конце XIX — начале XX в. К сожалению, с тех пор мы не столь уж существенно продвинулись в изучении фольклорно-мифологических и литературно-книжных параллелей. Можно назвать лишь отдельные специальные работы более позднего времени, посвященные этой тематике или затрагивающие ее (Рыбаков 1981; 1987; Турилов, Чернецом 1996; Черепанова 1993).

В «Приложении» приводятся отрывки из текстов XI—XVII вв., в которых имеются типологическое сходство или параллелизм в образах, мотивах, отдельных композиционно значимых деталях с опубликованными в предыдущих разделах быличками и легендами. Тексты сопровождаются комментариями.

І. О бесах в жилище и во дворе

В отрывках из древнейшего «Жития Феодосия Печерского» отчетливо прослеживаются параллели к быличкам о домовом-дворовом, который мучает скотину, пришедшую «не ко двору» или «не по шерсти» (№ 97, 107, 120 и др.), а также пакостит в доме — передвигает мебель, прячет вещи, поедает оставленную пищу и под. (№ 72). Особенно характерны такие проделки для другого домашнего пената — кикиморы. Она ощипывает кур, бросает и бьет горшки, портит хлебы и пироги, кидается луковичами из подполья или из-под печки, мешая спать детям, стучит печными вьюшками, крышками коробов и т. п. (Волог., Новг., Олон.).

*Житие Феодосия Печерского, XII в. **

«В единъ же паки от днии отъ единой веси¹ приде мьнихъ монастырьскыи къ блажеиому отцу нашему Феодосию, глаголя, яко въ хл?винъ, где же скоть затворяемъ,

жилище бѣсомъ есть. Тѣмъ же и многу пакость ту творять въ немъ, яко же не дадуще тому ясти. Многашды же и прозвительъ молитву творить и водою святою покрапляя, то же ни тако ошашася злии ти бѣси, творяще муку и доселѣ скоту» (Успенский сборник... 1971: л. 546, строки 10—27).

Примечание: ¹Весь — деревня, селение.

«...се паки¹ бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, где же хлѣбы братия творяху, овогда муку расыпающе, овогда же положени квась на състроение хлѣбомъ разливаху и ину многу пакость творяще бѣша» (там же: л. 38в, строки 10—19).

Примечание: ¹Паки — снова, опять. /

В «Житии» фигурируют бесы, в быличках — мифологические персонажи, но существующий между ними параллелизм очевиден:

«И се исповѣда ми единъ отъ братия именѣмъ Иларионъ, глаголя, яко многу пакость творяху въ келии злии бѣси, егда бо ему легъшу на ложи своемъ и се множество бѣсовъ пришьдше и за власы имъше глаголааху, сѣмо¹ да влечень будеть яко стѣною подавленъ» (там же: л. 44б, строки 12—25).

Примечание: ¹Сѣмо — сюда.

О нашествиях бесов повествуется и в быличках (№ 266). Особенно же интересен в отрывке мотив, о котором уже шла речь — запикивание человека под стену, под угол и вообще подо что-то, что символизирует в подобных ситуациях границу двух миров. В быличках этот мотив появляется, если кто-либо, побывавший в запредельном мире, нарушает запрет и сообщает что-то о нем людям. В этом случае обитатели потустороннего мира стремятся вернуть в него человека (№ 56, 65).

II. О «стихийных» ангелах

С XI в. в русских церквях читались народу «Толкования Епифания Кипрского на книгу Бытия», где подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихиями и явлениями природы. «Толкования» эти находились в сборниках, предназначенных для народного чтения (см., например, сборник Соловецкого собрания № 993—РНБ), так что возникшее в первые века христианства на основе древних христианских верований церковное учение о стихийных ангелах снова возвращалось в народную среду, поддерживая и усиливая бытовавшие там представления о божествах отдельных локусов и сфер, что нашло отражение и в публикуемых мифологических рассказах (см. раздел «Народная демонология»).

Толкования Епифания Кипрского

«Епифания Кипрского архиепископа сказания, какъ Богъсотвори отъ начала до седьмаго дни: въ первый день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащий предъ ними суть сии ангелы: ангель духомъ и бурѣ, ангель облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангель студени и зною, и зимѣ и осени и всѣмъ духомъ, ангель земли, тѣмѣ...» (Исторические очерки народного мирозерцания. 1863: 5).

Еще более подробно об ангелах, которые управляют различными природными сферами и стихиями, говорится в Ипатьевской летописи, при этом со ссылкой на Епифания.

* Здесь и далее тексты публикуются в адаптированном виде: упрощены графика и орфография, знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами, некоторые старые грамматические формы заменены более понятными современному читателю и т. п. Степень адаптации текста может быть несколько различной, что зависит от древности текста, а также от издания, положенного в основу публикации. Однако во всех случаях по возможности сохраняется общий дух, общий строй и лексический состав древнего текста. В примечаниях поясняются некоторые слова и выражения.

Ипатьевская летопись

«В лѣто 6618 (1110) было знамение въ Печерскомъ монастырѣ в 11 день февраля мѣсяца: явился столпъ огненный отъ земли до небеси и молния освѣтила всю землю и въ небеси громъ погромѣлъ въ первый часъ ночи, и весь миръ видѣлъ... А это былъ не огненный столпъ, ни огонь, но видъ ангельский; ибо ангель такъ является, иногда столпомъ огненнымъ, иногда же пламенемъ... то другимъ видѣниемъ, какъ можно видѣть-людямъ, ибо нельзя людямъ зрѣти естества ангельскаго ... Какъ пишетъ премудрый Епифаний: къ каждой твари приставленъ ангель: ангель облаковъ, и мглы, и у снага и града, и у мороза, ангелы въ звукахъ и громахъ, ангель зимы и зноя, и осени, и весны, и лѣта, и всему духу твари его на землѣ, и у преисподней тьмы и у сущей въ безднахъ, бывшей древле вверху земли, ангель вѣтра и ночи, и свѣта и дня, ко всѣмъ тварямъ ангелы приставлены...» (там же: 6).⁶

В апокрифических текстах наблюдаем совершенно отчетливое совмещение языческих божеств и ангелов христианского-учения, например, в русской переделке византийской апокрифической «Беседы трех святителей»:

«Иван рече: отъ чего громъ сотворенъ бысть? Василий рече: два ангела громная есть: елленский старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молниина. Вопросъ: что есть громъ и молния? Толкъ: ангель господень летая биеть крилома и гонить дьявола Молнии суть свиты ангельския. И егда идетъ дождь, тогда дьяволь стонеть. И егда молния ходитъ, стрекаются, то со гнѣвомъ ангель господень зритъ на дьяво-ла» (там же: 8).

Древние тексты дают нам отчетливое свидетельство существования представлений в сознании древнего русича о локальных божествах — праобразах леших, полевых, водяных и под., о чем говорится в «Слове и откровении святыхъ апостолов» по рукописи XVI в.:

«И тако прѣльсть вниде въ человекы, до сего дне есть въ поганыхъ, глаголять бо ово суть боги небеснии, а другии земнии, а другии польстии, а другии воднии, то не безума ли есте-погынули, еже тако вѣровасте» (Летописи русской литературы... 1861: 5—6).

III. Об уведенном в лес

В агиографической литературе фольклорные и мифологические мотивы чаще всего обнаруживаются в посмертных чудесах святых. Особенно богата народными элементами севернорусская агиография XV—XVII столетий. В этом отношении представляет интерес отрывок из Жития Никодима Кожеезерского, в котором повествуется, как пастух Григорий был уведен в лес неким лесным демоном и долго блуждал, не находя дороги к дому.

*Чудо преподобного Никодима Кожеезерского о
нѣкоемъ старцѣ пастырѣ, как его избави отъ лѣснаго демона*

«Было въ лѣто 7196 (1688) марта въ 15 день сотворилось чудо сие такъ. На Онегѣ рѣкѣ есть село Кожеезерского монастыря, именуемо Кирнешки, и въ томъ селѣ по обычаю въ то лѣто пасся скоть. Пастухъ былъ изъ того съла, именовъ Григории, сынъ Васильевъ, пасъ скоть. В одинъ день пасъ онъ но обычаю, день преклонился къ вечеру, и было поздно. Пастухъ тотъ Григории отошелъ за рѣку Кирнешку собрать скоть, и какъ-то потерялъ дорогу, самъ не зналъ, куда шель, и вдругъ видитъ перед собой какъ будто человекѣка привидѣниемъ, въ сѣромъ одѣянии и колоколець малъ у него въ руцѣ. Колокольцемъ онъ звонитъ, а самъ идетъ впередъ и пастуха Григория зоветъ за собой, а этотъ шель за нимъ. И немного опомнившись, началъ многихъ святыхъ призывать себѣ на помощь, призывать и преподобнаго Никодима. А родители между тѣмъ плакали и тоже молились преподобному,

обѣты полагали, чтобы итти въ обитель и молебствовать. И вскорѣ потомъ тому бѣдному пастуху въ лѣсу предсталъ преподобный. . . Григорий чувственно видитъ: какъ бы нѣкий старецъ последуетъ за нимъ. Когда Григорий пѣлъ подь деревомъ пѣсни, видить онъ — старецъ зоветъ его къ себѣ и велитъ ему перекреститься знаменемъ честнаго креста. И когда онъ знаменался крестомъ, тогда дѣмонъ лѣсной невидимъ былъ, а старецъ оный приближался къ нему, когда же забывался, тогда опять дѣмонъ показывался, а такъ долго онъ сгоадалъ, но святой не оставлялъ его, шель за нимъ и пришелъ къ рѣкѣ, называемой Сырпуга, и оттуда пришелъ на рѣку Кирнешку въ верхотину и тутъ виде храмину, а въ ней мечтается ему какъ бы дерево великое и малое, и некоего старца знакомаго ему, лежащаго на вершинѣ деревьевъ, и юношей нѣкихъ, знаемыхъ ему; одни спятъ, а другие приносятъ ему ѣсть, а иные одежду и обувь снимаютъ съ него.

И того же мѣсяца въ 18-й день милостию всещедрого Бога и молитвами преподобнаго поутру пастухъ увидель себя въ сѣлѣ Киркешкахъ у монастырскаго двора. Увидѣли его тутъ служители — стоитъ Григорий, руки къ сердцу согнулъ, дрожить весь, руки и ноги избиты сильно и кровь течетъ из ранъ, и такъ приняли его и хвалу воздали Богу и преподобному Никодиму благодарение. Сия вся самъ вышеупомянутый пастухъ о себѣ намъ повѣдалъ, мы сия слышавше предахомъ писанию во славу Христу Богу и Никодиму чудотворцу» (Историческіе очерки народнаго мирозерцанія... 1863: 35—36).

Приведенный отрывок по многим чертам композиции, структуры текста, образам и мотивам имеет сходство с народными мифологическими рассказами об уведенных в лес неведомой силой или лешим (№ 55, 57, 58 и др.). Принципиальное отличие от них приведенного повествования заключается в участии в описываемых событиях преподобного Никодима Кожезерскаго, хотя крест и крестное знамение, молитва и в быличках очень часто служат спасением от злых сил. Как и в фольклорной быличке, в «Чуде» точно указано место действия — село Кирнешки на реке Онеге, представлен герой событий — молодой пастух Григорий, сын Васильев. Традиция описания лешего та же, что и в быличках: леший предстает в облике человека, одетого в серое (ср. № 140, 144), связан со скотом и, возможно, с дикими зверями, о чем свидетельствует «колоколець малъ» у него в руках. Особенно же интересно в «Чуде» упоминание о своего рода дворце, палатах, в которых на вершине «великаго и малого дрѣва» возлежит старец. Кто этот старец, в тексте не совсем ясно, но в нем просматриваются черты мифологическаго хозяина леса. Леший, видимый над вершинами деревьев. — частый мотив быличек (№ 126, 143). По мысли Н. Погодина, это дерево «великое и малое» напоминает так называемое в финской мифологии *Tarion riui* 'дерево лешего' или *Tarion kanto* 'пень лешего' (там же: 36). Об этом мифологическом мотиве говорит и А. Кастрен в «Путешествии в русскую Карелию» (1859). Влияние мифологии финноугорских народов на традиционную культуру Русскаго Севера общеизвестно. В Житии Иоанна и Логгина — Яренских чудотворцев — тоже рассказывается при описании одного из чудес, как, заблудившись в лесу человек видел перед собою «яко челоуѣка привидениемъ, аки дрѣво слонящееся»; этот образ также напоминает лешего (там же).

IV. О фараонах

Сказание о переходе Чермнаго моря (по списку 1602 г.)

В «Сказании» содержится апокрифическое изложение библейскаго сюжета об изгнании иудеев из Египта. Когда они, преследуемые войском фараона, подошли к Чермному (т. е. Красному) морю, по слову Моисея, который вел иудеев через пустыню, море расступилось и иудеи прошли «яко по суху». Но когда за ними устремилось войско фараона, волны сомкнулись и египтяне' утонули (Исход, гл. III, стих 11). Далее, как

говорится в «Сказании», «люди же фараоновы обратися рыбами; у тѣхъ рыбъ главы челоѡческия, а тулова нѣтъ, токмо едина глава, а зубы и носъ челоѡчь; а гдѣ уши, тутъ перье, а гдѣ потылица, тутъ хвостъ. А не ясть ихъ никто же. А кони и оружие обратися рыбами, а на конскихъ рыбахъ шерсть конская, а кожа на нихъ толста на персть, ловять ихъ и кожи съ нихъ снимають, а тѣло мечуть, а въ кожахъ переды и подошвы шьють; а воды тѣ кожи не терпятъ, а въ сухо носко, на годъ стануть (Ложные и отреченные книги... 1862: 49—50).

Приведенные материалы отчетливо указывают на источник и пути формирования образа водяного персонажа — фараона, о котором говорится в текстах № 186—191. Переход библейско-книжного образа в сферу народных мифологических представлений осуществлялся несколькими путями: через официальную книжность, через литургику, через апокрифическую литературу, народную трансформацию духовной литературы, в частности духовные стихи.

В канонической церковной и светской книжности и сам библейский сюжет, и образ фараона, преследовавшего иудеев, приобретает символическое значение и используется для обобщенной характеристики и именования отрицательно маркированных явлений и ситуаций, как, например, в «Молении Даниила Заточника» «И покры мя ницета, аки Чермное море фараона». В «Сказании о знамени от иконы Пресвятой Богородицы» говорится о победе новгородцев под предводительством Романа Мстиславича, сына киевского Великого князя Мстислава Изяславича, над войском Андрея Боголюбского,» пришедшего брать с двинян дань, и Андрей Боголюбский сравнивается с фараоном как олицетворением зла: «Якоже и лютый онъ Фараонъ многими ранами отъ Бога Моисеємъ наказуемъ, никакоже прѣста отъ прежня-го злаго и звѣрскаго своего начинания...» Это «Сказание» было очень популярно и стало впоследствии, по словам Ф. И. Буслаева, «достоянием всей земли русской» (Буслаев 1862: 12—20). Поэтому развернутый параллелизм библейского злодея-фараона и врага Новгородско-Псковской земли Андрея Боголюбского в «Сказании» мог способствовать тому, что именно на территории Северо-Запада России и отмечается в первую очередь мифологический персонаж, именуемый фараоном, персонаж, сохранившийся в народной памяти до XX в.

V. О змее и змеборчестве

В «Четьих минеях» под 17 февраля и в «Прологе» под тем же числом помещено описание подвига и мучения Феодора Тирона («Мучение святого Феодора Тирона ...», или «Страсть-святого и великого мученика Феодора Тирона»). В этих текстах рассказывается, как Феодор ведет борьбу с язычниками, отстаивая христианскую веру, сжигает языческий храм, за что мученика и огонь». Н них появляется как побочный и мотив борьбы Феодора с драконом. Феодор одолевает чудовище, считая, что, победив дракона, он одержит победу и над дьяволом. Этот мотив, кратко намеченный в Прологе, лег в основу апокрифа о Феодоре Тироне, который указан в некоторых индексах ложных и отреченных книг под заглавием «Феодора Тирона еже о змии».

Апокрифическое житие Феодора Тирона

Перевод текста рукописи Троице-Сергиевой лавры, XVI в., № 648,
лл. 357—362

Месяца февраля в 17-й день. Слово святого Феодора Тирона
Господи, благослови, отче

«Во времена царя Онаулента, который правил в Афинском городе вместе со своими мужественными приближенными, в городе, называемом Андриокия, был некий военачальник по имени Феодор, сильный, храбрый, богатый, первый среди знати, всеми

любимый и почитаемый. В том же городе жил некий святой, и был колодец, в котором бил ключ благотворной воды. Но этот колодец кишел змеями и другими гадами, и царь каждый год приносил им в жертву 12 коров, 80 быков и 25 ягнят, и только после этого они давали воду, и жители города насыщались этой водой... Однажды царь забыл принести жертвы змею в колодце. Разгневался змей и не дал воды. Стали люди мучиться без воды, и скотина у них стала подыхать от жажды.

Мать Феодора увидела, что конь ее сына очень страдает от жажды. А это был его лучший боевой конь, на котором он всегда сражался в битвах. Она взяла его за узду и одна пошла к источнику. Место, где находился источник, было очень страшно: там были крутые уступы, пропасти и стремнины, к тому же там было много зверей. Когда она пришла на это место, ее охватил ужас, но она, поборов женскую слабость, приблизилась к источнику. Увидев, что воды в источнике мало, она привязала коня на берегу, сама же спустилась, принесла воды и стала поить коня. Была же она прекрасна лицом и имела красивые волосы. И как только змей увидел ее, он захотел похитить ее и стал следить за ней пылающим взором. Когда же она в третий раз спустилась к источнику за водой, змей поднялся и с воплем схватил ее. Она же, увидев змея и услышав его рев, выронила сосуд, изменилась в лице и упала без чувств. И так змей похитил ее, унес в свое жилище и там спрятал. На берег же источника пришли рабы искать ее, но нашли только привязанного коня и сосуд, стоящий у воды. Они поняли, что ее похитил змей, и с рыданиями возвратились домой. Феодор же в это время был в палатах царя. Придя домой, он услышал рыдания, стал расспрашивать слуг, и они сказали ему: „Твоя мать, наша госпожа, похищена змеем!“ и услышав это, он горько заплакал, восклицая: „О горе мне, мать моя, что никто не пришел тебе на помощь в тот час, когда поднялся на тебя этот нечестивый змей! И отлетела твоя благая душа, но я знаю, что Бог не хочет этого“. Сказав это, Феодор сдержал рыдания, препоясался оружием и отправился к источнику, чтобы сразиться со змеем.

Пришел к Феодору царь и нашел его вооруженным, собирающимся спуститься в источник, и сказал ему царь: „О сын мой, Феодор, не замышляй то, чего не можешь совершить“. Феодор же отвечал: „Ты же знаешь, владыка, как мужественно я сражался со всеми народами, на которые ты меня посылал, и только для того, чтобы заслужить твою похвалу. Как же не сражаться мне мужественно теперь, когда я должен спасти свою мать!“ ... Царь же, видя, что он непреклонен, опустил на колени и стал молиться: „Господи, ты был помощником Иакову и Иосифу, когда они хотели прийти в Египет, а когда они пришли, дал им силу и власть. Услышь, Господи, мою молитву, спаси раба своего Феодора от беды и от всякого промысла вражия и потом возврати его ко мне“. Закончив молитву, царь сказал: „Чадое мое Феодор! Обрати молитвы твои к Богу, и не будет дремать ангел, охраняющий тебя“. Преклонил Феодор колени, принял благословение и спустился в колодец, где был источник... Раб божий Феодор вошел в жилище змея и там нашел свою мать, убранную как дева и украшенную золотом и серебром. 12 больших змей обвинили ее, а перед ней была мерзкая змея аспиды. Перед ней на золотом троне сидел старый змей, а прочие, большие и малые, стерегли ее. Вид всего этого ужаснул раба божия Феодора, однако, увидев мать, он бросился и хотел схватить ее, но тут взвились все 12 змей, блистая огнем, а мерзкая аспиды завывала, облизывая свою пасть. Старый же раздулся и стал таким, что его и глазами не охватить, и малые змеи также раздулись, намереваясь сожрать заживо раба божия Феодора. Увидев все это скопище змей, Феодор пришел в ужас и стал молиться, говоря: „Господи, Боже всеведущий, невидимый вождь и непостижимый устроитель, прими мою молитву и помоги одолеть этих врагов — мерзких змеев. И да прославится имя твое святое!“ И был ему глас: „Мужайся, Феодор, я с тобой!“ и размахнувшись, Феодор сразил старого змея и всех 12 змеев, пронзил мечом аспиду и победил все змеиное воинство. Самого же главного змея в это время не было, он охотился в полях. И сказал Феодор своей матери: „Пойдем, мать моя, поспешим из этих адских объятий!“ И как раз в тот момент, когда они говорили, появился, изрыгая огонь, самый большой змей. Имел он 60 локтей в длину, 12 локтей в толщину и 3 головы, и принес он свою добычу — двух отроков и трех эллинов. Взглянул нечестивый

змей и увидел, что хоромы его разрушены, а воин Феодор освободил свою мать. Разгневался змей и изрыгнул гнев свой дымом на Феодора и его мать так, что стало темно. Раб же божий Феодор, видя это, пришел в ужас и стал молиться: „Господи, боже наш! Когда Иону проглотил кит, ты через три дня избавил его, ты спас Даниила из пасти льва, помилуй и спаси меня и мать мою, сделай так, чтобы мы одолели чудовище!" И был ему глас: „Мужайся, Феодор, я с тобой!" Размахнулся Феодор и не глядя ударил копьем. Копье вошло внутрь змея и сразило его насмерть. Но семь дней не мог выйти Феодор со своей матерью, ибо был затворен змеем. Снова стал молиться Богу, говоря так: „Господи Боже, пребывающий на небесах и разрушивший двери и запоры ада. Внемли моей молитве, слава моя ныне пребывает в безднах горьких, и сошел я в земные глубины. В печали окончу я жизнь и отойду к тебе, Господи Боже мой". Господь Бог, чтобы спасти Феодора, послал архангела Михаила, и тот пустил воду течь прежним путем и велел Феодору выйти вместе с матерью и с юношами. И тут же покрыло их светлое облако, и вышла из-под земли вода и потекла рекой. Находящиеся поблизости люди увидели Феодора с матерью и юношами, пошли и рассказали царю... Царь дал Феодору высокий сан, и тот с тех пор стал бороться с врагами и побеждать их...»

Приведенный выше текст — это перевод апокрифа, выполненный с некоторыми купюрами. В отличие от переводного агиографического текста апокрифическое сказание является скорее всего древнерусским по происхождению. Развернутый сюжет змеборчества сближает апокриф о Феодоре Тироне с фольклорно-мифологической традицией. Борьба Бога или героя со змеем, отнимающим у людей источник жизни — воду — есть центральная оппозиция реконструируемого «основного мифа». Этот древнейший сюжет, в котором верховное божество славян Перун или заменяющий его персонаж противопоставлен змею, отражен в ряде белорусских поверий и сказок (Романов 1887). Борьба со змеем, отнявшим у людей воду, составляет основу сюжета украинской легенды. В незапамятные времена послал Бог на народ Козацкий страшного Змея, опустошавшего край. Владелец этой земли условился с чудовищем давать ему на пожранье одного юношу по очереди. Через сто лет пришла очередь царского сына. Царевича отвезли в урочное место. Он бежал и добрался до кузницы, где святые Глеб и Борис ковали первый плуг. Царский сын победил Змея, запряг его в этот плуг и заставил вспахать землю вдоль Днепра до Черного моря. Этим объясняется возникновение возвышенности вдоль Днепра, называемой Змиев вал. Змей в плуге все просился напиться из Днепра, но ему позволили это сделать, лишь когда пахарь добрался до Черного моря. Змей пил, пока не лопнул, после чего во все стороны расползлись малые змеи (Иванов, Топоров 1974: 173).

У южных славян существует ритуал вызывания дождя, который исполняется при особо сильных засухах — «гонене змей при засуха», при этом бездожде объясняется злыми действиями змея, который «запирает» плодородие. Чтобы его освободить, «открыть», змей должен быть изгнан, убит. Змей Горыныч в сказках, Змей Тугарин в былинах — все это различные модификации мифологического змея. По мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова (1974: 172), все три богатыря русского былевого эпоса — Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич — наделены змеборческими функциями.

Дуалистическое строение одного из основных и древнейших мифологических мотивов, основанное на противопоставлении двух начал — верховного божества, находящегося в верхних, небесных сферах, связанного со стихией огня, громом и молнией, и его антагониста, хтонического существа, удерживающего воду — змея, дракона, — характерно для индоевропейской и даже мировой традиции. Не чужд этот мотив и христианству: достаточно вспомнить святого Георгия, побеждающего змея.

В опубликованных материалах непосредственное отношение к сюжету о борьбе со змеем имеет новгородская легенда о змее из озера Игорь (№ 381). В легенде присутствует связь змея с водой, мотив вредоносности змея, жертвоприношения ему и борьбы с ним. Обращает на себя внимание сходство завершающего момента в сюжете «основного мифа» и «Легенды о змее из озера Игорь»: в обоих случаях змей опивается водой и лопається.

Мотив змеборчества имеется также в «Повести о Петре и Февронии», написанной в середине XVI столетия (Древнерусские предания ... 1982).

Петр с помощью волшебного, освященного пребыванием в алтаре церкви Агрикова меча побеждает змея, который прилетел и соблазнил жену его брата князя Павла.

«Искони ненавидящий добро в роде человеческом, дьявол вселился в неприязненного змея, летающего к жене князя того [князя Павла] на блуд. И являшеся ей своими мечты, яко же бяше и естеством;¹ приходящем же людем являшеся, яко же князь сидяше с женою своею» (там же: 320).

Примечание: ¹Являшеся ей своими мечты, яко же бяше и естеством — соблазнял ее, являясь ей и в чужом облике, как наваждение, и в своем естественном виде.

Помимо мотива змеборчества, находим в «Повести о Петре и Февронии» еще несколько параллелей с фольклорными материалами. Это мотив соблазнения женщины летающим змеем. На Севере рассказы об этом нечасты (см., например, № .24), однако в других регионах змей-соблазнитель имеет даже специальные названия: змей-любак (Смол. — СРНГ, II 301), волокит (Орл.), любостай (Тамб. — СРНГ, 17, 239) и др. О появлении же нечистого в облике мужа, близкого родственника или знакомого достаточно часто говорится в опубликованных текстах, где этот сюжет обнаруживает связь с культом предков, с демонологическими мотивами.

Представления о существовании летающего змея известны на Руси с древнейших времен. В Повести временных лет под 1091 г. читаем:

«В се же лето бысть, Всеволоду ловы дѣюще звѣриныя¹ за Вышегородомъ, заматавшимъ тенета и кличаномъ² кликнувшимъ, спаде превеликъ змий отъ небесе и ужасошася вси людье» (ПВЛ, с. 141).

Примечания: ¹Ловы дѣяти звѣриные — охотиться. ²Кличане — загонщики на охоте.

Летающий змей-соблазнитель достаточно часто фигурирует в сказках: «Каждый день летает к ней [девушке] змей; оттого и худа стала» (Афанасьев 1957; II, 88).

«Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван купеческий сын так мудр и силен?» (там же: 121).

Подобный сюжет находим в заклинаниях:

«Как во граде Лукоморье летел змей по поморию, града царица им прельщалася, от тоски по царе убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ее умалялася, сердце тосковалося, одному утешению предавалася — как змей прилетит, так ее и обольстит» (Майков 1869: 161).

Как уже отмечено, мотив змеборчества достаточно часто обнаруживается в былинах, но в них присутствует и змей-соблазнитель, как, например, в былине «Добрыня и Маришка»:

Приходила Маришка в свою спаленку,
Ин лежит убит ея милый друг, лютый змей,
Загорися, загорися у Маришки дом,
Разгорелося, разболелося ретиво сердце ея (Песни, собранные Киреевским 1861: 40—43).

Еще одна тема объединяет опубликованные мифологические рассказы с «Повестью о Петре и Февронии» — представление об очистительной силе воды. Змей, сраженный Петром, «окропи блаженного князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крове острупе (т. е. покрылся струпьями), и язвы быша, и приде на нь болезнь тяжка зело» (Древнерусские предания 1982: 322). Мудрая же дева Феврония излечила князя Петра от струпьев, язв и коросты омовением в бане. Лечение водой, наведение или снятие порчи с помощью воды достаточно представлены в мифологических рассказах Севера (№ 288, 290, 306, 308 и др.).

VI. О ворожбе и колдовстве

О тех приемах магии и колдовства, которыми пользовались в старые времена на Руси, об остатках язычества сообщают нам многочисленные «Слова» и «Поучения» святых отцов и церковных деятелей, направленные на борьбу с этими чуждыми христианству явлениями. И хотя многие памятники церковно-учительной литературы являются в основе своей переводными, в них древними книжниками внесены изменения и сделаны вставки, характеризующие быт именно славян. От более позднего времени —XVI—XVII вв. — сохранилось значительное число документов, связанных с «разыскными делами» по поводу якобы имевших место случаев порчи, ворожбы. В России в это время, как несколько раньше в Европе, получили весьма широкое распространение, с одной стороны, различные суеверия, колдовство, бесовство и ведьмовство, с другой — проводимая инквизицией и поощряемая ею «охота на ведьм». Но в России ни то, ни другое не получило такого размаха, как в Европе: не было разгула инквизиции, не полыхали костры, на которых сжигали ведьм.

Обращает на себя внимание сходство многих суеверий и магических ритуалов, о которых говорится в памятниках, с тем, что мы находим в современных этнографических и фольклорных материалах. Это свидетельствует об устойчивости магических представлений, что в известной степени можно объяснить их связью с повседневной жизнью человека, здоровьем его семьи, бытом и хозяйством.

К числу древнейших текстов, дающих сведения о языческих верованиях и магических обрядах славян, принадлежит одно из «Слов» Иоанна Златоуста, самый старший список которого на Руси относится к XIV в. Это переводной текст, на в нем, как полагает большинство исследователей, есть вставки, характеризующие культовый быт язычников-русичей. В «Слове» говорится об очень древнем состоянии языческой веры, когда главными объектами поклонения были даже не идолы, а природные стихии, небесные светила, источники, возвышенности, камни, деревья и т. п.

*Слово св. отца нашего Иоанна Златоустаго о томъ,
како пѣрвое погани суще¹ вѣрвали въ идолы
и трѣбы имъ клали² (По Паисьевскому сборнику XIV в.)*

«А друзии [кланяются] огнѣви и камелию, и рѣкамъ, и источникамъ, и берегинямъ,³ и въ дрова, не токмо прѣже въ тю-ганьствѣ, но мнози и нынѣ то творять, а крестьяны ся нарицающе ... и черезъ огонь скачють⁴ ... навѣмъ⁵ мовь творять ... въ бани мытися имъ велять ... Нарокомъ крестьяни, а дѣломъ страньници... Кази бо суть крестьяни, а послушающе... и почитании звездныхъ, и птица гласа, и чаровѣ, и волхвования ... и сновъ, и надъ источницы свѣща вжагающа ...» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы 1897: 237—238).

П р и м е ч а н и я: ¹ *Погани суще* — пребывающие в язычестве. ² *Требы класть* — совершать языческие обряды, приносить жертвы. ³ *Берегини* — древнеславянский мифологический персонаж, по многим характеристикам напоминающий русалку. ⁴ Ср. современный обычай прыгать через костер в ночь на Ивана Купалу. ⁵ *Навь* — умерший, покойник. Речь идет об обычае топить баню для предков. В новейших материалах этот обычай называется «греть покойников», или «греть родителей».

Перевод

А другие поклоняются огню и камням, и рекам, и источникам, и берегиням, деревьям. И не только прежде, в язычестве, но многие также и сейчас, называясь христианами. И через огонь перескакивают, топят бани для умерших и призывают их мыться. Считаются такие христианами, а по делам — совсем другие. Какие же они христиане, если прислушиваются к предсказаниям по звездам, по птичьим голосам, верят в колдовство и волхование, в сны, ставят свечи у источников...

В текстах содержатся подробные перечни колдунов различных «специализаций», действий и обычаев, которые подвергаются церковному осуждению.

Три святительскихъ поучения духовенству и миряномъ

«Блудникъ, обавникъ², мятежникъ, чародѣй, скоморохъ, узольникъ,² смывая челоуѣкы,³ въ птичь грай вѣруй, баснямъ сказитель, во стрѣчу вѣруя,⁴ во птицы и гады загадывая, таковии на лѣта отлучаются отъ причастиа ...» (РИБ, № 134, с. 926).

Примечания: ¹Обавникъ — тот, кто колдует с помощью заговора, наговора. ²Узольникъ — тот, кто колдует с помощью чародейственных навязей, узелков. ³Волхвующий омовением водой. ⁴Ср. поверье о том, что встреча с тем или иным человеком или животным может принести удачу или, наоборот, предвещать беду.

Роспись алфавитная (Соловецкий сборник № 925)

«Мнози отъ челоуѣкъ, приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, приемлють отъ нихъ бѣсовская обоняния¹ и наузы² и носятъ ихъ на себѣ. Иные бѣсовская имена, волхвовъ и чародѣевъ призываютъ надъ ѣствами и питиемъ, и те даютъ нѣкимъ изъ простой чади³ вкушати, яко бы ради здравия, и тѣмъ губятъ души многихъ простыхъ чади. И сего ради те... отъ неразумия приемлюще таковая, или на харатияхъ написаны носящи, погубимъ душу своя, вмѣсто божественныхъ имен приемлюще бѣсовския имена» (ЖМНП. 1863. № 117, отд. IV. С. 71).

Примечания: ¹Бѣсовская обоняния — волшебство, наговоры. ²На-узы — амулет, оберег, который носят на теле. ³Речь идет о наговоренной пище и питье, о чем имеются неоднократные упоминания в современных материалах (№ 290, 291, 296, 306, 349 и др.).

Послание митрополита Фотия в Новгород (1410 г.)

«Такожь учити ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ¹ не принимали, ни узловъ,² ни примолвления,³ ни зелья,⁴ ни вороженья, и елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божий приходитъ. И гдѣ такие лихие бабы находятся, учите ихъ, чтобы престаи и каляли бы ся» (РИБ. № 33. С. 274).

Примечания: ¹«Лихие бабы», также «бабы богомерзкие» — так блюстителю христианства называли колдуний, ворожей, знахарок. ²Ср. сохранившийся до нашего времени обычай завязывать узелок «па память». Узел служит также для наведения порчи (№ 298, 317) и в качестве оберега от нечистой силы. ³Примолвления — заговор, приговор. ⁴Зелье — трава.

Осуждались церковью и считались языческими, бесовскими действия, которые в более позднее время стали считаться развлечениями.

Слово Иоанна Златоустаго о играхъ и о плясани

«Тии бо насъ соблажняють... иного же на кощюны¹ и на пѣсни сатанинския, и на плескания² и на гудение³ и на плясание учать. А всѣхъ же играний проклятье есть много вертимое плясание: то бо отлучаетъ челоуѣки отъ Боги и во дно адово ведеть... Седоша бо, рече, людие ясти и пити, и быша сыти и пьяни, и восташа играти плясаниемъ... и потомъ приступиша ко идоломъ и начаша жертву приносити имъ» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы 1897: 104).

Примечания: ¹Кощюны — насмешки, богохульство. ²Плескание — рукоплескание. ³Гудение — игра на музыкальных инструментах типа свирели, гудка.

Весьма подробное описание действий, связанных с ворожбой, находим в «Сыскном деле» XVII в.

*Сыскное дело 1642—1643 гг. о намерении испортить
царицу Евдокию Лукьяновну*

«... Его жь де научаль государыню царицу портить и уморить до смерти стрелець Васька Мещерка ... а дѣлать де было ему то дѣло надъ государынею царицею такъ: напускать по вѣтру,¹ на зорѣ на утреней или вечерней, и у того Васьки научился привязывать киль² и для воровства³ женокъ приворачивать, а приворачиваетъ де онъ женокъ тѣмъ: возьметъ лягушку самца да самку и кладетъ въ муравейникъ и приговариваетъ: сколь тошно тѣмъ лягушкамъ въ муравейникѣ, столь тошно той женкѣ по немѣ, Афонькѣ.. Даль ему тое травы, которою испортить и уморить государыню царицу. Будеть де отъ тое травы государыня царица не умреть, ино б де ей какую спону⁴ сдѣлать... Да у него жь, у Гришки, вынято косной разводь,⁵ и онъ, Гришка, про тотъ косной разводь сказаль, что онъ тотъ косной разводь держаль у себя для глумства,⁶ а ничего по немъ не угадываль... съ бѣсы знался и на людей бѣсовъ по вѣтру воровствомъ напушаль... а кого де онъ похочеть испортить, и онъ наговариваетъ на соль и призываетъ бѣсовъ Народила и Сатанаила» (Чтения в Имп. Общ-ве истории и древностей Российских... 1895: 5-37).

Примечания: ¹Ср. № 331, 351. ²Привязывать килы — колдовством сажать нарывы, чирьи. ³Воровство—противозаконный поступок, мошенничество, бесчинство, безобразие. ⁴Спона — вред. ⁵Косной развод — кость животных и птиц, снадобья из них, используемые для гаданий и ворожбы (ср. № 313, 314). ⁶ Для глумства — ради шутки, для надувательства.

VII. Об оскорблении земли

Тема сакрализации воды, отношения к ней как к божественной сущности, обладающей магической активностью, звучала в тексте № 400. Обидевшая воду женщина была наказана. Этот же мотив возмездия за нарушение пиетета, но по отношению к другой сакрализованной стихии — земле — находим в «Повести о житии Михаила Клопского», написанной во второй половине XV в.:

«Чудо 6. И бысть брань¹ о земли Олферью Ивановичу с Иваном Семеновичем с Лошинским. И прорече Михаила² Олферью Ивановичу: „И будеши без рук и без ног, и нем!“ И пришедше Олферей Иванович к церкви святой Богородицы в Курецко и молвит: „Брате Иоан, то земля моя!“ — да по руки ударив, да рукавицею ударив о землю. И по рукавицу наклонился, ино у него рука, и нога, и язык прочь отнялися, не говорить» (Древнерусские предания 1982: 307).

Примечания: ¹Брань — спор, ссора, раздор. В данном случае — из-за права на владение землей. ² Имеется в виду Михаил Клопский, герой житийной повести.

Как явствует из приведенного отрывка, потеря способности двигаться и говорить (сейчас мы бы назвали это параличом) случилась у Олферия Ивановича после того, как он ударил рукавицей о землю. Но древняя языческая подоплека этого сообщения, как и следовало ожидать в повести житийного характера, затемнена, завуалирована христианским мотивом — событие происходит возле церкви Святой Богородицы; этим самым автор повести намекает, что возмездие имеет божественный источник. Однако древний культ земли косвенно проявляет себя и в самой недопустимости, наказуемости ссоры, распри, объектом которой является «мать сыра земля».

VIII. О «заключенном» бесе

В записях, сделанных в Усть-Цилемском районе республики Коми есть небольшой текст, в котором говорится, как некий человек молитвой заключил беса в умывальнике, куда тот залез:

«Один пошел в умывальник, молитву прочитал, а там дьявол запелился,* не может вылезти. Ухает там, бунцит,* ревет: „Откройте меня!“ Вот и в муку также [может забраться черт, бес], если не закроешь» (Коми, Усть-Цил., Пачгино, 1985).

Рассказан этот сюжет в подтверждение известного практически на всем Севере запрета оставлять не закрытыми сосуды с водой, еду. Запрет этот имеет практическое гигиеническое значение, но, как это часто бывает в подобных ситуациях, для убедительности ему придан мифологический характер. Сам же по себе сюжет, известный как «легенда о заключенном бесе», встречается в древних текстах. Наиболее ярко он представлен в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» (XV в.):

«... имеяше же святой [Иоанн] сосуд с водою стоящ, святой же из него умывавшеся ... и слышав в сосуде оном некотораго борюща¹ в воде, и прииде скоро святой, уразумев бесовское мечтание,² и сотвори молитву, и огради сосуд, лукавому запрети бесу... Бес нача вопити: „О люта нужда ³ сея!“» (Древнерусские предания 1982: 282).

Примечания: ¹*Борюща*—шевелившегося, бьющегося (в умывальнике). ² *Бесовские мечтания* — обман, наваждение. ³ *Люта нужда* — беда, несчастье, трудность.

Когда «палимый огнем» молитвы бес начал вопить, святой согласился отпустить его при условии, что тот в ту же ночь свозит его в Иерусалим и доставит обратно в Новгород. Бес стал «яко конь» перед кельей, святой с крестным знаменем сел на него и очутился в Иерусалиме перед храмом Гроба Господня, двери которого раскрылись сами собой перед ним. Помолившись, Иоанн таким же образом возвратился домой.

Сходным образом начинается сюжет о заключенном в умывальнике бесе в «Повести о водворении христианства в Ростове (Память праведнаго отца нашего Авраамия, архимандрита Богоявленьскаго Ростовскаго)»:

«...и хотящу ему [Авраамию] мыти руце, и диавол вниде в умывальницу, хотя преподобному спону сотворити водою. Разумев же преподобный лукаваго духа в сосуде, взем же преподобный честный крест и положи на верх сосуда и около сосуда огради крестным знаменем, и не врежая¹ сосуда многы дни. Бес же, крестною силою жгом в сосуде, не могый нзыти» (Древнерусские предания 1982: 132).

Примечание: ¹*Не врежая*— не трогая (сосуд).

Однако дальше события разворачиваются не так, как в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим». Князья во время охоты заехали в монастырь. Авраамий в это время был занят в портомойне стиркой одежды монастырской братии. Один из князей снял с крышки умывальника крест, и бес вышел из сосуда «акы дым черен и злосмраден».

В отместку за заключение в умывальнике бес, явившись в облике человека, оклеветал Авраамия. Он сказал князю, что Авраамий получил средства для основания монастыря, утаив от князя найденный им богатый клад (ср. бесовскую природу кладов в быличках, например, № 282, 395). Но князь убедился в честности Авраамия, когда тот заклил и победил беса именем Иисуса Христа.

Джинн, запечатанный в сосуде магическим знаком, и путешествие с помощью джина широко известны по «Сказкам тысячи и одной ночи». Арабская сказка восходит к еврейским легендам о царе Соломоне, который запечатал демона в сосуде «печатью царя Соломона» и сделался обладателем тайных магических знаков. «Сказание об авве Логгине» в «Патерике» и «Житие мученика Конона» являются посредствующими греческими звеньями между древнееврейским первоисточником и русской легендой (Федотов 1990: 223), отголосок которой находим в контексте, записанном на Печоре в 1985 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Андроников П. И. Леший (Этнографический очерк) // Русский дневник. 1859. № 25.
- Аников Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1913.
- А н у ч и н Д. Народные поверья. I: Леший // Русский дневник. 1859, № 37.
- Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой, библиотеки / Труд И. Я. Порфирьева. Казань, 1878.
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Ж., 1865— 1869. Т. I—III.
- Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1957. Т. I—III.
- Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего-Поволжья. М., 1981.
- Байбурин А. К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилья // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1977.
- Байбурин А. К, Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследование в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд / Отв. ред. В. В. Иванов, Л. Г. Невская. Л., 1990.
- Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельницах // Изв. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды этнографического отдела. 1874. Т. 13, кн. 3, вып. 1.
- Барсов Е. В. Об олонекских древностях // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3.
- Б а ш к о р т халк ижады. Эпос. Уфа. 1972.
- Блок А. Стихия и культура // Россия и интеллигенция. Пг., 1919.
- Бобров А. Г., Финченко А. Е. Рукописный отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII — начало XX вв) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. Л., 1986.
- Богатырев П. Г. Верования великорусов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение (1916). 1918. № 3—4.
- Буслаев Ф. И. Местные сказания Владимирские, Московские и Новгородские // Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым. М., 1862. Т. 4.
- Б у с л а е в Ф. И. Бес // Мои досуги. М., 1886. Т II.
- Буслаев Ф. И. Древнерусская борода // Соч. СПб., 1910. Т. II.
- Белецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов.: М., 1978.
- Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха // Сб. Отд. Рус. языка и словесности. СПб., 1883. Т. 32, № 4.
- Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. IV // Живая старина. 1907. Вып. 2.
- Волкова Т. Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIV.
- Г а л ь к о в с к и й Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Зап. Моск. Археологич. ин-та. 1913. Т. 18.
- Георгиевский Л. Народная демонология // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1902. Вып. IV.
- Гуляева Л. П. Пастушеская обрядность на реке Паше // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики" Отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. Л., 1986.
- Дилакторский П. Из преданий и легенд Кадниковского уезда Вологодской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3.
- Дилакторский П. Егорьев день на Руси // Живописное обозрение. 1905. № 16.

- Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник / Отв. ред. О. С. Ахманова. М., 1958. Вып. 3.
- Древнерусские предания (XI—XVI в.). М., 1982.
- Ефименко П. Демонология жителей Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии за 1964 г. Архангельск, 1864а.
- Ефименко П. Памятники языка и народной словесности, записанные в Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии за 1864 г. Архангельск, 1864б.
- Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
- Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1.
- Зеленин Д. К. Загадочные водяные демоны шуликуны у русских // *Lud slowianski*. Krakow, 1930а. Т. 1. cz. 2.
- Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сб. Музея антропол. и этногр. Л., 1930б. Т. 9, вып. 2.
- З е н з и н о в В. М. Русское устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1913.
- Змеев Л. Ф. Русские врачевники: Исследование в области нашей древней врачевной письменности. СПб., 1895.
- Зотов В. Р. Документальная история черта // Исторический вестник. 1884; Т. 15.
- Иванов П. В. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках // Сб. Харьковск. ист.-филолог. об-ва, 1893. Т. 5, вып. 1.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов В. В. Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балтославянской духовной культуры: Погребальный обряд / Отв. ред; В. В. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990.
- Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия // ЖМНПр. 1863. № 117, отд. IV.
- Кастрен А. Путешествие в русскую Карелию // Этнографический сборник. 1859. Вып. IV.
- Клюев Н. Песнослов. Пг., 1919. Кн. I.
- Ковалівський А. Виробничі культу в давній Україні // Науковий збірник харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. Харків, 1926. Ч. 2—3.
- Костоловский И. В. Народные поверья жителей Ярославского края // Живая старина. 1916. Т. 25, вып. 2—3.
- Криничная Н. А. О сакральной функции пастушьей трубы // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. Л., 1986.
- Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым. Ж., 1861. Т. 3. М., 1862. Т. IV.
- Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным // Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелев-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3.
- Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869.
- Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Марков А. К этимологии слова лахудра и подобных простонародных великорусских слов // Русский филологический вестник. 1915. № 73.
- М и т р о ф а н. Как живут наши умершие. СПб., 1880. Т. II.
- Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991—1992. Т. I, II.
- Невская Л. Г. Балто-славянские причитания: реконструкция семантической структуры // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд / Отв. ред. В. В. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990.
- Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Изд. А. И. Пономаревым. СПб., 1897. Т. III.

- Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравов. СПб., 1863. Т. 1.
- Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861.
- Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1.
- Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Померанцева Э. В. Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор / Отв. ред. И. М. Шептунов. М., 1978.
- Романов Е. Р. белорусский сборник. Витебск, 1887. Вып. 4.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рязановский Ф. А. Демонология древнерусской литературы М., 1915
- Седов В. В. Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд / Отв. ред. В. В. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990.
- Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889.
- Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913.
- Срезневский И. И. Рожаницы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся к России / Изд. Н. Калачев. М., 1855. Кн. 2, отд. 1.
- Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863.
- Срезневский И. И. Сербско-лужицкие народные поверья: Из бумаг И. И. Срезневского // Живая старина. 1890. Вып. 2.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912. Т. I—III.
- Строгова В. П. Об особенностях слова шишок и однокоренных в новгородских говорах // Научно-методическая конференция Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов. Л., 1968. Ч. 1—2.
- Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890.
- Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М., 1957.
- Толстой Н. И. Заметки по славянской демонологии. 3: Откуда название шуликун? // Восточные славяне. Языки. История. Культура / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1985.
- Толстой Н. И. Перевоорачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд / Отв. ред. В. В. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990.
- Толстые Н. И. и С. М. О жанре «обмирания» (посещение того света) // Вторичные моделирующие системы / Отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1979.
- Турилов А. А., Чернецов А. В. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // Советская этнография. 1986. № 1.
- Успенский сборник XII—XIII вв. / Ред. С. И. Котков. М., 1971.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967—1974. Т. I—IV; 2-е изд. М., 1986—1987.
- Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990.
- Финчинко А. Е. Материалы к изучению пастушества на Русском Севере // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1982 / Отв. ред. С. И. Вайнштейн. М., 1986.
- Хрестоматия по истории вологодских говоров / Сост. Г. В. Судаков. Вологда, 1975.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- Черепанова О. А. Материалы по славянскому язычеству и мифологии и трудах И. И. Срезневского // Славянские языки, письменность и культура / Отв. ред. В. В. Колесов. Киев, 1993.
- Чтения в Имп. Общ-ве истории к древностей Российских при Московском университете. М., 1895. Кн. 3.

Шайжин Н. Олонецкий край // Памятная книжка Олонецкой губернии па 1909 г. Петрозаводск, 1909.

Шаповалова Г. Г. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ним фольклор // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1974.

Вес k m a n G. M. Hittite Birth Rituals: Studien zu den Bogazkoy. Texten. 9. Wiesbaden, 1983.

Cerny A. Mythiske bytosce luziskich Serbow. Budysin, 1893.

Moszynski K. Kultura ludowa Slowian. Krakdw, 1934.

Moszynski K. Pierwotny zasieg jezyka praslowianskiego. Wroclaw, 1957.

Niederle L. Slovanske Starozitnosti. Oddil Kulturni. Dil 2, sv. 1. Vgd. 2.

V Praze, 1924.

Sumcow M. Boginki-mamuny // Wisla. 1891. R. 5.

Urbanczyk Religia poganskich slowian. Krakow, 1974.

V o n d r a k W. Vergleichende slavische Grammatik. I—II. Gottingen, 1906—1908.

ДИАЛЕКТНЫЕ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ

Бердо — часть ткацкого стана в виде гребня, между зубьями которого продеваются нити.

Беседа — вечерние собрания жителей деревни, обычно молодежи, для совместного проведения времени за работой, для игр и развлечений.

Благой — плохой.

Блазнить — казаться, мерещиться.

Богатки — название дня Ивана Купалы, по православному календарю Рождество св. Предтечи и крестителя Господня Иоанна, 7 июля.

Богородица — народное название дня Рождества Пресвятой Богородицы, 21 сентября.

Боронина — вспаханное и пробороненное поле.

Броснуть — при обработке обивать головки, семя льна.

Бунчать — стучать, греметь.

В поход — вслед, следом.

Вережаться — получать травму, ушиб.

Вещевать — предсказывать, вещать.

Взаятки — задом наперед.

Водогрейка — помещение при скотном дворе, где подогревают пойло для скота.

Вольный — одно из наименований лешего.

Ворга — болотистая местность, лощина, заросшая кустарником, мелкоколесьем.

Вороба — орудие для наматывания пряжи в виде крестовины, вращающейся на стержне.

Воронец — в деревенской избе: один из двух деревянных брусьев, расположенных перпендикулярно друг другу от печи до стен; на него крепятся полати, перегородка; используется в качестве полки для хранения горшков, кринок и другой посуды.

Вьюха — приспособление в виде цилиндра для наматывания пряжи в процессе прядения.

Выкипеть — начать бить из-под земли, забурлить (об источнике).

Гадал — тот, кто гадает, предсказывает, ворожит.

Гейнуть — крикнуть, гикнуть. Глумиться — смеяться.

Гнетушка — одно из наименований домового, который наваливается на спящего человека, гнетет, давит.

Голяк (голик) — веник из прутьев без листьев.

Гонобольняк — место, где растет ягода гоноболь; заросли гоноболи (голубики).

Дверестяной (дверстяной) камень — род песчаника, который с треском рассыпается в огне.

Дедовник — репейник, чертополох. Дедушкин след — след лешего.

Декаться — дурачиться, беситься, причиняя кому-нибудь неприятность.

Дивья — хорошо.

Долонь — ладонь (руки).

Жир кидать — плескать воду на раскаленную печь-каменку, чтобы прибавить пару в бане.

Жимца — недавно состриженная, необработанная шерсть овцы.

Зааминивать — крестить и произносить слово «аминь», чтобы уберечь кого-, что-н. от действия нечистой силы.

Завещание — обет, обещание.

Завязаться — появиться, оказаться.
Заимка — избушка в лесу, в которой ночуют охотники, лесорубы и т. п.
Залалайдать — зашуметь, застучать.
Залога — сенокосный луг, покос.
Запелиться — залезть куда-н., проникнуть внутрь чего-н.
Запохвас — с целью похвалиться удалью, бесстрашием. Засек — место в амбаре для хранения зерна, муки; загром, сусек.
Засесть — увязнуть в слякоти, болоте.
Заставить (скотину) — поместить скотину в хлев.
Заструга — место, где круто обрывается песчаная мель; глубокое место в реке, озере; омут.
Зачертиться — очертить вокруг себя круг, произнося при этом заклинания, с целью уберечься от действия нечистой силы.
Зачуриться — произнести заклинательное слово «чур» с целью уберечься от действия нечистой силы.
Здвиженье, Здвижнев, Звижнев день — церковный праздник Воздвиженья креста Господня.
Зимник — дорога, по которой ездят только зимой.
Зимовка — пристройка к избе, приспособленная для жизни зимой.
Знать — уметь колдовать, ворожить.
Зыбаться — трястись (здесь: от страха).

Икота — нервное истерическое заболевание, выражающееся в судорожных припадках, во время которых больные кричат — выкликают; кликушество
Иордань — название проруби, которую делали в реке или озере на Крещение для совершения обряда.
Исполох — нервная болезнь, недуг, получаемый от испуга.
Испуг: с испугу — от испуга, чтобы избавиться от нервного шока, вызванного страхом.

Кабыть — как будто, словно.
Казан — род женской шитой кофты, пиджака.
Камница — печь в бане, сложенная из камней, каменка.
Кипун — родник, ключ.
Кислинка — щавель.
Киты — комки свалявшейся шерсти на ногах скотины, обычно у овец.
Кокора — буханка хлеба круглой формы.
Колочок — кустарник, растущий на низких заболоченных местах.
Край—в большой степени, очень.
Кресты — перекресток или развилка дорог.
Кресты кидать (бросать, поставить) — совершать магические действия, бросая назад за спину или устанавливая на перекрестках дорог крестики из палочек, прутиков.
Кросна — ручной ткацкий стан.
Крюк — коромысло.
Кряж — увал, холм с обрывистым спуском.
Кудесить—ворожить.
Кузов — корзина для ягод, грибов.
Кукла (льна) — сноп (льна).
Кукоречки: на кукоречках — на плечах, на закорках.
Кутейник — Рождественский сочельник.

Ладонь — площадка для молотьбы, ток.
Лешакаться — ругаться, браниться, упоминая имя лешего.

Лешачий переход — место, где часто показывается леший.

Литва — собир., литовцы, отряд литовских воинов. В тексте имеются в виду события, начала XVII в., польско-литовская интервенция.

Лихо — очень быстро.

Лозина — ива (дерево).

Лядина — низменное сырое место, болото.

Малица — верхняя мужская одежда, сшитая из меха ворсом внутрь, часто с капюшоном.

Мараковать — уметь.

Матить — ругать, используя грубые бранные слова.

Матица — центральная несущая балка на потолке избы.

Могилки — кладбище.

Модовейко — одно из наименований домового: домовейко → модовейко.

Мост — 1) сени; 2) пол, настил в сенях, на крыльце.

Набалмаш — без соблюдения установленного порядка, кое-как.

Наводы — то, что наслано, наведено колдуном; порча.

Назем — помещение, где стоит скот.

Накрянутый — проклятый.

Наладить — избавить от порчи, сглаза.

Нарывать — насыпать.

Нашиньгать — растеребить, натрепать, размягчить ударами (о стеблях льна).

Небаские — общее название нечистой силы, букв, нехорошие, некрасивые.

Обдумать — сглазить кого-н., подумав о нем.

Оброть — узда, недоуздок (обычно веревочные).

Обрядаться (на дворе, в доме) — заниматься хозяйственными делами.

Обход — комплекс магических действий, предметов и заговоров, которые пастухи использовали для того, чтобы сохранить стадо и хорошо сти скот.

Огибошна — наименование мифологического персонажа, который прядет по ночам.

Озорко — страшно, боязно.

Опасно — страшно, боязно.

Опушина — край, кромка чего-н.

Отпуск — то же, что обход.

Отрепья — отходы при первичной обработке льна; пакля, очесы.

Охлупень — верхняя продольная балка на крыше, конек.

Очертиться — очертить вокруг себя круг с целью уберечься от нечистой силы.

Ошарашно — страшно, жутко.

Пар божий — именование домашних животных в заговорах, заклинательных формулах; тварь, создание Божье (если о человеке можно сказать «божья душа», то по отношению к скотине это выражение не может быть использовано, поскольку душа дана Богом только человеку).

Пасмо — моток из 16 или 40, 60, 240 и т. д. нитей.

Пахать — подметать, мести.

Пачеси — отходы при вторичной обработке льна.

Петун — петух.

Пилька — небольшая керосиновая лампа или светильник типа коптилки.

Поветь — чердак.

Подовин — нижнее помещение в овине, где находятся печи.

Подслудье — сырой, заболоченный луг.

Позевкана — причастие от «позевкать»; подвергнута действию порчи, сглаза; букв. озевана.

Половенная (яма) — яма для хранения отходов, полученных при молотьбе, — половы.

Полог—1) кровать с задергивающимся занавесом — пологом; 2) вид рыболовной снасти.

Попахать — сов. вид от пахать 'помести, смести'.

Помершая шкура—кожа, шкура домашнего животного, умершего своей смертью (а не заколотого, зарезанного), считалась нечистой, бесовской.

Порато — много, в большом количестве.

Портно — домотканое полотно.

Посом — помещение в доме над потолком, поветь, чердак.

Постень — тень.

Потеряться — умереть.

Пошевни — вид саней.

Пошутить — наколдовать, навести порчу.

Праведный — одно из наименований лешего.

Преть — место, где хранится лен.

Промыргать — промычать.

Прясница — прялка.

Пятистенок — большая изба с внутренней стеной, разделяющей жилое помещение.

Репище — поле, на котором растет репа.

Роспуск — вид телеги.

Росстань — развилка или перекресток дорог.

Рычать — кричать.

Сволок — деталь ткацкого стана: вал, на который намотаны нити основы,

Скрянуть — сдвинуть, переместить.

Слушать — гадать о замужестве, обычно на перекрестке дорог. Если гадающим послышится звук, напоминающий звон бубенцов, считают, что будет свадьба, если стук — то это предвестие несчастья, болезни, смерти.

Смонуть — очищать от семян ударами, трением об колодку.

Снарядные — ряженные.

Сорочинка — сороковой день после смерти.

Сорочины — то же, что сорочинка.

Спорынья — прирост, увеличение урожая, плодовитости скота, подъем теста на дрожжах и т. п. Мистическая сила, которая обеспечивает этот прирост.

Стайка — отгороженное место для скотины в хлеву.

Статья — лист бумаги, на котором написан пастушеский заговор; пастушеский заговор.

Стебли — голени ног.

Страшная неделя — Страстная неделя перед Пасхой.

Стриган — жеребенок второго года жизни.

Сукрестки — то же, что кресты, росстань.

Супрядки — вечерние собрания молодежи зимой, на которых девушки занимаются прядением.

Суседиха — наименование мифологической хозяйки дома, домово́й.

Съезд — пологий скат из бревен, по которому подвозили на лошадях сено, дрова и т. п. ко второму этажу хозяйственных построек, к чердаку дома.

Теплить — топить (печь).

Теряться — уменьшаться в объеме, оседать (о тесте в квашне).

Трепало — орудие обработки льна.

Торок — шум.

Турак (мн. турачья) — деревянный стержень, на который наматывают обработанную шерстяную пряжу.

Урок — порча, сглаз; вред, причиненный порчей, сглазом.

Урочище — участок поля, покос среди леса; поляна в лесу.

Фараон — наименование мифологического персонажа, полурыбы-получеловека, обитающего в воде.

Хвосты заломить — проявлять беспокойство, бегать, метаться. О скотине в летний период, когда больше всего оводов.

Херувимы — церковные хоругви.

Хорухли — церковные хоругви.

Хотерка — искаженное: квартирка.

Цкать — скручивать шерсть в нитку при прядении, скать.

Цмор, чемор — наименование черта; употребляется в бранных выражениях.

Чад — дым.

Чепурочки: на чепурочки — на корточки.

Чинно — очень, в значительной степени.

Что и то — то и се.

Шатровый столб — устой, столб, поддерживающий свод крыши в хозяйственной части крестьянского дома.

Шести́ха — одно из наименований лешачихи, лесной русалки; чертовка.

Шесток — место, площадка перед устьем русской печи.

Шиньгать — теревить, трепать, размягчать ударами (о стеблях льна).

Шишок — одно из наименований черта. Шукша — отходы при первичной обработке льна.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Географические названия

- Арх. — Архангельская область: Белом. — Беломорский, Велег. — Велегодский, Карг. — Каргопольский, Карпог. — Карпогорский, Мез.—Мезенский районы
- Волог. — Вологодская область: Бабаевск. — Бабаевский, Белоз. — Белозерский, Кирил. — Кирилловский, Чаг. — Чагодощинский, Череп. — Череповецкий районы
- Вят. — Вятская область, губерния
- Карелия — Республика Карелия: Медв. — Медвежьегорский район
- Коми — Республика Коми: Усть-Цил. — Усть-Цилемский район
- Лен. — Ленинградская область: Волх. — Волховский район
- Лит. — Республика Литва: Ионав. — Ионавский район
- Мурм. — Мурманская область: Канд. — Кандалакшский район
- Новг. — Новгородская область: Батецк. — Батецкий, Любыт. — Любытинский, Новг. — Новгородский, Пест. — Пестовский, Старорус. — Старорусский, Хвойн. — Хвойнинский районы.
- Олон. — Олонецкая губерния
- Орл — Орловская область
- Перм — Пермская область: Соликам. — Соликамский район
- Печ. — бассейн р. Печоры
- Пин. — бассейн р. Пинеги
- Пск. — Псковская область: Палк. — Палкинский, Печ. — Печорский районы
- Смол. — Смоленская область, губерния
- Тамб. — Тамбовская область, губерния
- Твер. — Тверская область: Осташ. — Осташковский район
- Эстония: — Республика Эстония: Пылев. — Пылевский район

2. Названия языков и диалектов

блр. — белорусский; болг. — болгарский; зап.-рус. — русские говоры западной части России; лат — латинский; лит. — литовский; морав. — моравский; нем. — немецкий; пол. — польский; полес. — говоры на территории Полесья; рус. — русский; с.-х.— сербохорватский; санскр. — санскрит; слав. —славянские языки; словен. — словенский; укр. — украинский; франц. — французский; чеш. — чешский; ю.-рус.—южнорусские говоры; ю.-слав. — южнославянские языки.

3. Архивы, картотеки, источники

- АМЭ Тен. — Архив государственного музея этнографии, фонд Тенишева (С.-Петербург)
- АПД — Архив Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Сектор фольклора
- ЖМНПр — Журнал министерства народного просвещения

- Карт. латв. ун-та — Картотека фольклорных и диалектных материалов при кафедре русского языка Латвийского университета (г. Рига)
- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Хранится на кафедре русского языка Петербургского университета
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Хранится в Словарном секторе Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург)
- МИР — Святого Кюрила мниха слово о сънятии тѣла Христова с креста и о мироносицах// ТОДРЛ. Т. XIII
- НИК СОБ — Слово Кюрила грѣшнаго и похвала отцем святого Никейскаго събора // ТОДРЛ. Т. XV
- ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1990. Т. 1—8.
- РИБ — Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI.
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург) древнерусского языка. М., 1988. Т. I; М.,
- СДР — Словарь древнерусского языка. М., 1998. Т. I.; М., 1989. Т. II
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1970—1992. Вып. 1—27.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1992. Вып. 1—19.
- Эст., МК — Эстония. Музей им. Крейцвальда в г. Тарту. VENE (русский фонд) ERA.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Фантастический мир русского северянина глазами современного человека.....	5
Тексты.....	12
Культ предков и представление о потустороннем мире	-
Проклятые и обмененные (о людях, побывавших в ирреальном мире)	19
Народная демонология.....	24
Черт, бес	43
Магия: колдовство и гадания	48
О змеях, поклонении стихиям, кладах и другие (разного содержания)	65
Народные сюжеты христианства	68
Очерк традиционных народных верований Русского Севера (Комментарии к текстам)	73
Приложение. Мифологические мотивы в памятниках древней славяно-русской письменности и литературы	118
Литература	130
Диалектные и малоупотребительные слова и выражения	134
Сокращения	139